

Выходит по средам

В НОМЕРЕ

Погром в Варшаве

Антирусские настроения глубоко укоренены в польском обществе и подогреваются прессой и политиками правого толка. Недавно это вылилось в беспорядки у нашего посольства. Уроки истории – и это событие стало ещё одним свидетельством – плохо усвоены в Польше.

СТР. 3

«За верность слову и Отечеству»

Экспертная комиссия «ЛГ» рассмотрела произведения всех соискателей премии имени Антона Дельвига 2013 года. В результате этой работы был определён «длинный список» нашего конкурса, который сегодня мы представляем нашим читателям.

СТР. 5

Хорошие и разные

Стихи современных поэтов – это своего рода камертон душевного состояния общества. Сегодня «ЛГ» представляет поэтов Москвы и других городов страны – Алексея Королёва, Ирину Егорову-Крекину, Андрея Шацкого, Наталью Стручкову, Виталия Мухина и Виталия Рожкову. В их стихах словно отражается сегодняшнее поэтическое лицо России.

СТР. 6

Кино, познающее мир

В Угличе прошёл V фестиваль патриотического кино «Человек, познающий мир». На экране – Россия, к которой авторы картин относятся с теплом...

СТР. 8

Пивоваров хлопнул дверью

Известный журналист попрощался со зрителями НТВ, представив свой новый фильм «Егор Гайдар. Гибель Империи». Экспертами по теме выступили Андрей Нечаев, Пётр Авен и Анатолий Чубайс. Чем удивили их высказывания?

СТР. 10

На прошлой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 30902 человека. Заходите!

Мадонны по принуждению

Маргарита СИКОРСКАЯ. Из серии «Простые радости»

В этом году впервые в истории новой России рождаемость превысила смертность. За девять месяцев, сообщила министр здравоохранения Вероника Скворцова, население страны увеличилось на 5109 человек. Прирост зафиксирован в 40 субъектах Федерации, а в Чечне рождаемость превысила смертность в пять раз.

Этот, пусть пока и маленький, шаг к улучшению демографической ситуации вызвал бурю. Нет, не ликования, – инициатив. Эпатажный Владимир Жириновский предложил в качестве способа борьбы с нищетой запретить женщинам Северного Кавказа рожать больше двух детей, а с ослушавшихся взимать штраф. Прямо противоположный рецепт процветания России у борцов с абортками. Сначала некие инициативные группы православных граждан выступили за наложение вето на искусственное прерывание беременности, затем к ним присоединились законодатели

Самарской области, предложившие прекратить финансирование абортов (за исключением производимых по медицинским показаниям) из средств бюджета.

Накануне Дня матери, который празднуется у нас уже пятнадцать лет в последнее воскресенье ноября, с очередной инициативой выступила глава думского Комитета по вопросам семьи, женщин и детей Елена Мизулина. Известный борец с абортками и разводами теперь ополчилась и на суррогатное материнство. По мнению депутата, оно противоречит русскому менталитету, православным духовным ценностям и «естественному способу воспроизводства».

Естественным способом воспроизводства озаботились и дети. Маленький Федя Фокин даже написал письмо Путину: «Мне 8 лет, я учусь во 2 «Б» классе. Я узнал, что есть такие преступления аборты и мой папа против них. Если вы можете объявить запрет абортов по всей стране, то объявите

и поймите и посадите в тюрьму как поймали и расстреляли Чикатило».

Бедный Федя. Вместо того чтобы играть в машинки или зубрить таблицу умножения, изучает с единомышленниками (с папой?) учебник по гинекологии. А как же закон о защите детей от информации? Неужто сведения об абортах приносят малышу исключительно пользу?

У нас что, все проблемы уже решены, и всё дело в дамах, не желающих становиться мадоннами? Может быть, побеждены уже бедность, социальное сиротство, бегство от алиментов и демографический перекос в количестве мужчин и женщин? Или следующим шагом должно стать многодетность? Оцени медицинские услуги по прерыванию беременности хоть в миллион, всё равно найдётся тот, кто в определённых обстоятельствах за ценной не постоит.

Странно, мало кто говорит о социальной поддержке семей с детьми и практически никто – о создании сов-

ременного образа женщины-матери. Не золушки, вышедшей замуж за олигарха, не затюканной проблемами многодетной крестьянки и не потребительницы, которой для счастья достаточно памперсов, кремов и чистящих средств. Недостаточно. Чтобы женщина-мать была счастлива, нужны детский сад без очереди, школа под боком, кружки, няня (в идеале – бабушка) и свободное время, чтобы успеть после работы поцеловать малыша и спеть ему колыбельную. Но, самое главное, нужен Он, единственный. Жаль, что проблему дефицита мужей нельзя решить, как проблему абортов, одним махом, запретив сильной половине человечества пить, курить, рисковать на дорогах и любить друг друга.

Любая женщина хочет стать матерью. Ведь материнство – это великое счастье. Даже если оно не запланировано...

Слово о матери наших авторов и читателей на стр. 2, 4, 8, 12

МНЕНИЕ

Единый – не единственный

Создание «единого учебника истории» по-прежнему активно и горячо обсуждается в печати, теле- и радиоэфире и в обществе. Во-первых, весьма профессиональный и непростой научно-издательский проект используется как возможность «поговорить о политике». Во-вторых, на самом деле до сих пор неясно, что собой будет представлять «единый учебник».

Крепкое слово – «единый». Сидит в памяти формула – «За единую и неделимую Россию», как не забываются и строчки из Государственного гимна СССР: «Единый, могучий Советский Союз». Но в преломлении к учебникам истории всё не так просто, как в отношении единого проездного на все виды городского транспорта.

Понятие это стало сейчас заметной фигурой политического языка, а сам проект – государственной кампанией. Как в любое время проповольственная программа или БАМ, ускорение и гласность, а ещё недавно – модернизация всего и вся. Наверное, поэтому о перипетиях вокруг проекта, которым интересуется даже президент страны, мы чаще уз-

наём не из научно-исторической или педагогической прессы, а из выпусков топовых теленовостей или ток-шоу.

Определение «единый учебник» рождает в воображении образ некоего монументального фоллианта на все случаи жизни для всех школьников и для всех поголовно студентов. Единый же! Хотя, и об этом было заявлено в самом начале проекта, правильнее говорить не о «едином учебнике», где всё расписано от и до и шаг в сторону – расстрел, а о линейке учебников. Один комплект – для школы, от пятого и до выпускного класса, несколько комплектов для вузов, техникумов и училищ – в зависимости от их специализации. А вот созданы и выпущены они будут опорой на общий концептуаль-

ный стандарт, обсуждение которого продолжается в прессе и на совещаниях – публичных и за закрытыми дверями.

Проект, мягко говоря, сильно нервнует либеральную интеллигенцию, которая, как известно, ратует за разногласию мнений до той черты, за которой у неё уже не останется монополии на истину в последней инстанции. По мнению таких критиков, единый учебник – очередной шаг к авторитаризму.

Между тем проходящее (и прямо скажем, не требующее особой спешки) обсуждение стандарта показывает, что «авторитарные тен-

денции» не в особой чести у разработчиков «Концепции нового учебно-методического комплекса по русской истории». Скажем, среди тезисов, посвящённых истории 1960–1980-х, есть строки о диссидентах и правозащитниках. В последние десятилетия нам усердно навязывали героика диссидентского движения, но это явление наверняка требует более обстоятельного, взвешенного и объективного подхода. Как и оценка личностей, подданных А.Д. Сахарову, – надо видеть их во всей полноте.

Окончание на стр. 2

КНИГА НЕДЕЛИ

● Геннадий Шпаликов. Я жил как жил: Стихи. Проза. Драматургия. Дневники. Письма. – М.: Зебра Е, Личности, 2013. – 528 с. – 2000 экз.

Выпускник Киевского суворовского военного училища Геннадий Шпаликов культурной личностью стал ещё при жизни. Сценарист всенародно любимого фильма «Я шагаю по Москве». Автор не менее любимых песен «Бывает всё на свете хорошо», «Ах, путь короткий или долгий», «Палуба», «Ах, утону я в Западной Двине», «Садовое кольцо». Человек, которому всё давалось легко. И он же в коридоре киностудии кричал: «Не хочу быть работником!» По некоторым его сценариям так и не были поставлены фильмы, а единственный свой роман он не закончил.

Но в этой книге Г. Шпаликов предстаёт перед нами ещё в одном качестве – как автор нежных и трогательных писем к Виктору Некрасову, Кире Муратовой, Софье Милькиной-Швейцер, Юлию Файту...

В предисловии к книге друг Шпаликова Ю. Файт пишет: «Когда 1 ноября 1974 года Геннадий Шпаликов сам прекратил своё земное существование, было очень горько, больно. Потеря была невосполнимой... Конечно, новая книга, название которой, как и названия разделов, мы взяли у самого автора, не даёт полного представления о творчестве кинодраматурга, режиссёра, поэта, прозаика. В неё намеренно включены отнюдь не совершенные детские (времен Суворовского училища) стихи, заметки для себя, шуточные поэтические послания друзьям, письма.

Мы надеемся, что читатель сможет близко познакомиться с оригинальным художником и очень своеобразным человеком, с которым так интересно было дружить и работать. Да просто жить рядом».

Геннадий Шпаликов ушёл из жизни в тридцать семь лет. И это тоже было несчастливо.

*Желанье вечное гнетёт –
 Травой хотя бы сохранилась.
 Она весной прорастёт
 И к жизни присоединится.*

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Теперь и в Сеуле

Как утверждает всё знающий интернет, на планете – более 190 памятников Александру Сергеевичу Пушкину. «ЛГ» старается сообщать о всё новых и новых бюстах и памятниках поэту, которые открываются в разных странах.

Помогает нам вот уже несколько лет энтузиаст этого замечательного дела Игорь Новосёлов, который после каждой торжественной церемонии приходит в редакцию. Поведать он нам и об открытии в Сеуле по предложению южнокорейского «Пушкинского дома» памятника основателю «ЛГ». На пожертвования граждан России московский скульптор Н.А. Кузнецов-Муромский, работы которого украшают многие города мира, изготовил памятник, затем отлитый в бронзе. Южнокорейская авиакомпания безвозмездно переправила его в Сеул.

Президент России В.В. Путин торжественно открыл монумент и отметил, что памятник ему понравился. Теперь бессмертные строчки «И буду долго тем любезен я народу» можно прочитать на постаменте на русском и корейском языках.

ОЧЕВИДЕЦ

Демократия надоела?

Прошедший 8 сентября единый день голосования отметился рекордно низкой явкой избирателей: по стране в среднем — 30 процентов. Это заметно ниже показателей прошлых выборов. Знатки утверждают, что это нормально, в Европе явка такая же.

Если низкая явка — норма, зачем тогда графу «против всех» возвращают? А глава Центризбиркома Чуров выступил за максимальное снятие ограничений на предвыборную агитацию. И привёл довод: чем больше будет агитации, тем больше граждан придут на выборы.

Значит, избиратели всё-таки нужны? Но зачем же тогда сделали в году лишь один день голосования, назначив его на такую дату, когда народ или отдыхает на курортах, или «в поле»?

В чём же причины такой пассивности граждан? Если им надоела демократия, то почему? Как-то в поезде я разговорился с солидной дамой. Беседа шла ладно, пока не заикнулся «за политику». Меня резко оборвали:

— Никакой политики! Нормальные люди о ней не говорят. Надо заниматься лишь своими делами и наслаждаться жизнью. Уверю вас, что так думает 97 процентов людей.

Дама — музыкальный работник в частном детском саду, ей около пятидесяти, переехала в Подмосковье, где живёт сын с семьёй. Удивила агрессивность, с какой она высказалась о политике.

А несколько лет назад случилось у меня интересное социологическое исследование — ходил по квартирам, собирая подписи в поддержку себя как кандидата в депутаты областного парламента. Встретился с несколькими сотнями человек. Многие говорили:

— Не пойдем на выборы, потому что никому не верим! Когда идут во власть, всё обещают, но ничего не исполняют! Только врут и воруют!

Я отвечал: — Правильно делаете, что никому не верите. Вы смотрите на прежние дела человека и по ним судите. И не все врут и воруют. Вот если вас выберут, к примеру, вы тоже будете врать и воровать?

Редко кто отвечал утвердительно. Но кандидатам не верят. Неужели люди уже не допускают, что можно управлять по-честному? И разве невозможно выбрать в городе десятка три порядочных людей, готовых взять ответственность за положение дел?

Хотя ведь и действительно — выбрать качественную власть бывает сложно, ибо часто просто не из кого выбирать — все кандидаты хуже. Какось: сам на последние выборы не ходил.

Люди порядочные теперь не склонны претендовать на власть. Дорого это стало теперь, да и активность политическая может стать причиной неприятностей — у начальства вызвать неудовольствие или повлиять на личный бизнес, ежели он есть.

Но и равнодушным к происходящему в стране нельзя оставаться. Однако как проявлять своё неравнодушие-то? Гражданское общество у нас по сути не сформировалось. Сообщества местные организованы плохо, слабые.

А партии? Из «системной оппозиции» так ни одна партия и не дотянулась до уровня, когда бы могла реально сдерживать «партию власти». А ведь это минимальный минимум ожиданий от партий.

Наша неопозиционная оппозиция годами повторяет одни и те же слова — и никаких дел! Доверие к ней упало сильно. И квазиопозиционные партии странной «деятельностью» лишь увеличивают степень аполитичности.

Лидер КПрФ твердит, что к ним приходит много молодежи и что у них великолепные кадры. Но не видно там ни ценных кадров, ни юношей с горящим взглядом.

Во Владимирской области на сентябрьских выборах немало голосов набрала другая «Компартия» — новая КПСС: «Коммунистическая партия социальной справедливости». Которой на самом деле в губернии нет! Это виртуальная партия «мёртвых душ», созданная политехнологами. Представляет её в регионе пожилой политик с сомнительной репутацией. Но тем не менее она составила заметную конкуренцию КПрФ!

Ныне партию сочинить несложно, оттого их наплодили десятки. Но как подумает: а какая же заслуживает того, чтобы в неё можно было вступить — не видишь ни одной.

Как же преодолеть нарастающую аполитичность россиян? Как решить эту задачу, кажущуюся совершенно нерешаемой? Какие доводы могут убедить граждан активнее переживать за судьбу общества на разных его уровнях — от своего дома до всей страны?

Но кого действительно по-настоящему волнует проблема аполитичности? Интеллектуалы наши далеки от задач по оптимизации социума. Кто сегодня искренне и бескорыстно ломает головы над этим?

Яростной критики власти навалом. Но язвительного скепсиса в ответ на идею, что общество нужно улучшать, не меньше. И предлоги нечто конструктивное — тут же бросаются доказывать, что всё это невозможно, а потому просто глупо.

Явно проявляется тенденция дальнейшей деполитизации — и в СМИ, и в социальных сетях сильны мнения, что ничего не изменить.

Нет, само собой точно не получится. Попутный ветер помогает только тем, кто знает цель, к которой он стремится.

А я вот давно мечтаю о политической партии под названием «Здравомысленный союз», который бы объединил людей на одном практическом принципе — здравом смысле.

И не надо изобретать никаких специальных идеологий. Просто все проблемы стремиться решать здраво и без обмана. И чтобы её кандидатов нельзя было заподозрить во вранье и воровстве.

Понимаю, что здравый смысл каждый понимает по-своему. Что и вокруг него будет немало споров. Но пусть уж будут споры (опять же здоровые!), чем аполитичное равнодушие.

Понимаю, есть уйма препятствий в осуществлении подобной затеи, кажущейся полной утопией. Но уж лучше такая утопия, чем реальность с виртуальными партиями.

Без идеалистических утопий общество тянет в безудержное стремление только лишь к «хлебу и зрелищам».

Владимир ПОЛЯКОВ

Точка зрения авторов колонок может не совпадать с позицией редакции

ФОТОГЛАС

ФОТО: ЕВГЕНЬЕВ

Члены белорусской делегации возложили цветы к памятнику классику белорусской поэзии Янке Купале на Кутузовском проспекте. В рамках Дней Минска в Москве состоялось более 60 мероприятий, в том числе в Московском государственном театре эстрады прошёл гала-концерт мастеров искусств Белоруссии.

ЛИРИЯ ПУШКИНСКАЯ

В честь 80-летия со дня открытия первого троллейбусного маршрута в Москве по улице Охотный Ряд прошёл парад ретро-троллейбусов. За 80 лет столичный троллейбус, воспеты Булатом Окуджавой, стал неотъемлемой частью городского пейзажа.

РИА-Новости

«Феерическое зрелище!» — говорили зрители, посмотревшие мюзикл «Загадка Турандот». Его премьера состоялась в минувшую субботу в Музыкальном театре Владимира Назарова, а 7 и 15 декабря его снова можно увидеть. Поставил этот весёлый, красочный, столь необходимый в депрессивную осеннюю погоду спектакль режиссёр Николай Попков. И старая сказка Карло Гоцци о жестокой принцессе превратилась в забавную притчу о магии любви.

МНЕНИЕ

Единый — не единственный

Окончание. Начало на стр. 1

Как, например, и главные линии брежневского двадцатилетия — международную (успехи в разрядке) и энергетическую (создание колоссальной нефтегазовой отрасли). Всё это пока намечено пунктирно. А ведь за ними не только героика и трудовой энтузиазм рабочих и инженеров, организаторов производства, мудрость советских дипломатов, но и определённые стратегические просчёты, которые сказываются до сих пор.

Невозможно обойти вниманием ещё одну важную тему. Речь о том, что не прекращаются попытки разжаловать Октябрь 1917-го, бесспорно повлиявший на весь ход мировой истории, из социальной революции в банальный политический переворот. К чему это? Ведь от бездумной и политической тенденциозной расправы над Октябрем (со всеми его трагедиями) — полшага до лживой и нежелательной для нашей страны и народа трактовки хода и исхода Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Ещё одна козырная карта, которая будет подарена известным силам в странах Балтии и на западе Украины, чтобы

в очередной раз представить Россию жестоким оккупантом, преступным государством.

Излишнюю склонность к политкорректности проявляют пока авторы концепции в трактовке татаро-монгольского ига. Опора на разносторонний статистический материал, достижения и выводы археологической науки в концепции и вовсе не намечены.

Кучум представляется на данный момент список персонаний, о которых пойдёт речь в учебниках. Скажем, среди них можем обнаружить Полада Бюль-Бюль-оглы и даже Г. Хазанова, но не отыщем, например, В. Сухомлинского, К. Шульженко, С. Образцова... Историю высокой и массовой культуры нельзя обойти, проявляя при этом взыскательность. Но творцов научно-технического прогресса и просветителей вряд ли правильно задвигать на дальний план. Похоже, что историки черпают знания о культуре и научных прорывах словно бы из глянцевых журналов.

Судя по всему, мы не найдём в учебниках даже намёка на серьёзный анализ роли пролетариата в общественных процессах или выверенных рассуждений о собственнос-

ти на средства производства. Всё это не тема? Долгой? Забыть?

Но откуда столь некритичное принятие сиюминутной конъюнктуры? Почему историки не вправе дать объективную оценку неоднозначным процессам в современном экономическом и социальном развитии? Если, например, нарастающий (в том числе по объективным причинам) примат сервиса над производством ведёт к контропрощению — неужели мы обязаны мириться с этой деградацией, даже не пытаюсь осмыслить её истоки и последствия? Исследование, если оно претендует на глубину и научность, не вправе слепо пропагандировать какие-то тенденции лишь потому, что они модны и сегодня у всех на слуху. Линейка учебников пишется не на один сезон и даже не на пятилетку. По крайней мере хочется, чтобы так было.

При обсуждении концепции многие журналисты и эксперты без устали спорят о Сталине, Иване Грозном, Горбачёве, Ельцине. Всё это предсказуемо.

По мнению иных, выходит, что наша история — это сплошь история тюрьмы народов на Русской земле абсолютно при всех режимах.

Толерантные западники и вслед за ними их антиподы — крайние националисты — любят порассуждать о бесконечном «геноциде», о «войне с собственным народом». Но почему-то забывается, что неотъемлемое слово, сопровождающее всю русскую историю, — Победа. За ним и завоёванные пространства, и открытие новых земель, и кириллица, и Пушкин, и победные военные сражения, и просвещение народов, и свет кремлёвских звёзд, и Менделеев, и Гагарин...

Жизнь отдельного человека с самоощущением жертвы чаще всего ведёт к озлобленности и другим комплексам неполноценности. Зачем обречать на подобное целый народ, который явно этого не заслуживает?

Есть выражение: «По-государственному мыслить». Его производят с уважением. И впрямь, чего ждать при ослаблении государства? Раздором, бессмысленным свар? К счастью, можно заметить, что всё-таки происходит осознание: история Отечества и просвещение — дело государственное. Хотя и претензий к проекту и ходу его обсуждения пока остаётся немало.

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

ИНТЕРНЕТ-ИНТЕРДА

История как опора

С 1994 года я, историк по специальности, категорически отказался обучать историю в пределах государственных программ. Массовые искажения в учебниках, изданных за счёт фонда Сороса, заполонили Украину и Россию. Надежда на честный учебник истории есть всегда, только веры многочисленным политикам от исторической науки мало.

Советская историческая школа была направлена на изучение многочисленных, но не самых важных на фоне экономического и культурного прогресса бунтов против прежних властей. В новых учебниках надо делить упор на преемственность исторического пути, культурную и экономическую традицию. Важен поиск в истории опоры для дальнейшего мирного и устойчивого развития.

Юрий Леско

Учебник должен быть один, без всякой

политической и идеологической окраски. Если уж идут главы о Сталине как о великом человеке, о том, каким при нём стал Советский Союз, то там же должно быть предоставлено научно обоснованное суждение о нём как о «злодее». И главное, в учебнике должны быть сравнительные характеристики эпох (допустим, сталинской и ельцинской). Но, уверен, Ельцин проиграет Сталину по всем параметрам.

N.N

В каждом возрасте свои пределы понимания, исходить нужно из этого. А нас запугивают новым «Кратким курсом» для всех возрастов. Что, вы хотите на головы перволашек обрушить все тяжёлые моменты нашей истории? Опомнитесь, нигде в мире этого не делают!

Prozess

Было бы замечательно, если бы мы смогли обрести единый учебник без вся-

кой пропаганды. Но, скорее всего, нам будут расписывать, каким прекрасным героем был железный Винни-Пух, уморивший голодом миллионы людей своими «рыночными реформами»... Единый, свободный от пропаганды учебник, который изготавливается государством, является утопией, как и коммунизм. Все мы понимаем, как прекрасно было бы его иметь, но...

Борис Смыслов

СЛОВО О МАТЕРИ

В шесть вечера после войны

Моя мама родилась в 1923 году в маленьком текстильном городке Шуе в 30 километрах от Иванова. Несмотря на то что мой дед был потомственным почтовым работником (династия возникла ещё в середине XIX века), мама захотела стать врачом, поступила в Ивановский медицинский институт. Во время Великой Отечественной войны, когда она училась в этом институте, там, в эвакуации, работала лучшей ленинградская профессора. Интересно, что в нашем роду кроме почтиков много кого было, вплоть до певца Большого театра и архимандрита Елоховского собора, но вот врачей не было совсем.

Моя маму звали редким для России (кроме Ивановской области) именем Милитина. Прямо скажем, шансы выйти замуж после кровопролитной войны, да ещё в женском текстильном крае, были для неё исчезающе малы. Вмешался счастливый случай, который описан в, казалось бы, сказочном фильме военных времён «В шесть часов вечера после войны».

Многие студентки медицинского института тогда переписывались с бойцами на фронте, но почти всегда это ничем не заканчивалось. А вот мои родители после войны (может, и в шесть часов вечера) встретились. Отец был похож на молодого Бернса, мама, как видите, на молодую Целиковскую. Ни тот ни другой не устояли, вступили в любовь, чему я очень благодарен, так как через два года появился на свет.

Владимир ЖАРИХИН, политолог, заместитель директора Института стран СНГ

<p>ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА</p> <p>1971 1979</p> <p>УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ АНО «Редакция «Литературной газеты»</p> <p>Главный редактор ЮРИЙ ПОЛЯКОВ</p> <p>Заместители главного редактора Алесь Кожедуб, Леонид Колпаков, Марина Кудимова, Игорь Серков</p> <p>ОТДЕЛЫ: «Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 Игорь Серков, Владимир Сухомлинов «Литература и библиография», тел. 8-499-788-02-05 Марина Кудимова, Игорь Панин, Татьяна Шабалева «Искусство» тел. 8-499-788-02-12, Арина Абросимова, Анна Кузнецова «Телевизионное» тел. 8-499-788-02-12 редактор Александр Кондратов, Олег Пухляшев «Общество» тел. 8-499-788-02-08 редактор Людмила Мазурова, Наталья Гамаюнова «Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53 администратор Александр Хорт Обозреватели</p>	<p>Сергей Мнацкян, Лев Пирогов, Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург), Игорь Гамаюнов</p> <p>Спецпроекты и приложения Алесь Кожедуб, Анастасия Ермакова</p> <p>Отдел оформления тел. 8-499-788-01-13 бизнес-редактор Евгений Федоровский, художественный редактор Антон Меньшов</p> <p>Сайт «ЛГ» редактор Ольга Моторина litgazeta.webeditor@gmail.com</p> <p>Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе Валерий Павлов</p> <p>Собственные корреспонденты Александр Самойленко (Калуга), Юрий Великов (Перь), Жан Миндубаев (Ульяновская область, Татарстан), Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург),</p>	<p>Владимир Королёв (Смоленск), Сергей Евстратов (Республика Молдова), Юрий Шербатов (Астрахань и Калмыкия), Лия Иванни (Армения), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия), Мария Хамакер (Центральная Европа), Никита Барашев (Италия), Светлана Селиванова (Китай), Евгений Минин (Израиль), Эвард Асланян (Кипр)</p> <p>Московский тираж — 60 652 экз. Федеральный тираж — 35 707 экз. (печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске) Тираж в Крыму — 2500 экз. Тираж в Европе и США — 6000 экз. (печатается во Франкфурте-на-Майне) Тираж в Израиле — 22 000 экз. Тираж в Великобритании — 9000 экз. Тираж в Греции — 3000 экз.</p> <p>Общий тираж 138 860 экз. Цена договорная Отпечатано в ЗАО</p>	<p>«Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.</p> <p>Номер подписан к печати 19 ноября 2013 г. Зак. № 13-11-00320</p> <p>Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не возвращать письма и рукописи.</p> <p>Полные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168 (для предприятий и организаций)</p> <p>Подписка и распространение: тел. 8-499-788-01-12</p> <p>Экспортная подписка — по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»</p>	<p>Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77-35721 от 20.03.2009 г.</p> <p>Адрес редакции: Хохловский переулок, д. 10, стр. 6 Москва, 109028</p> <p>тел. 8-499-788-00-52</p> <p>Автоинформатор и соединение с отделами: 8-499-788-02-10</p> <p>Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru Факс: 8-499-788-00-52</p> <p>Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна</p> <p>Ведущий редактор номера Алесь КОЖЕДУБ</p>
--	---	---	--	--

Новая индустриализация?

О промышленной политике у нас говорить не принято — ну вроде как о той самой верёвке в доме повешенного. Бестактно. А может — страшно, как заглянуть в бездну. Там разруха. Горы ржавого железа, убитые дороги, брошенные цеха, чернеющие выбитыми окнами, уработанная, как старая кляча, советская инфраструктура... И сразу же хочется зажмуриться и отвернуться. И поговорить о привычном — о преодолении инфляции, повышении пенсии, о росте экономики в целом. А промышленная политика — ну её, жили без неё и проживём Бог даст.

Впрочем, после кризиса с испугу забормотали о новой индустриализации. Но потом страх прошёл, и всё осталось по-прежнему. То есть никак.

ПО СЦЕНАРИЮ ТРЕТЬЕГО МИРА

Не надо только думать, что вся промышленность нынче в Китае, а приличные страны, как и приличные люди, давно живут в мире услуг, консалтинга, креатива. Промышленно развитые страны по-прежнему остаются промышленно развитыми, хотя и переносят своё производство туда, где зарплата ниже. Но это остаётся их производством. Наша же промышленность никогда не переехала: она просто стинула. По масштабам деиндустриализации мы сильно превзошли западные стандарты.

Наша деиндустриализация происходит не по западному сценарию, а по типу страны третьего мира, которая, согласно прописям Мирового банка, внезапно открылась для стран, стоящих на более высокой ступени развития.

Наша деиндустриализация напоминает военные разрушения. Новосибирский экономист Григорий Ханин (когда-то в перестройку прославившийся статьёй «Лукавая цифра», где исследовал советскую экономику в натуральных показателях), используя всё те же натуральные показатели, подсчитал, что наш ВВП ещё не достиг уровня 1987 г. «За двадцать лет произошло беспрецедентное, большее, чем во время Великой Отечественной войны, сокращение основных фондов, т.е. материальной базы экономики. Часть этих фондов разрушена и растащена, слана на металлолом, часть крайне изношена». Неслучайно многие дороги или урбанистические пейзажи напоминают военные фильмы, а возникшие тут и там очаги гламура и хайлайфа как были, так и остаются позолотой на помойке.

Мы не желаем замечать разрушения (причём не остановленного) **обрабатывающей промышленности**. Говоря по-просту, мы бросили производить какие-то полезные вещи — технику, бытовые товары. Мы к этому уже привыкли. У нас в районе даже устраивают ярмарки российских товаров. Вроде как экзотика такая — российский товар. По выработке продукции обрабатывающей промышленности на душу населения наш разрыв с Америкой — в 11 раз, с лидирующими по этому показателю Сингапуром и Японией — в 16 раз. Обходят нас по душевой промышленной выработке не только Китай и Бразилия, но и, скажем, Греция, Таиланд или Уругвай.

Причём речь не идёт о чём-то особенном и высокотехнологичном, а о самом простом. Про высокотехнологические товары и речи нет. Мы производим медицинской аппаратуры на душу населения в 29 раз меньше, чем США, в 17 раз меньше, чем Германия. А лекарств, соответственно, в 66 и в 31 раз меньше.

Мы были народом учёных, инженеров, квалифицированных рабочих, а стали нацией торговцев и офисных сидельцев. Доля внутренней торговли в ВВП у нас выше многих стран.

Но теперь главный вопрос: а нужна ли нам развитая промышленность? На протяжении всех нулевых годов господствовало убеждение, что нечего заморачиваться с производством, не в советские времена, а в наше время, а что надо — купим на глобальных рынках. Обменяем на сырьё.

КАК ГОСУДАРСТВО БОГАТЕЕТ

Если мы как народ хотим не то чтобы даже разбогатеть, а просто для начала выбрать из нищеты, нам надо развивать **обрабатывающую промышленность**. Путь лежит не через «чёрный пердел» — справедливое распределение природной ренты, в чём многие видят спасение. Я не против справедливости, но перераспределение ренты не сделает народ богатым. На всех не хватит!

Развивать (по существу — создавать) обрабатывающую промышленность надо потому, что на протяжении всей достоверной истории человечества богатство происходило именно из обрабатывающей промышленности и ни из чего иного. Богатели те народы, которые создавали из природного сырья продукты всё более и более высокого передела, т.е. уровня переработки. Изделие может стоить в сотни раз дороже сырья, которое на него затрачено. Это вековой опыт человечества. «Руки рабочих создают все богатства на свете», — писал в советской песне, и именно так оно и есть.

Верно и обратное: никакой народ, не имеющий развитой, многоотраслевой, динамичной и изобретательной обрабатывающей промышленности, ни разу не разбогател, как бы щедро ни одарила его природа. Мало того! Самые успешные народы, выравнявшиеся вперёд на том или ином витке истории, как раз были обделены природными ресурсами.

Обрабатывающая промышленность обладает ещё одним чудесным свойством. Это — деятельность с **возрастающей отдачей**: при росте производства стоимость единицы продукции падает, даже если технология остаётся прежней. Эффект масштаба здесь играет на

руку. Сельское хозяйство и добывающая промышленность — это деятельность с **убывающей отдачей**. При увеличении производства следующие единицы продукции требуют всё больше труда и капитала. Это понятно: ископаемые всё глубже и дальше, поля всё хуже, так как лучшие уже использованы.

В странах развитой обрабатывающей промышленности и крестьяне, и учителя, и парикмахеры относительно богаты, но там, где её нет, все они впадают жалкое существование. В чисто крестьян-

ских странах крестьяне **никогда** не бывали богаты. Богаты они там, где имеется высокоразвитая промышленность. Не имея своей высокоразвитой промышленности, мы являемся донорами, данниками Запада. Образованные люди уезжают, потому как наука и образование нужны для одной цели — для промышленности. Мы теряем самое ценное — человеческий капитал.

Собственно, тут нет ничего нового и необычного. На протяжении веков промышленность считалась золотым дном, а индустриализация — единственной дорогой к успеху страны. Примерно с конца XV века и до окончания Второй мировой войны в умах громадного большинства экономистов и государственных деятелей царил настоящий культ обрабатывающей промышленности, в полной мере усвоенный пришедшими к власти большевиками. Обсуждалась не польза индустрии, а как лучше её развивать.

«МЫ ОТСТАЛИ НАВСЕГДА»

Это утверждение было пущено в оборот перестроечной прессой и повторилось с мажористским восторгом. Сначала это относилось к некоторым отраслям, а потом — от частого повторения — как-то превратилось в универсальную истину.

На самом деле ничего вечного в истории нет, и лидеры могут скатываться в аутсайдеры и наоборот. Лучи сегодня со скоростью под 300 км в час на поезде по Южной Корее и наблюдая по сторонам дороги какой-то нереально опрятный индустриальный пейзаж, мне было трудно поверить, что эта страна в 1950 году была беднее Танзании.

Если что-то начать делать — результат неизбежен. Сроки? Через пять лет напряжённого труда появятся первые результаты, через десять — они станут неоспоримыми, через пятнадцать стра-

ны будет не узнать. В 2010 г. мы с мужем приехали в Шанхай, где муж был за пятнадцать лет до этого. Он не узнал города — настолько велики были перемены.

Отсталость — преодолевается. Все страны, вставшие на путь развития, сначала старались подражать лидеру, а потом нередко уходили в отрыв. Любопытно, что английское слово emulation означает одновременно и «подражание», и «соперничество»: одно естественно перетекает в другое.

Наша индустриализация была проведена поневеле торопливо и скромно, очень многие индустриальные навыки народа (а индустрия — это прежде всего навыки народа, а не просто заводы и фабрики) не до конца сформировались, и развитие было прервано, но это именно и означает, что нам надо пройти индустриальный этап развития, а не предаваться наноманиловщине. Сейчас многое придётся начинать сызнова.

Говорят: наша продукция будет неконкурентоспособной. Попросту говоря, выйдет дороже китайской. А по-

кие гуру в брошюрах, посвящённых искусству делового успеха. И это правильно. Но ещё раньше плана надо иметь **образ результата**: чего мы вообще хотим достигнуть и как ЭТО будет выглядеть. Как будет выглядеть наша жизнь через пять—десять—двадцать лет? Если это есть — можно рассуждать о распределении работы между частниками и государством, о привлечении иностранных операторов... Пока этого нет, пока государство не высказалось о своём видении будущего — никаких планов строить нельзя. В этих условиях поведение руководящего класса: постараться набить карманы и подготовить запасной аэродром — разумно и объяснимо.

Если будет решено начинать реиндустриализацию страны — вот тут можно строить планы, намечать приоритеты, распределять обязанности, в том числе и между государством и частниками. При этом надо осознать (вернее, вспомнить), что такое план. Это: цель, срок, ресурсы, ответственные, увязка с другими планами. Если этого нет, а есть «концепции», «дорожные карты» и иные благие пожелания — то это не план, а маниловщина, симулякр плана. Именно потому всё это не работает.

Определив, что мы хотим реиндустриализироваться, надо ясно объявить: индустрию государство поддерживает, торговлю не поддерживает (она и так развивается), а непродовольственные виды деятельности: например, фондовую биржу, т.е. делание денег из денег, — просто запрещает. Предпринимателей (как и весь народ) надо развернуть лицом к реальному сектору. Помогать и строго спрашивать за результат. Тогда дело пойдёт.

У нас колоссальный внутренний рынок, который мы подарили иностранцам, его и надо насыщать нужными товарами. Но в любом случае приоритетные направления определить необходимо. А определить — всемерно помогать, защищать, прикрывать своих, которые ведут наступление по этим направлениям.

Базовые отрасли, машиностроение, химия — это всё должно было остаться в руках государства. И сегодня созданием этих производств может заняться ТОЛЬКО государство: больше — не кому. Эти отрасли требуют большой научной базы: частник, что ли, этим будет заниматься? Не смейте! Чем раньше мы это поймём, тем меньше времени потеряем.

К сожалению, в фундаменте государственной политики по-прежнему лежит вероучение неоллиберализма, которое, соединившись с политикой глобализации, составляет принцип Вашингтонского консенсуса: уход государства из экономики, приватизация, дерегулирование, открытость рынков. Мировой опыт нескольких десятилетий показывает, что ни одной из стран, применивших у себя это учение, не удалось с его помощью развиваться и разбогатеть, а вот обеднеть и примитивизироваться — это пожалуйста.

Принципы Вашингтонского консенсуса — это составная часть глобальной политики неоконформизма, которую с успехом и выгодой для себя проводят современные хозяева жизни. Эта политика состоит в превращении стран недостаточно развитых в вовсе не развитые и в силу этого максимально зависимые от развитых стран. То есть консервируется и усугубляется их отсталость. В сущности, это предпродажная подготовка стран, проводимая под вывеской развития и модернизации.

Однако если мы хотим развиваться, государство должно заниматься экономикой в первом лице. Промышленность в частности. А вот вокруг большого и государственного предприятия могут и должны существовать мелкие вспомогательные производства, мастерские. Частник — он парень гибкий, он приспособится и подстроится. Надо только ясно указать ему его место в народном хозяйстве.

«КУДРЯВАЯ, ЧТО Ж ТЫ НЕ РАДА?»

Ухудшится или улучшится жизнь народа, если начнётся индустриализация?

Если считать сегодняшнее сиоимунное благосостояние высшей ценностью, которое можно только повысить и которое не смей подвинуть, нечего и заводить ни с какой индустриализацией. Заработает промышленность, даже и не заработает ещё, а только начнёт создаваться — потребуются ресурсы. Нефть потребуется, металл тоже. Значит, нечего будет обменивать на дачки-тачки. Жизнь станет более скромной и суровой.

И всё-таки индустриализация — благотворна и необходима. Она необходима нам, чтобы остаться (или стать) качественным, умным и независимым народом. *Историческим народом*, как выразились учёные немцы XIX века. У нас есть все шансы для этого, равно как и все шансы, чтобы власть с политическое и историческое небытие. То и другое вполне реально и зависит от нас. Иными словами, нам, сегодняшним, изрядно распустившимся и утратившим волю и дисциплину, придётся трудиться ради цели, которая не сводится к нашему сиоимунному удобству и потреблению. Служим? В дальнейшем и благосостояние подрастёт, но это — в дальнейшем.

Татьяна ВОЕВОДИНА

ПО СЛЕДАМ СОБЫТИЯ

Варшавский погром

Празднование Дня независимости Польши, который отмечается 11 ноября, обернулось массовой потасовкой и погромами на улицах Варшавы.

Инициаторами беспорядков выступили польские националисты. Перед началом шествия они сожгли флаг России, а затем направились к нашему посольству. Подойдя к нему, стали забрасывать файерами, камнями и бутылками здания и территорию посольства и торгового представительства РФ, припаркованные рядом машины. К радости поляков им удалось поджечь пустую охранную будку. Когда подоспела полиция, «веселье» было в разгаре.

Ничего неожиданного в таком поведении польских националистов нет. Их взгляды известны. Достаточно вспомнить баннер «Литовский хам, на колени перед польским паном», вывешенный перед футбольным матчем с участием команд двух государств.

Антирусскую акцию националисты готовили заранее. Об этом свидетельствуют транспаранты с надписями «Долой коммунистов» и «Красная армия насильников». Варшава их не комментирует. И это неслучайно. Есть веские основания полагать, что тема «красноармейцев-насильников» будет поляками энергично раскручиваться. Не прошло и месяца, как 26-летний студент Ежи Богдан Шумчик воздвиг в Гданьске у памятника танку Т-34 скульптуру, изображающую советского офицера, насилующего беременную полячку под угрозой оружия.

Помните о том, кем был передан Польше «вольный» Данциг (ныне Гданьск) и кто спас поляков от нацистских концлагерей и газовых камер, не хотя не только глумливые шумчики и отморозки с файерами, но и широкие слои польской общест-венности и часть элиты.

Проявляя неблагодарность в отношении погибших в Польше за её свободу солдат и офицеров РККА, поляки и вовсе забыли о 80 тысячах красноармейцев, умерших от голода, холода, ран и болезней в польских концлагерях в 1919 — 1921 годах. На эту тему в «свободных» польских СМИ наложено табу. Показательна и реакция СМИ на требование провести тщательное расследование акции у российского посольства. Nasz Dziennik назвал его «провокацией» и заявил: «Собственно,

РМ. Новости

в негативном отношении поляков виноваты сами россияне. Если бы не многовековое притеснение Польши и поляков, а в последние годы — ложь по поводу смерти президента Республики Польша на российской территории и осквернение тел участников польской делегации, таких инцидентов у посольства бы не произошло. России следует уважительно относиться к настроениям в нашем обществе, чтобы не обострять взаимные отношения».

А настроения эти — антирусские. Они глубоко укоренены в польском обществе и подогриваются СМИ и политиками правого толка. Националистические «Марши независимости» соответствуют традициям, заложенным отцами-основателями возрождённого польского государства 95 лет назад. Как только Юзеф Пилсудский был провозглашён Начальником польского государства (звание возникло в конце XVIII века во время восстания Тадеуша Костюшко), польское правительство объявило о выборах в сейм «везде, где были поляки». Фраза примечательная, если принять во внимание, что вопрос о границах Польши оставался открытым. Их поляки стали раздвигать во всех направлениях. Это привело к конфликтам и вооружённым столкновениям практически со всеми соседями: с Чехословакией из-за Тешинской области, с Украинской Народной Республикой — из-за Львова, Восточной Галиции, Холмской области и Западной Волыни, с Литвой — из-за Вильнюса и Виленской области, которые в итоге Польша у Литвы отняла. Столкнувшись на севере и западе с Германией, а на востоке — с РСФСР, польские националисты заявили, что будут бороться за границы 1772 года (до первого раздела Речи Посполитой) и Польшу «от моря до моря» (от Балтийского до Чёрного).

Агрессивный курс польских националистов привёл страну к краху. Если бы не те герои, которых они называют сегодня «насильниками», поляки так и жили бы в созданном нацистами генерал-губернаторстве. Хотя не факт, что вообще жили бы... Однако этот урок истории усвоен в Польше далеко не всеми.

На этот раз реакция Москвы была быстрой и адекватной. 12 ноября в МИД РФ был вызван посол Польши в Москве Войцех Зайончковский. Ему было заявлено, что Россия требует от польских властей принесения официальных извинений, принятия мер по обеспечению безопасности дипломатических представительств России в Польше, наказания виновных и недопущения подобных провокаций в будущем. Отрадно, что президент Польши Бронислав Коморовский принёс извинения России и назвал беспорядки у нашего дипкорпуса «абсолютным скандалом, который нельзя никак оправдать». Он признал, что из-за «Марша независимости» образ Польши на мировой арене сильно пострадал. Что ж, после 11 ноября кичиться своей «цивилизованностью» перед восточными и южными соседями, претендуя на роль их поводыря в Европе, полякам будет ещё сложнее. Но вот только вряд ли антирусские настроения в польском обществе угаснут скоро.

Олег НАЗАРОВ

РАКУРС С ДИСКУРСОМ

«Гумилёву в голову бы не пришло отрицать существование русских»

«ЛГ»-ДОСЬЕ

БЕЛЯКОВ Сергей Станиславович родился в 1976 году в Свердловске (Екатеринбурге). Окончил исторический факультет Уральского государственного университета и защитил кандидатскую диссертацию по специальности «всеобщая история (новая и новейшая история)». 10 лет работает в журнале «Урал». Автор монографии «Усташи: между фашизмом и этническим национализмом» и книги «Гумилёв сын Гумилёва», вошедшей в финал премии «Большая книга», «Просветитель», «НОС». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии им. Антона Дельвига (серебряная медаль). Живёт в Екатеринбурге.

— Сергей, ваша книга «Гумилёв сын Гумилёва» вызвала настоящий ажиотаж. Вы получили за неё несколько премий, в том числе и премию Дельвига, учреждённую «ЛГ», но и год спустя книга входит в различные топ-10 и шорт-листы. В чём секрет такого успеха?

— Ещё год назад я был уверен, что читателя привлечёт само имя Гумилёва, тем более что наступило его столетие. Но юбилей прошёл почти незаметно, а интерес к моей книге сейчас даже выше, чем год назад. Значит, дело не в одном Льве Гумилёве. Возможно, люди просто сочувствуют по настоящей истории. Было слишком много идейной лжи, идеальных разоблачений этой лжи, разоблачений разоблачителей, дешёвых сенсаций. Историков стали считать патентованными врунами, перестали им верить. Но человек не может нормально жить, ничего не зная о своём прошлом. Знание истории — прочный фундамент нашей идентичности. А моя книга возвращает историю, настоящую, без политкорректного вранья. Я ведь просто стараясь рассказать, как было на самом деле. Так что успех книги — это не мой успех, а успех музыки Клио.

— А почему о Льве Гумилёве никто толком не написал? У него ведь были ученики. А тут — такая выигрышная тема. Застолбить за собой место биографа столь известного человека — это же редкая удача. А для людей, долгое время оставшихся в тени учителя, ещё и

стратегический ход, некоторая саморекламация...

— Учеников было мало, а историк и филолог среди них вообще один: Гелиан Михайлович Прохоров. Но его научные интересы давно разошлись с интересами учителя, а другие просто не имели необходимых навыков. Ученики много сделали, чтобы увековечить память Гумилёва, но работа над его научной биографией требовала именно знаний профессионального историка.

— А сами вы как пришли к Гумилёву? И почему решили взяться за этот масштабный труд?

— Я ещё в юности увлёкся лекциями Гумилёва, которые показывали тогда по телевидению. Потом увлёкся его книгами, в особенности пассивной теорией этногенеза. Потом понял, что не так много людей сумели разобраться в гумилёвской теории. Наконец, я решил просто поделиться своими знаниями. Рассказать о настоящем Льве Гумилёве и его научном наследии.

— Так называемые евразийцы делают Гумилёва чуть ли не своим символом, проороком многонационализма. Мол, он как раз и мечтал, чтобы все таджики и узбеки в гости были к нам. А я вот не думаю, что ему бы понравились наплыв мигрантов в Россию. Одно дело рассуждать о древности, что-то приукрашивать и домьсливая, другое — видеть «кочевников» в собственном доме, жить с ними бок о бок...

— Надо различать Гумилёва-учёного и Гумилёва-человека. Сам Лев Николаевич как раз очень любил народы Центральной Азии. Если говорить на языке его теории этногенеза, то у Гумилёва была положительная комплиментарность к этим народам, иррациональная симпатия. Он с ними хорошо находил общий язык. Не зря же Гумилёв почти год провёл в Таджикистане, когда там ещё бродили отряды басмачей. Урус, если он только не был врачом (русских врачей тогда в Средней Азии уважали), рисковал жизнью. Но Гумилёв там быстро выучился таджикский, надел чалму, выучился ездить на верблюде. И, как он вспоминал позднее, никто его не обижал. А вот теория Гумилёва показывает, что народы часто не могут ужиться в мире потому, что их этнические традиции несовместимы. И если Лев Николаевич находил общий язык с тюркскими и монгольскими народами, то это не означает, будто и миллионы русских людей тоже легко его найдут. Как история, так и наше время показывают, что Гумилёв был, так сказать, счастливым исключением.

— Строго говоря, его трактовку не совсем верно? Или совсем неверно?

— Я бы сказал иначе: его теорию почти не знают.

— Но что самое интересное — и некоторые патриоты пытаются выдать Гумилёва за национального пророка, толком даже не понимая, как это сделать. Помните, в середине нулевых зарождалась одна организация псевдонационалистов. Учредителем выступала некая женщина, которая всем сообщала, что «нужно читать Гумилёва, а те, кто не прочёл — не могут называться русскими». Когда я спросил её о программе организации, о том, чего же они хотят на самом деле, женщина и мне посоветовала читать Гумилёва, затруднившись, правда, назвать хотя бы одну его книгу. Это выглядело столь же смешно, сколь и нелепо. Разумеется, ничего у них не получилось, но пример довольно характерен...

— Что делать, в нашей стране всё больше людей с дипломами, но всё меньше библиотек, всё больше шарлатанов с хорошими степенями, но всё меньше учёных читателей. Так что удивляться нечему. В так называемом

информационном обществе всё меньше людей, способных думать и умеющих читать что-то большее, чем подписи под фотографиями в Фэйсбуке.

— А какой бы он хотел видеть Россию? Гумилёв ведь и Запад не очень-то жаловал...

— Да, он очень не любил немцев, а любил монголов, татар и казахов, но какой-либо политической программы не предлагал. Гумилёв был учёным, а не политиком и даже не политическим мыслителем. В юности он, случалось, говорил о восстановлении монархии и дворянства. Но осенью 1935-го его арестовали и две недели допрашивали. Ахматова написала Сталину письмо, и Гумилёва освободили. С тех пор Лев Николаевич на долгие годы и думать забыл о политике! Да политика ему вообще была не интересна.

— Вы когда-то защитили диссертацию по хорватскому этническому национализму. Вас не раздражает, что те, кто сегодня проявляет агрессию по отношению к русским, нас же самих в фашизме и обвиняют? И очень часто прикрываются известными именами, да вот тем же Гумилёвым...

— В своей диссертации я как раз доказываю, что усташи не фашисты, а именно хорватские националисты. Элементы фашизма и нацизма они заимствовали, чтобы получить помощь Муссолини и Гитлера в борьбе против югославского государства. Люди, которые, не зная, что такое нацизм и фашизм, используют эти грозные слова как ругательство, как политические ярлыки, меня крайне раздражают. В общем, у нас теперь трудно найти политика, которого не назвали бы «фашистом». Так могут назвать и всех правых, и всех националистов, но и либералов (и уже распространён термин «либеральный фашизм»). Вообще моду изобретать «фашистами» всех политических противников ввели западные левые. Протогав, такими словами нельзя разбрасываться. Иначе нас ждёт судьба мальчика, без повода кричавшего «Волк! Волк!», а когда волк и в самом деле пришёл, то мальчику уже никто не поверил.

— Вас само относят к националистам. Вроде как «биограф Гумилёва» —

это уже пропуск в многонациональную семью дорогих постсоветских русскоязычных россиян, а вы об интересах русских частенько пишете...

— Я не националист, а исследователь национализма, если уж на то пошло. Но современные левые интеллектуалы считают националистами вообще всех, кто признаёт нацию и этнос реальностью, а не плодом воображения. Но что делать, если русский народ существует в реальности, и отрицать это бессмысленно. И Гумилёву в голову бы не пришло отрицать существование русских. Он просто считал, что есть некий евразийский суперэтнос, объединяющий далеко не все, а только некоторые народы СССР и современной России. Всего же на территории СССР он насчитал семь суперэтносов. Семь! Впрочем, реальность этого евразийского суперэтноса он так и не доказал.

— Гумилёва нередко обвиняли (и обвиняют) в русофобии. Это от незнания фактического материала или просто срабатывала схема «свой—чужой»? Нашим старомодным патриотам ведь только повод дай — тут же раскритикуют жидомасонско-империалистический заговор и докажут, что ты одновременно являешься агентом Моссада и ЦРУ.

— Гумилёв не был русофобом, но его критиковать тоже можно. Лев Николаевич так любил народы Великой степи и так страстно желал дать им новое, более значительное место во всемирной истории, что попытался оправдать жестокие завоевательные войны Чингисхана, Батюгу, Хулагу. В русско-татарских войнах, конфликтах, столкновениях Гумилёв почти всегда обвинял русских. Достаточно почитать, как он описывал осалу Тохтамышем Москвы в 1382 году, чтобы понять самых злобных критиков Гумилёва.

— Так кем же он был, чем стал для России?

— Гумилёв был прежде всего учёным, историком. У него были заблуждения, ошибки, вызванные не только слишком большой и слишком иррациональной симпатией к народам Центральной Азии, но и незнанием восточных языков. Это в наши дни есть арабисты, не знающие арабско-

го. А Гумилёв учился и работал рядом с настоящими учёными. Так вот, академик Крачковский знал 26 языков. Кюннер — 16, Дьяконов — 14. А Лев Гумилёв хорошо знал только персидский, из европейских — французский. Немного читал по-английски, по-немецки, по-татарски, но этого было мало. Отсюда его ошибки, заблуждения. Наконец, долгое время у него не было возможности нормально учиться. Из положенных пяти лет он проучился в университете два с половиной года. Между поступлением в университет и дипломом — следствие, лагеря и война. И всё-таки выдающиеся природные способности (потрясающая память, дар аналитика) и любовь к истории позволили ему стать не только профессиональным, но и выдающимся учёным и разработать единственную в нашей послереволюционной историографии оригинальную теорию, объясняющую многие важные закономерности исторического процесса: откуда берутся новые этносы, какими законами определяются их жизни, как и почему они исчезают, погибают или превращаются в реликты.

— К каким его заветам стоило бы прислушаться?

— Особенно ценны и актуальны для нас его работы, посвящённые изучению межэтнических контактов. В монографии «Хунны в Китае» он описывает, как миграция племён Центральной Азии на земли Китая привела к страшной трагедии. Два века кровопролитных войн и в конце концов истребление мигрантов и их потомков. Лю Юань, предводитель хуннов, захвативший власть в Китае и ставший китайским императором, был уверен, что китайцы и хунны могут жить в мире, стоит только установить разумный и справедливый порядок. И дело кончилось крахом. Химерное хунно-китайское государство было уничтожено восставшими китайцами 42 года спустя после смерти Лю Юаня. Так вот, если мы будем думать, будто этнические различия — миф или рудимент прошлого, от которого легко избавиться, то и нас ждут столь же жестокие испытания.

Беседа вел Игорь ПАНИН

СЛОВО О МАТЕРИ

Добрая и требовательная

Моя мама Мария Львовна Гедымин (урождённая Лебедева) происходит из очень интересной семьи. Её дед Аркадий Николаевич Ильинский, левый эсер, прожил 96 лет (я хорошо его помню), при советской власти занимался методикой преподавания истории и даже был награждён орденом Ленина — к 60-летию педагогической деятельности. А назвали меня в честь его первой жены, маминей немецкой бабушки Анны Адольфовны Вольцгейфер. Мамин отец Лев Аркадьевич Ильинский погиб в 1941 году в битве за Москву, от него осталась только похоронка.

Мамин мама Мария Александровна Лебедева — дочь инженера Ивановских мануфактур. Александр Александрович был сыном

священника, поступил в семинарию, но бросил её в знак протеста против тамошних порядков. Став кавалером ордена Святого Владимира II степени, получил право на личное дворянство. В советское время активно участвовал в восстановлении текстильной промышленности, стал одним из основателей компании «Турманфактура» и профессором Московского текстильного института. В годы репрессий был выслан за сотый километр (в Серпухов), где и скончался год назад, в 1938 году; в 1956 г. полностью реабилитирован. Вторым мужем бабушки стал Павел Эммануилович Тизенгаузен, один из основателей советской лесной промышленности, но происхождения — немецкий барон, он и вырастил маму.

Мама окончила Бауманский институт и всю жизнь проработала инженером-конструктором в НИИ. 22 ноября ей — 80.

В нашей семье все решения всегда принимала именно она. Мы с папой впитали в облаках, демонстрировали чудеса непрактичности. А мама умела обобщить наши невероятные идеи, придать им конкретный смысл и воплотить в жизнь. И всё это — весело, чуть снисходительно и по-доброму. В юности мне это казалось приземлённостью. Но теперь я прекрасно понимаю, что, если бы не мама, никакой семьи просто не было бы. И нашего уютного и всегда многолюдного дома — тоже.

А ведь мама многое пережила: её детство пришлось на голодные военные годы, и все трагедии и испытания, выпавшие на долю нашей семьи, все болезни и смерти родственников старшего поколения легли на её плечи.

Мама очень музыкальна, она всю жизнь пела в хоре — сначала Бауманского института, потом московских учителей. Обездвизла с выступлениями полмира. И в праздники огромные компании хористов собирались (и до сих пор ещё собираются!) именно у неё.

Мне кажется, мама должна быть именно такой — жизнерадостной, доброй, но требовательной. Её присутствие заставляет меня напрячься, становится лучше: более организованной, более обязательной. Я очень это ценю, ведь противоположность самосвершению — деградация, которая особенно заметна (и страшна) для поэта.

Я так люблю свою маму. И так рада, что мы вместе...

Анна ГЕДЫМИН

ЛИТХОЗАКТИВ

От Ганичева до Орлова

«ЛГ» продолжает получать отклики писателей на съезд СПР, прошедший в Калуге. На сей раз мы публикуем мнение питерца Алексея Филимонова, рассказывающего о том, куда ведут Союз писателей «крепкие хозяйственники».

Отклики, доносящиеся из Калуги после «съезда» Союза писателей России, — трагикомичны, но они не освещают глубину проблемы. Я понятия не имел о подобном съезде, хотя наш местный председатель Б. Орлов из кожи вон лезет, поддерживая Ганичева, потому что тот выдвигается... от Петербурга, не живя здесь и ничего не делая для питерской литературы. Так, в ответ на просьбу редактора журнала «Аврора» поддержать издание, пущенное на ветер тем же СП, Ганичев подарил ему... свою цветную фотографию в изысканном пластиковом обрамлении. Орлов сам давно превратился в непотопляемого хана, компрометирующего русскую словесность вкупе со своим боссом, давно переплюнувшим Брежнева, путающим в телеинтервью Акутагаву с Курасовой!

Именно с приходом Ганичева на должность председателя два десятилетия назад начался настоящий геноцид талантливых писателей, уничтожаемых уже на подступах к СП. Тогда бонзы полагали, что стоит сменить коммунистическую идеологию на «православную», покрестив молодую поросль и обветшалых партийцев, и всё пойдёт как по маслу. Молодёжь, прошедшая проверку на крамолу — по их текстам мудрые руководители семинаров молодых писателей разоблачали «жидомасонскую» и «окультистную» идеологию, — стала бодренько штамповать железобетонные тексты о душегрейной любви к России, выдавая их за божеественные откровения. Старички, сидящие на двух стульях — коммунизме и «православии», — продолжали бодренько заполнять печатное пространство

своих литературных изданий. Всё это символизировало «близость к народу», которому якобы и служил «обновлённый» СП. Сквозь эту лицемерную возню доносились порой слухи о скандалах, связанных с коррупцией и экономическими преступлениями, происходившими «наверху», но Ганичеву всегда удавалось выходить сухим из воды.

Да что греха таить, и наше местное писательское отделение было похоже на богадельню из «12 стульев», которой управляли двуличники Сашкен и Ахлен. Помним мы и то, как бывший председатель сдавал в аренду львиную долю помещения на Большой Коношенной, 29, выделенного не только ему и его окружению, но всем членам СП РФ Санкт-Петербурга. Ганичеву, конечно, всё было до фени. Как сегодня Орлову безразлично будущее русской литературы. Членов правления его отделения совсем не интересует, к примеру, почему секция критики за многие годы так и не сумела подготовить ни одного критика? Почему деньги от Комитета по печати на

публикацию произведений членов СП попадают только в одни руки, а талантливым авторам опубликоваться при поддержке комитета невозможно? И отчего они терпят невежество и хамство Орлова, который публично пугает в своём кабинете не угодных ему авторов тем, что собирает компромат на них, якобы состоя членом некоей вымышленной организации (тайной полиции?). Возможно, вместо Ганичева на закрытых съездах вскоре будут переизбирать его мумию либо клон, потому что гены ненависти к подлинной русской культуре и животная боязнь таланта у закулисных идеологов СП России, сеющих атмосферу взаимного страха, духовный нигилизм и отрицание классического наследия, слишком сильны. А интеллигенция нашего СП, которой в Питере кот наплак (в Москве всё-таки есть!), крайне брезглива и не хочет мараться.

А может, ну его, этот Союз писателей? Ведь всё прекрасное и подлинное создается личностями не благодаря, но вопреки проржавевшей вывеске некогда влиятельной идеологической структуры.

Алексей ФИЛИМОНОВ, член СП России с 1997 года, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РЕПЛИКА

Не путать графоманов с космонавтами!

В одном из последних номеров «ЛГ», читателем которой являюсь многие годы, обратил внимание на колонку с объявлениями о мероприятиях в ЦДЛ. В одном из пунктов значилось: «23 октября 2013 года. Малый зал. «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси». Решил поехать полюбопытствовать, что же это такое. Благо вход свободный.

Перед тем как отправиться на эту церемонию, решил посмотреть сайты учредителей премии — некоего А. Бухарова и С. Савицкой. Первый оказался вообще не писателем (к литературе не имеет никакого отношения), а вторая (не путать с космонавтом Светланой Савицкой!) сообщает о себе, что она сказочница с кучей наград (большинство которых, как я потом выяснил, учредила она сама) и даже существует музей (!) её имени.

Приехал в ЦДЛ, присел поближе, чтобы зорче наблюдать за ходом действий. В президиуме, за «красной» скатертью, напыщенное сидит жюри. Ни одного известного в литературе имени! Кто такие? Кто их уполномочил проводить сие действо? Непонятно! Сплошные графы да князья! Один граф Василий Тишков-Одоевский чего стоит! Это я уже потом узнал, что он является отцом Светланы Савицкой и частенько раздаёт на таких мероприятиях графские титулы.

Но началась церемония награждения

— и понеслось! Какие награды тут только не раздавались, — кроме золотых и серебряных перьев с сертификатами. Перечислю лишь некоторые, особо отложившиеся в памяти: орден «Мир и дружба» от какого-то фонда, знак «Трудовая слава» (вообще непонятно от кого). Керамическая фарфоровая статуэтка в виде золотого пера (полный кошмар!), дипломы им. Шекспира, им. Вернадского, кубки, медали и ещё много чего. Особенно удивили медаль и диплом «За солнечную деятельность». Это как понимать?! За направление солнечных лучей куда надо, что ли? Или за росток солнца? Бред какой-то... Ну уж дипломы и медали имени Светланы Савицкой и Александра Бухарова вообще вывели меня из душевного равновесия.

Посмотрели бы вы на лица горе-писателей, получавших эти псевдонаграды, буквально источающие болезненное самолюбие. Большинство из них в литературе — просто «пшик», не имеющие ни дара, ни книг, ни авторитета (по приезде домой я просмотрел сайты некоторых, поэтому пишу об этом с полной уверенностью).

А ещё больше удивило меня, как спекулируют учредители этого фееричного и сомнительного конкурса именами известных в литературе людей, «загоняя» их фамилии в рамки лауреатов. Кстати, ни один из них, зная цену этим «регалиям», не приехал в этот день в ЦДЛ. За что им и кланяюсь!

Я очень внимательно слежу за ситуацией в Союзе писателей. Каждый раз, с волнением беря в руки «ЛГ», читаю новые и новые материалы о том, что происходит в некогда почётной среде литераторов. Не разбираю хаос, полная утрата власти, распыление денег, дефицит имущества — вот что такое сегодняшняя Россия. И, по-видимому, после прошедшего съезда всё останется, как и прежде. Видно, что союз умирает окончательно. По-моему, уже давно настал момент, когда нужно провести полную чистку его рядов с полойной переезжистостью тех, кто желает носить звание писателя.

И уже давненько нужно было бы обратиться внимание вот на такие мнимые премии, как «Золотое перо Руси». А может быть, за получение таких золотых перьев графоманы ещё и деньги учредителям конкурса приплачивают?

Досидел я до конца всей этой церемонии. Большинство «лауреатов», получивших свои «великие» награды, тотчас уходило — то ли спешили куда, то ли от стыда за полученное скрывались с глаз долой. К концу церемонии зал почти опустел. Ушёл и я с горьким чувством на душе, с болью в сердце за нашу литературу, за доброе и честное имя писателя. Больше никогда не приду на этот бал сатаны! В этот раз чёрт попутал...

Михаил СКОРНЕВ, читатель

ПРЕМИЯ

«За верность слову и Отечеству»

«Длинный список» премии «ЛГ» имени Антона Дельвига

Сегодня мы представляем отобранный по итогам работы экспертной комиссии «Длинный список» премии «ЛГ» имени Антона Дельвига. В список вошли имена и названия произведений по всем объявленным номинациям премии. Проза, поэзия, сатира и юмор, переводы на русский язык мировой классики и современных писателей, «молодые голоса», публицистика, книги для детей. Широка география соискателей премии. Не говоря о регионах России, которые представлены самым широким образом, на соискание премии имени Дельвига поступили произведения из Белоруссии и Казах-

стана, США и Австралии, Германии, Швейцарии и других стран. Широко и перечень издательств, чьи книги претендуют на соискание премии. Среди них и такие, как «ЭКМО», «АСТ», «Росмен», и небольшие издательства малых и больших городов страны. Наш «длинный список» насчитывает свыше 90 имён, отобранных квалифицированными литературными экспертами. Конечно, это только первый итог работы конкурсной комиссии. Жюри премии продолжает работу над формированием «Короткого списка». Благодарим всех литераторов, которые приняли участие в конкурсе на соискание нашей премии.

АЛЕЙНИКОВ Владимир. Тадзис. Воспоминания.
АНТАШКЕВИЧ Евгений. Харбин. Роман.
АНДРЕЕВА Юлия. Айвазовский (биография художника).
АР-СЕРГИЙ Вячеслав. Вслушаться в себя... Стихи, рассказы, эссе.
БЕЛИКОВ Юрий. Я скоро из облака выйду. Стихи.
БЕЛОРУСЕЦ Сергей. Пальцем в небо!... Стихи для детей.
БЕРШИН Ефим. Поводырь дождя. Стихи.
БЕССАРАБ Майя. Принц Парадокс. Оскар Уайльд. Биографическое повествование.
БОЛДЫРЕВ Николай. Перевод с немецкого и комментарии к Малому собранию сочинений Райнера Мария Рильке в семи томах.
БОНДАРЕНКО Владимир. Лермонтов. ЖЗЛ.
БУРДИНА Вера. Острова обетованные. Сборник стихов.
БУРМАКИН Эдуард. Наследники Ганнибала. Роман. Повести. Рассказы.
ВАСИЛЬЕВА Лариса. Евдокия Московская.
ВАСЬКИН Александр. Две книги: Москва при Романовых (к 400-летию царской династии Романовых). «Москва, спалённая пожаром» (Первопрестольная в 1812 году).
ВОЛГИН Игорь. Родные и близкие: хроника рода Достоевских.
ВОРОНЦОВ Андрей. Незвестная история русского народа (Тайна Графенштайнской надписи). Историческое исследование.
ГАМАЮНОВ Игорь. День в августе. Роман в рассказах.
ГОРДИН Яков. Алексей Ермолов. Документальный роман в двух томах.
ГРАНИН Даниил. Три любви Петра Великого. Роман.
ГРИШКОВЕЦ Валерий. Я из тех... Стихи и очерки.
ДЕМЕНТЬЕВ Андрей. Всё в мире поправимо... Книга стихотворений.
ДОБРОНРАВОВ Сергей. Юность Ольги Мещерской. Синемаграфическая пьеса-фантазия.
ЕВСЕЕНКО Иван. Затаив дыхание... Повести.
ЕВСТРАТЬЕВ Сергей. Бессарабские кушарики. Юмористические рассказы, эссе, афоризмы и т.д.
ЗАМЛЕЛОВА Светлана. Статьи о современной литературе.
ЗУЕВ Виктор. Апология Тавриды. Стихи.
ИБРАГИМОВ Канта. Академик Пётр Захаров (романизированная биография).
ИЖЕНЯКОВА Ольга. Записки дивеской послушницы. Рассказы о святых и верующих.
ИШИМЦЕВА Екатерина. Слушай дождь. Стихотворения.
КАБЫШ Инна. Мама мыла. Стихотворения и лирическая проза.
КАЗИН Александр. Частицы бытия. Роман с философией.
КАНАПЬЯНОВ Бахытжан. Две

книги стихотворений «Алма-яблоко» и «Лирика».
КАНТОР Максим. Красный свет. Роман.
КАРЕТНИКОВА Екатерина. Штурман пятого моря. Молодёжная романтическая повесть.
КИРИЛИН Анатолий. Письма из страны великого незнания. Очерки и заметки.
КОРОЛЁВА Нина. Избранные стихи.
КОШАНСКИЙ Н.Ф. Риторика (В.И. Аннушкин, А.А. Волков, Л.Е. Макаров — за подготовку уникального издания).
КРОФТС Наталья. Поэт эпохи динозавров. Стихи.
КРУК Нора. Я пишу по-английски о русском Китае. Стихи.
КУЗИЧКИН Сергей. Избранные стихи. Четырёхкнижка (роман).
КУПРИЯНОВ Вячеслав. Башмак Эмпедокла. Роман.
КУСТОВ Виктор. Хроники эпохи перемен. Публицистика.
ЛЮБИМОВ Юрий. Песенка про осень. Стихи для чтения взрослыми детьми.
ЛЮДИ СМУТЫ: история народного подвига (составители Владимир Долматов, Галина Ананьина, Ирина Есинская).
ЛЮСЬИЙ Александр. Парад утопий. Культурологическое исследование.
МАМОЧЕВА Юлия. Думай наизнанку. Стихотворения.
МАЛЕНКО А.Ю. Екатерина II и Крым. По страницам документов.
МАЛЕНКО Влад. Приключения пса Кефира. Пять историй для детей младшего и среднего школьного возраста.
МАХОТКИНА Лариса. Окрестности дома. Стихи.
МИНАКОВ Станислав. У ограды бела града. Статьи, очерки, дневники, записки, стихи.
МИХАЙЛОВ Вадим. Послекуские страсти и прервотности мнимой жизни. Роман.
МОЙСЕЕНКО Ю. Е. Перевод с итальянского книги Пьетро Аретино (1492–1556) «Диалоги».
МУРИКОВ Геннадий. Ключ от кладезя бездны. Литературоведческое исследование.
НАУМОВА Ирина. Господин Куцехвост и иностранный шпион. Сказочная повесть для детей.
НИКОЛЬСКАЯ Анна. Про бабу Косточкину. Роман в рассказах для детей и взрослых.
ОГРЫЗКО Вячеслав. «Лица и лики»: литература малочисленных народов Севера и Дальнего Востока, библиографический справочник в двух томах.
ПОВОЛЯЕВ Валерий. Зорге в Китае. Рамзай. Японский лабиринт. Роман о Рихарде Зорге в трёх книгах.
ПОРТНОВ Владимир. Вчерашнее завтра. Повесть.
ПРАШКЕВИЧ Геннадий. Русская Гиперборея. Исторические романы.
ПРОНИН Виктор. Записки на полях криминальных романов.

ПРОХАНОВ Александр. Время золотое. Роман.
РОМАНЕНКО Владимир. Товарищ лейтенант. Роман.
РУДАШЕВСКИЙ Евгений. Намаскар: здравствуй и прощай (заметки путевые о приключениях и мыслях, в Индии случившихся).
САМСОНОВА Александра. Соната для акварели. Стихотворения.
САН ЮРИЙ. Скитая. Роман.
СЕГЕНЬ Александр. Закаты. Роман.
СЕНЧИН Роман. Тёплый год ледникового периода. Статьи. Декабрь 2011 — декабрь 2012.
СИДОРЦЕВ Анна. Савва Морозов. (Серия «Жизнь замечательных людей».)
СИМАНОВИЧ Давид. Автопортрет на берегу времени. Стихи разных лет.
СИТИКОВ Николай. Станция отправления. Повести.
СТЕПАНОВ Евгений. Жанры и стили современной русской поэзии. Версификационная практика поэтов XX и XXI веков (издание в 3 томах). Исследование.
СТЕПАНЯН Карен. Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени.
СУПРУНОВА Светлана. Поэтам выдать по Дантесу. Литературные пародии и стихи.
СУТЫРИН Владимир. Павел Бажов. Биография.
СЫЧЁВА Лидия. Тривласти. Рассказы.
ТРУШИН Олег. Под счастливой звездой. Повесть и рассказы.
УМНОВ Михаил. Остров умных котов. Роман-сказка.
УСАЧЁВ Андрей. Бова-королевич. Старинное сказание. Для детей до трёх лет.
УСТИНОВ Виктор. Политические тайны Второй мировой. Историческое исследование.
ФОКИН Павел. Достоевский. Перепрочтение.
ХАБАРОВ Александр. Жесть и золото. Стихи о Родине.
ХЛЫСТОВ Валерий. Мальчишеская честь. Повесть в рассказах.
ЦЫГАНОВ Александр. Портрет императора. Современные повести.
ЧЕРДЫНЦЕВ Михаил. Просто остановиться на углу. Стихотворные произведения.
ЧИГРИН Евгений. Неспящая бухта. Книга стихотворений.
ШАПОВАЛОВ Сергей. Дорогами илархов. Исторический роман.
ШАРГУНОВ Сергей. 1993. Роман.
ШЕМШУЧЕНКО Владимир. За три минуты до рассвета. Избранные стихотворения.
ШЕРВУД Никита. Горечь. Роман.
ШЕРБАКОВ Юрий. Переводы (с языков народов России и СНГ).
ЮДОВСКИЙ Михаил. Тела и тени. Стихотворения.
ЯРОПОЛЬСКИЙ Георгий. Перевод с английского романа Дэвида Митчелла «Облачный атлас».

КУДА УХОДИТ КНИГА?

Зияющая пустота

Обсуждение вопросов, связанных с повсеместным закрытием книжных магазинов и оскудением печатного ассортимента, вызывает живой отклик у наших читателей. И это объяснимо — тема действительно злободневная. Но в сложившейся ситуации не меньше читателей страдают и сами писатели — ведь им становится всё труднее продавать свои книги. А книготорговая сеть продолжает стремительно сокращаться, и предсказать к тому, что этот процесс будет остановлен, пока не видно.

Ольга АНИКИНА,
поэт, СЕРГИЕВ ПОСАД

Когда я переехала жить в Сергиев Посад, то очень удивилась, что в этом подмосковном городке довольно много так называемых книжных. Я, например, на данный момент знаю пять таких магазинов. Каждый из них находится или в подвальчике, или занимает небольшое помещение площадью около 30 квадратных метров в одном из нескольких торговых центров. Правда, время от времени та или иная точка закрывается или убывает в неизвестном направлении, а на её месте открывается кафе, торговый павильон, отделение банка. Тем не менее пять магазинов на один маленький городок! Казалось бы, нужно радоваться: книги пользуются спросом! Книжные магазины работают!

Но потом я поняла: если читать вывески, то это действительно так. Книжные в Сергиевом Посаде есть. Но если зайти внутрь... Там, за пёстрыми обложками подарочных изданий, содержащих кулинарные рецепты или фотографии подмосковных храмов, за полками с детской литературой — расположилась зияющая пустота, еле прикрытая стандартными одиночными томками стихов

Андрей СИЗЫХ,
поэт, ИРКУТСК

В Иркутске я живу с 1984 года. В следующем году будет ровно тридцать лет с тех пор, как я приехал поступать в институт из маленького районного центра на севере области. Как у большинства советских очкариков, с детства у меня была страсть к чтению. И вообще страсть как любил я подержать книгу в руках, полистать свежие или наоборот — пропахшие временем страницы. Поэтому, приехав в большой город, взял себе за привычку ходить по книжным магазинам несколько раз в месяц. Дефицитные книги сразу сметались с полок покупателями, но эти издания всё-таки можно было достать.

В перестроечные годы КОГИЗы (так мы называли книжные) стали наполняться изрядным ассортиментом. И казалось мне тогда — вот оно счастье, теперь это навсегда. Да только с середины 90-х книги стали исчезать, и не сами по себе, а вместе с торговыми точками. Сначала закрывались маленькие магазинчики, потом и довольно большие. Теста их, на торговых площадях, стали занимать оборотистые торговцы ходовыми товарами народного потребления, в основном — китайского производства. В лучшем случае вместо книжных появлялись компьютерные торговые точки.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Матрёнин дар

Русской поэзии остаться одной строчкой — великая честь. Пензенский поэтессе Матрёне Смирновой, которой исполнилось 100 лет, удалось остаться песней, ставшей поистине народной. В год её векового юбилея особенно ясно, что к поэтическим звёздам, которых родила Пензенская земля, по праву можно отнести Матрёну Платоновну Смирнову. Вспомним безыскусные строки, в которых, кажется, отразилась вся русская судьба:

*Вот она, милая роща...
Ветер шумит надо мной,
Ветки берёзок полощет,
Сон нарушая лесной.*

*Сколько стволлов побелённых,
Сколько их здесь поднялось!
Всё это с детства знакомо,
С сердцем навеки срослось...*

Стихотворение сельской учительницы Матрёны Смирновой «Милая роща» привлекло внимание пензенского композитора Октября Васильевича Гришина. Родилась песня, которая стала неизменной

«визитной карточкой» Пензенского русского народного хора. Его руководителем и был О.В. Гришин. «Милую рощу» пели Людмила Зыкина, Ольга Воронец, другие известные исполнительницы. Песня на стихи Матрёны Смирновой стала поистине народной.

К столетию со дня рождения М.П. Смирновой в городе Городище, где она жила последние годы, в эти юбилейные дни установлен памятник народной поэтессе, деньги на который собрали её благодарные земляки. Автор композиции — известный скульптор Николай Мордовин. Городищенцы подготовили к изданию и сборник с символическим названием «Берёзовые песни», в который вошли ранее не публиковавшиеся стихи землячки, уникальные фотографии из семейного архива, воспоминания земляков. А «Милую рощу» продолжает петь Россия...

Валерий СУХОВ,
лауреат литературных премий
имени М.Ю. Лермонтова
и С.А. Есенина,
ПЕНЗА

ЮБИЛЕЯЦИЯ

Начинал с «Городских портретов»

60 лет исполнилось поэту Андрею Чернову. А ведь вроде совсем недавно легендарный «Альби парус» «Комсомольской правды» печатал его первые стихи... Он родился в Москве, где окончил Литературный институт, работал в самых разных изданиях — от «Огонька» до «Известий», от «Русской визы» до «Новой газеты». Он автор литературной записки Анатолия Собчака «Хожение во власть». Историк, публицист, критик, переводчик. Известен своим опытом реконструкции Десятой главы «Евгения Онегина» и неожиданным прочтением «Слова о полку Игореве». Книги Чернова «Городские портреты», «Оттиск», «Скверный остров Гоноролупо», альбом «Азбука Петербурга» (в этом городе он теперь живёт), «Нежилой фонд», «Дятла» начал декабрь» находили своих читателей. С «ЛГ» начал сотрудничать почти 35 лет назад. Несмотря на то, что сейчас А.Ю. Чернову не нравится курс газеты и он часто гневается в наш адрес, мы желаем ему здоровья и душевного покоя.

«ЛГ»

ЛИТВЫБОРЫ

Председателем правления Ярославской писательской организации избран давний автор «ЛГ», известный ярославский писатель и журналист Е.П. Гусев.

ЛИТДАТЫ

Российский книжный союз при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям провёл круглый стол, посвящённый 140-летию со дня рождения В.Я. Брюсова. Исследователи литературного наследия В.Я. Брюсова обсудили творческую лабораторию поэта, оценили его влияние на литературную эстетику Серебряного века, а современные поэты прочли его стихи. В рамках круглого стола было представлено слайд-шоу, содержащее редкие архивные фотографии и авторские автографы В.Я. Брюсова.

В Мамоновском районе на Алтае прошёл большой литературный праздник —

Первые Крюковские чтения, посвящённые памяти удивительного человека, талантливого поэта, почётного жителя села Мамоново Ивана Фатеевича Крюкова. 4 ноября 2013 года Ивану Фатеевичу исполнилось бы 85 лет. Звучали стихи Ивана Крюкова и гостей-поэтов, участвующих в чтениях. Выступили представители литературного объединения «Касмалинские зори» из Ребрихинского района (руководитель Зинаида Гасан), Андрей Попов, участник творческой студии «Радуга» (Павловск), а также хозяйка мероприятия — мамонтовцы (литературное объединение «Вдохновение», руководитель Антонина Косачёва).

ЛИТПРЕМИИ

В память о поэте Игоре Царёве учреждена ежегодная Международная литературная премия «Пятая стихия», носящая его имя. Конкурсная комиссия рассмотрит не более трёх поэтических произведений от одного автора, каждое объёмом до 65 строк. Предпочтение отдаётся традиционным формам поэзии, тяготеющим

к силлабо-тонической школе стихосложения.

Объявлены лауреаты Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» за 2013 год: в жанре прозы — Яков Шафран (Тула); в жанре поэзии — Олег Пантюхин (Щёкино); в жанре литературы — Игорь Герасимов (Донецк, Украина); в жанре публицистики — Владимир Резцов (Калининград) и Александр Субетто (Санкт-Петербург).

ЛИТФЕСТИВАЛЬ

В Подмоскovie прошёл литературный фестиваль «Новые сказки современного мира», на котором подведены итоги конкурса сказок «Галактические сказки сезона — 2013». Лауреатом конкурса стал член Союза писателей Беларуси, учёный секретарь Гомельской областной универсальной библиотеки Юрий Максименко.

ЛИТУРАТЫ

На 84-м году жизни скончался основатель смоленской филологической школы, заве-

дующий кафедрой истории и теории литературы в СмолГУ, теоретик литературы, литературовед и критик, публицист, поэт, прозаик, публицист Вадим Соломонович Баяевский.

На 95-м году жизни скончалась британская писательница Дорис Лессинг, лауреат Нобелевской премии по литературе. В числе главных её работ — романы «Трава поёт», «Золотой дневник», «Добрый террорист», трилогия «Дети насилия».

ЛИТПАМЯТЬ

В Магнитогорске отметили 100-летие со дня рождения поэтессы и педагога Нины Георгиевны Кондратовской (1913–1991). В Центральной детской библиотеке, с 1998 года носящей имя поэтессы, прошёл праздничный вечер, на котором были подведены итоги фестиваля детского творчества «Родное бесконечно узнаётся». Также состоялись литературные чтения, на которых были заслушаны доклады о творчестве Кондратовской и её значении для уральской литературы.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Центральный Дом литераторов

Малый зал
21 ноября — Елена Николаевская. Вечер памяти к 90-летию со дня рождения, начало в 18.30.

22 ноября — «Вологодский контекст». Творческий вечер Сергея Тихомирова, ведёт Марина Замотина, начало в 18.00.

23 ноября — представленные новой книги Нателлы Лалабекян, начало в 15.00.

Очередное заседание клуба метафизического реализма. «Проза Ивана Зорина», ведущий — Сергей Сибирцев, начало в 18.30.

25 ноября — Клуб книголюбителей имени Е.И. Осетрова (492-е заседание). Юбилейный вечер Валима Рахманова «Проводи меня в дорогу...», начало в 18.00.

26 ноября — Литературная гостиная Союза писателей Москвы, ведущий — Кирилл Ковальджи, начало в 18.30.

Комната за снейой
26 ноября — семинар детских и юношеских писателей, руководители — Влади-

мир Майоров и Александр Преображенский, начало в 17.00.

Дом русского зарубежья
Нижняя Радищевская, 2
22 ноября — Вторые международные историко-филологические чтения Ad fontes, начало в 10.00.

Литературный вечер «От А.С. Пушкина до К.Г. Паустовского», ведущая — Ольга Акакиева, начало в 19.00.

25 ноября — культурологическая дискуссия «Великое землетрясение 2011 года: опыт литературного исследования», начало в 18.30.

27 ноября — презентация книги «Русское православие в Бельгии», начало в 18.30.

Музей Серебряного века
Проспект Мира, 30
22 ноября — театрализованный вечер, посвящённый Марине Цветаевой, начало в 18.30.

Библиотека префекта ЦАО
Новоспасский, 5, стр. 2
25 ноября — вечер памяти Леонида Бородина, начало в 17.00.

Хорошие и разные

Мне хочется представить читателям «ЛГ» несколько самых разных поэтических подборок. Главное, что объединяет этих непохожих друг на друга поэтов, — это любовь к российской словесности. Верность поэтической традиции. Сегодня 70-е годы отечественной поэзии кажутся давно забытым прошлым. А на деле они подарили читателю имена поэтов, которые создали и продолжают создавать живые и трепетные стихи. Один из таких поэтов Алексей Королёв, автор замечательных книг «Зеница ока», «Синица в небе» и других. Наталья Стручкова начала писать в новом веке. Она живёт в маленьком городе Кстово,

что находится на берегу Волги, учится на культурологическом факультете и пишет трепетные акварельные стихи. Наталья Стручкова — автор двух поэтических книг — «Первый снег» и «Полёт одержимая». Сейчас она готовит свою третью книгу. Андрей Шацков — москвич, автор одиннадцати книг стихов, лауреат многочисленных литературных отличий. Свою музу он посвятил родной природе, но через изменчивую природу передаёт реалии современного мира — его радость и беспокойство, взлёты и падения. Ирина Егорова-Крекнина живёт в знаменитом городе Сарове, не так давно это был закрытый город Арзамас-16, в

свое время она окончила Высшие литературные курсы и лет двенадцать назад во время выступления на «Турнире поэтов» «Московского комсомольца» в Лужниках была единогласно избрана Принцессой поэзии. Её перу принадлежит несколько ярких книг, среди них «Небо спящего ветра» и «Русская девочка». Ещё один поэт, которого мне хочется представить читателю, был участником когда-то получившей известность Совещания молодых писателей в Софрине в 70-е годы XX века. Это Виталий Мухин, его яркие и интересные стихи получили восторженный отклик, и с тех пор Виталий много печатался, в том числе и в «ЛГ». А москвич-

ка Наталья Рожкова — выпускница РГГУ, лауреат литературных премий «Словесность», «Традиция» и премии имени С. Есенина, участница литературного сетевого проекта «Сёстры во Евтерпе». Печататься она начала в 1984 году и с тех пор издала несколько поэтических книг.

В XX веке была широко известна формула Владимира Маяковского: «Больше поэтов — хороших и разных!» Она вполне актуальна и сегодня.

Сергей МНАЦАКАНЯН

С летним зноем в канун приближенья грозы,
И любовью навеки к самой первой собаке.
Это снится всё реже, средь суетных снов,
Где в затмение мелькают недобрые лица.
Где проносится стаи кладбищенских сов...
Но легла на бумагу годов вереница
Тех, которых теперь не предаю, не отдаю.
Да не йдут они ни сомненья, ни срама...
Я несу их на холм, к заповедным цветам,
Под которыми ждёт синеглазая мама.
19–21 августа 2013 года

Солнце в прятки играет
в каштановых волосах.

Запах магнолий и кофе
разносится за версту...
В сумерках смуглая кожа
сияет, как на свету.

Ветка ли стукнет в ставень —
вспыхнет в траве роса...
Иль это лунный гравий
расстали небеса?

Тянется в сад бескрайний
стёжка из хрупких слёз...
А моей крале лайнер
снится на волнах грёз.

А лайнеру снится берег,
в тенистых каштанах дом
с полуоткрытой дверью,
высоким резным окном,
звон воробьиной стаи...

Много ещё чудес
свой продолжают танец —
поле и дуг, и лес.

Свой продолжают танец
баржи речной гудки...
И, осыпаясь, тают
розовые лепестки.

Тает звон мандолины,
лайнер в море и пляж,
куст молодой малины
и на дугу шалаши.

Тают сны между нами —
на цыпочках ходят сны...
А у моей крале крылья —
и нежность морской волны.

Жарче струн мандолины
чужкое тело её.
А над кустом малины
дождик всё льёт и льёт,

а над кустом малины —
«Ах, над кустом малины
губы слаще малины!» —
забвение и забытьё...

Кто-то в любви сгорает,
кто-то себя бежит,
кого-то уносит лайнер,
а кто-то вообще не спит.

Однажды, когда со снами
я прощала в слезах,
облюбовала мой палец...

Не улетай, стрекоза!
2013

Наталья РОЖКОВА

Русский сон

Вселенная была
Оранжевым цветком,
И звездная пыльца на стебель оседала.
Я звезда нахожу
Её в своих карманах.
Серебряно блистает
Среди табачных крошек,
Подсолнечной трухи
Знакомая песчинка.

Пустая квартира, и рамки пустые
На стенах обшарпанных молча висят,
Вот так и живёт — посредине России
Мой милый художник, товарищ и брат.
Пустые бутылки стоят, как солдаты,
Из рук от усталости падают кисть.
Дыши и рисуй! И сосед твой хрипчатый
За стеной спойт: «Я люблю тебя, жисть!»

Средь непривычной тишины
На землю снег ложится,
Тем, кто по-русски видит сны,
Опять дорога снится.
Деревья белые кругом,
И санный след далёкий,
И дом с единственным окном,
Горящим одиноко.
И свет холодный близких звёзд,
И ветра глас печальный,
И ветра заброшенных погост,
И путь к нему бескрайний.
Чуть слышимый — колокольный звон,
Метель мазурку крутит...
О, как понятен русский сон
На колюче в приюте!

На планете ещё молодой
Динозавры завязли в болоте,
Но Всевышней их видит останки
За прохладной музейной витриной.
Так и наши смиренные кости
Будут тихо белесть за стеклом,
А глаза неизвестных существ —
С любопытством разглядывают их.

СНЕГ В МАЕ

Редко бывает, когда
Не спрысая, он приходит,
С вишней цветущей,
Воздух дрожащий весеннего розой исколот.
И отчего-то становится болото на вздохе,
Светлой весной
На чёрных обломках эпохи.

Алексей КОРОЛЁВ

Полотно Веронезе

С иголки обнов хороша,
Как в Марбурге, — от пяток до затылка,
А обветшав, не стоит ни гроша...
Не по нутру мне эта предпосылка!

На что уж троп затрёпанный — душа,
А мы его употребляем пылко:
Так водудушевает алкаша
Сознание, что спрятана бутылка

На чёрный день. Но о каком из дней
Не скажешь, что грядёт ещё черней, —
Так стоит ли испытывать терпенье!
Но если уж надежда на спасенье
Припрятана, не прикасайся к ней, —
Успение ещё не воскресенье...

Как в засаде сидя, звука, знака ли
Жду — вломилась, чтобы словно лось...
Лучшие мои денёчки плакали,
Остальные оторви да брось.
Из того, что на роду каракули
Пререкали, кое-что сбрось,
И особой нет нужды в оракуле —
Остальное сбудется авось.
Сводит челости от безразличия,
Тем не менее ещё пока
Отличу личину от обличия,
Не сыщу в ничтожестве величия...
Впрочем, если соблюдать приличия,
Разница не слишком велика.

Не то беда, что обнищал, —
Для реплик в стиле: «Караул!»
Не нужен даже стол и стул, —
А то, что всех, кому вещал,
Мне кажется, я обманул,
Хоть ничего не обещал.

А в Библии красный клееновый лист...
А.А.

Не оправился ещё после гриппа, —
Входит женщина — не баба, а липа,
Имиджация царя и цари...
Мне с младенчества везло на эрзцы.
Даже если проглядывай все гляделки,
Отличить оригинал от подделки
В наше время нелегко. И агаты,
И смарагда иногда — суррогаты.
Самозванкам возмущительноглазым
Искони предпочитал ясный разум.
Здравомыслие меня погубило —
Вот опять меняю шило на мыло.
Постоянная нужда в макияже
У изьяна, червоточины даже,
Безупречное же и в затрапезе
Всё равно как полотно Веронезе.
Не тушуясь, говорю, всё в порядке,
Просто я ещё горю в лихорадке,
38 у меня и 4...

Смутно, словно сквозь помехи в эфире,
Слышу бестолочи полные речи...
Точно угли горячи эти плечи,
Эти груди обжигают ладони,
(Я уже не заикаюсь о лоне).
И в любви не избежать плагиата:
Что ни поза, что ни жест, то цитата
Из неведомого пращура-предка.
Нечто новое случается редко.
А фонетика бедней, чем у птички,
У не в меру современной москвички
И синантропки — ахи и охи
Не зависят вообще от эпохи.
А поскольку хоть ты лопни, хоть тресни,
Всё равно не сочинить «Песней Песни»,
Из объятия, где плотно и гладко,
Выпадают, как из книги закладка.
Всё равно, с чего начать, — лишь бы кончить.
Отчего клееновый лист перепончат,
Я не знаю, да и что мне за дело...
Тем не менее пришла, одолела.

Сначала воспарил — а после рухнул!
Сперва залезай, а потом опухни,
От жадной умирая у ружья...
Уменья трюхи да чуть-чуть чутья —
Вот основное из того, что я
На поэтический усвоил кухню,
Хотя стихов, как правило, на дух не
Переносил, лишь исключенья чья.

Ирина ЕГОРОВА-КРЕКНИНА

Шаровая молния

МОСКВА-РЕКА

Пронизав текучестью извечной,
Отразившись в окнах и крестах,
По пути создав Замоскворечье,
За века как будто не устав —

Ты струишься. В солнце замирая.
Золотая, тёпловая вода.
Так ли важно — первая, вторая —
Важно, что питаешь города.

Свеженосна, каменнобережна...
Отражаешь особенно милей,
Когда ты, светло и обержно,
Плещешь у Коломенских церквей.

ЗВЕЗДЁНЫШ

Эту ночь, как водку, испей до дна —
И сиди в окошке, да волком вой.
Ты не бойсь, не выпльну у окна,
Удобься молнии шаровой...
Да не бойсь, не выйду — умом светла,
Да не всякой горести свет — в окне.
Я и так ведь с неба к тебе сошла
Гольшином понежиться в простыне...
Помню, вслед кричала мне мать-звезда:
«Да не делай лишнего, свет буди!»
И текли небесные поезда
Вниз — с её звездёнышем на груди.
Буду телом, гладеньким, как яйцо,
Прижмись кай к войлочной тишине...
Ты хмельное — к небу — держал лицо,
И оно навеки полюбилось мне.

ШКОЛА

— Знаю, за что получались пятёрки —
Белых немало грязнил я сорочек.
Новая школа — и новые сроки,
Точки-тире вместо стареньких точек.
Вместо уютных почтенных стараний —
Полупрорывы к каким-то границам.
Сны — вместо формул, миры —
вместо зданий,
Вместо теорий — убитые птицы.
Эта учёба — поток наваждений,
Здесь дисциплина — насмешка для нищих.
Школа познаний своих заблуждений,
В коей разруха — обычная пища.
Не отворачивай от бывшей программы,
И окружающие калейдоскопы
Простят вести немедленно маму...
Маму, что выжила после Потопа.

Андрей ШАЦКОВ

Заповедные цветы

ФЕВРАЛЬСКИЙ МОРОК

Слепые снегопады февраля...
Нежданья, нежданья — просто,
Сорвавшись с неба на погосты,
Чтоб стала луном каждому — земля.
Кто лёг в неё, кто не успел пока
Надееся, что весной снег растает.
Но он, увя, летает и летает.
И кружат каруселью облака
Над русскою печальною равниной,
Которой нет ни края, ни конца.
Как нет конца и края у кольца

Российских рек,

чьей вечной пуговиной
Повит из Грек в Варяги крестный путь
Истории, что нам не поиначить...
Какая боль в метельном волчьем плаче.
Как разрывает эта песня грудь!

Но всё равно, покуда в сердце есть
Хоть капля праотческой отваги,
Спешу стихи оставить на бумаге
И завещаю своим потомкам честь
С которой жила,

и не твоя вина
Что на последнем заповедном шаге
Не везла над кормом стяг «Варяга»,
Как прадед,

и грошовая цена:
Делам, поступкам, мыслям и словам...
Они пришлись не вовремя, не к месту.
Попавши под губительный секвестр
Низвернутым из ада временам!
И что ещё, по правде говоря,
Осталось ждать от Синегорской стужи.
Покуда над землёй, как враны кружат,
Слепые снегопады февраля!

И БУДЕТ МАРТ

И будет март! И станет жизнь ясней
В небесной сфере и в земной юдоли.
И поменяет занавески коней
Моей судьбы Вершитель на престоле,
Который серафим и херувим
Несут на крыльях огненного света...
Настанет март! И будет Третий Рим
Палит снега из Ветхого Завета
В багряном зное Масляных костров,
Вещающих концом зимней стужи.
Настанет март — и посреди дворов
Заплещут отражённой синью лужи.
И сменит тяжесть шубы — пальтецо,
Твой абрис очертившее упрямо.
И волосы твои в моё лицо
Отбросит ветер, прилетевший с юга.

И будут падать, отбивая такт
Задорных маршей, юные капли...
И грянет март! Но будет всё не так...
Но будет всё не так
на самом деле.

МАЙСКИЙ СПАС

В памяти исчезла встречи дата,
И подруг красившей — имена.
Ты одна из них была крылатая.
Ты одна — из них была грустная.
Но в былом остался праздник солнца.
Тянется разлука без конца...
Только из небесного колодца
Сылет вьюгой звёздная пыльца.
И растут черёмухи охапки,
Как росли суробы по зиме.
И печаль-тоска «в сухом остатке»
Достается в эту пору мне.
Месяц май уходит без возврата
Половодьем схлынувшей воды.
Ты одна ни в чём не виновата,
Винноваты вместе — я и ты!
И не будет светлого причастья
В Ленинградском Спасе-на-Крови.
Не отыщешь призрачного счастья
В омуте украденной любви.
К твоюму склонившись изголовью,
Про меня прошепчет вещей сон:
Жил неладно, но ушёл — с любовью,
Будет в Царстве Вечности спасён!

НА ТРОИЦУ

Покуда уныния грех не утих
И в душу метёт листопадом,
На помощь приходят изограф и мних.
И вкупе становятся рядом...
Пусть в Троицын день, со смятённой душой,
Забывшей про Божие слово,
Пребудут в скорбях над тцетой, надо лжой
Три Лица Андрея Рублёва.
Три ангела в блеске цветенья поры,
В идиольской, безоблачной сини,
Раскинут крыла от библейской Горы
До северных храмов России.
И ляжет на мир благодатная сень,
Даруя живому прохладу.
И Символом Веры отмеченный день
Со звоничи шагнёт за ограду.
И будет ниспослан Берёзовый Дух
Развевать уныния иго...
И Сергея слово ложится на слух,
И легче — унынья верига!

ЭТИ ГОДЫ

Задыхаюсь от нежности к этим годам,
И в былые опять возвращаюсь упрямо...
В нём — цвели георгины по дачным садам,
И спускалась с крыльца синеглазая мама.
И парил над верандой дощатый балкон.
И скрипели под шагом сандалий ступени.
И взлетал поутру херувим-махаон
На процветшие гроздьях махровой сирени.
И бежал в торосах коры муравьи
До вершины сосны, подпирающей небо,
Охраняющей лучшие годы мои
С молоком и крапюхою тёплого хлеба.
Со сладкою стрекоз, со слезами росы,
И царяпиной, честно полученной в драке.

Наталья СТРУЧКОВА

На одном дыхании

От первого крика и до креста —
Это не путь — распутица!
Может быть, сбудется чья-то мечта?..
Жизнь никогда не сбудется!
Мысли щебечут, а чувства глухи.
На воскресенье Прощёное
Ты принимаешь мои стихи —
Не тебе посвящённые.
Я тороплюсь заглушить эту боль,
Не потеряешь всуе.
Мне на дорожку выйти позволь —
Финишную! Прямую!
Ты заслоняешь меня в метель...
Хочешь узнать заранее,
Что сердце — невечный двигатель
Внутреннего ссорания?!

ЗВУК

Жить напевно,
неотступно жить!
Родниковый бег не прерывая.
Я, наверно, чересчур живая,
Чтобы этот звук в себе душить.
Шум дождя в ночи и птичий гам,
Перемена всякая в природе,
Он ещё живёт в моём народе,
Он озвучит таянье снегам.
Звук движенья в полной тишине —
Сердца стук ритмично неуклонно,
По своим естественным законам
Эхом отзывается во мне.

ОСЕННИЙ МАРАФОН

Уснувших мух глотает кот.
На дереве — ворона сытая.
А дождь идёт... И жизнь идёт...
И вся земля листвою усыпана.

Лишь потому, что дворник стар,
Дорожки выметены дочиста.
Ведёт вечерний тротуар
От суеты до одиночества.

Осенний марафон иль кросс
Нельзя измерить расстоянием,
А жизнь задумана всерьёз
И даже на одном дыхании!

В ночь за небесный окоём,
Лишённый напрочь всякой звёздности,
Хочу бежать с тобой вдвоём
Во избежание серьёзности.

Виталий МУХИН

От края до края

Грянет ли гром за холодным окном,
Молния в сон ли ворвётся, пугая,
Иль зашатает могучий перрон —
эй, братаны! — до звонка ли до края
скользкой платформы?.. А, может, земли?
— Пропасть как пропасть.
Слабо перепрыгнуть?!

Плачут гармони во весь свой зенит,
мехи до Кушки экватором выгнув.
А там пересылка. А там первый бой
голосом страшным орёт понарошку.
Встанем-привстанем — нам не впервой
израть в неваляшку и даже в матрёшку.
«Мама, ты что? Да тут всё нормалёк.
Кормят отлично. Сержанты — что надо».
Штемпель почтовый... А сам-то сынок
месяц как в клювьях разорван снарядом.
Грянет ли гром... А чего он гремит
рано пред зорями, спать нам мешая?
— Почта торопится. Почта спешит
от края до края... До самого края.

СНЫ И СТРЕКОЗА

Моей любимой жене
А у моей крале
то-о-нкая талия
и голубые глаза.

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Эдуард Лимонов. **Апология чуждей: мои книги, мои войны, мои женщины.** — М.: АСТ, 2013. — 538 с. — (Серия: «Проза Эдуарда Лимонова»). — 3000 экз.

В новую книгу Эдуарда Лимонова, интерес читателей к которому не угасает, вошла журнальная проза малых форм, написанная за последние пять лет. Диапазон повествования, по словам автора, «простирается от «тюрьмы» и «сумы» до светской жизни и романтических приключений с опасными женщинами». Вооружённое восстание в Средней Азии и война в Сербии, женщины и дети, самая одиозная политическая партия в России и божья жизнь в Нью-Йорке, Париже, Москве... Название «Апология чуждей» читать следует буквально. Лимонов всегда на стороне оппонентов и малых сих, будь то сербские ополченцы или чужки, луками и стрелами отбивавшиеся от казаков с ружьями и пушками. Новой книге Лимонова, может, и далеко до «Эдички» и «Дневника неудачника», но личность большого писателя и авантюриста отражается в ней ярко и живо. Лимонов здесь другой — повзрослевший и умудрённый. Его извечная любовь к эпатажу оборачивается другой стороной — умением говорить спокойно и достойно о самых жгучих проблемах.

ПОЭЗИЯ

Уральская поэтическая школа. **Энциклопедия 1981/2012.** — Челябинск: Издательская группа «Десять тысяч слов», 2013. — 608 с. — 700 экз.

Издатели позиционируют книгу как «информационный арт-объект». И действительно, издание заполнено визуальным рядом. И всё-таки книгу, где представлены около 400 стихотворцев, следует отнести безусловно к яркому поэтическому артефакту. Существует или нет такая специализация в поэзии — УПШ (уральская поэтическая школа), судить читателю. Но поэзия Урала представлена в такой концентрации и разнообразии, что говорить стоит, скорее, о геокультурном феномене. Ю. Беликов и В. Дрожжих, В. Дулепов и Ю. Казарин, В. Кальпиди, М. Никулина и, конечно, Борис Рыжий — каждое из этих имён индивидуально и неповторимо, но все — вместе с совсем юными (кстати, с первой книжкой на Урале ни у кого не возникает проблем!) — составляют некую особую общность, а не тусовку. Один из «фигурантов» стал главой Екатеринбург (Е. Ройзман), другой — депутатом заксобрания (Е. Касимов). Уральская пассивность просто зашкаливает! И при этом никто не потерял поэтического лица и — главное — отчаянной преданности русской поэзии.

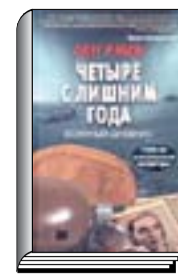
ЭССЕИСТИКА

Кирилл Ковальджи. **Моя мозаика, или По следам кентавра.** — М.: Союз писателей Москвы, Академия, 2013. — 472 с. — Тираж не указан.

Поэт Кирилл Ковальджи издал книгу эссе и миниатюр. Это уже вторая книга такого рода. Первая — «Обратный отсчёт» — выходила 10 лет назад. Наблюдения и размышления, житейские картинки, короткие рассказы-воспоминания, портреты и статьи о современных писателях. Части книги печатались в журналах «Вопросы литературы», «Октябрь», «Нева», «Дружба народов», «Дети Ра», «Кольцо А», «Наша улица», альманахах «Истоки», «Муза», «Эолова арфа» и на многих сайтах в интернете. Отдельные главы переведены на болгарский язык. В книге четыре части. Первая — короткие рассказы, страницы биографии, вторая — «Литературные портреты» (русские, молдавские, румынские писатели), третья — воляная, своеобразная — похожая на «Опавшие листья» В. Розанова. Беглость записей, ассоциаций, полемики чередуется свободно, прихотливо, создавая насыщенную культурную, интеллектуальную атмосферу. Четвёртая часть — мысли об искусстве, философии, религии, политике.

ДНЕВНИКИ

Олег Рябов. **Четыре с лишним года: Военный дневник.** — М.: Астрель, 2012. — 320 с. — 3000 экз.

Эта книга составлена из фронтовых писем и рассказов отца писателя, Алексея Алексеевича Рябова. На войне ему, можно сказать, повезло: служил он радистом в артиллерии и в наиболее горячих боях не бывал. Сам он, хотя и неоднократно награждённый, пишет о своём участии в войне так: «Я не хочу хвалиться, что я воевал, но могу сказать с чистой совестью, что прожил четыре года под землёй с теми людьми, которые воевали». В письмах с фронта Рябов охотнее и подробнее рассказывает о довоенных воспоминаниях (всё плохое забыто!) и о том, как устроено военный быт, чем о сражениях. Тем рельефнее проступают его страх и трепет, когда он несколько раз чудом избегает смерти или когда описывает разорённую дотла Калининскую область. «Мне-то ничего», — на все лады повторяет лейтенант Алексей Рябов, сутками шагая через леса и болота по колено в воде или в снегу, — ведь сколько тех, кому намного хуже меня». И этот раздумчивый, умиротворённый тон, оттеняя кошмары войны, становится ещё одним достоинством книги.

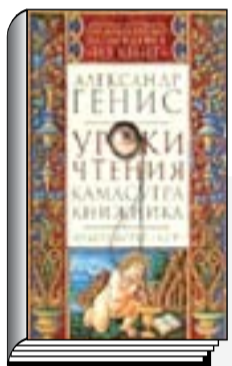
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Зина Суrowa, Ксения Дрызлова. **Находилки. Гуляем и играем — познаём мир.** — М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2013. — 24 с. — 4000 экз.

«Находилки» — это книга-игра, которая превратит обычную прогулку в увлекательное приключение. Как играть в «Находилки»? Предметы для поиска могут быть самыми разными: к примеру, нужно найти пять цветков синего цвета, три красные машины, одну лазоревую юбку и четыре серых камушка. Вы берёте книгу с собой на прогулку или в поездку, а ваш ребёнок находит всё, что изображено на рисунках, и отмечает находки. Ещё находки можно сфотографировать, а потом дома сделать подробный отчёт с рисунками и фотографиями. В книге собраны «находилки» для летних и зимних прогулок по городу, в парке, в лесу, для поездки на автомобиле, поезде и даже для отдыха на море. Кроме того, в книге есть интересные творческие задания, которые можно выполнять дома, и несколько любопытных сюрпризов для детей. Эта книга родилась из опубликованной на сайте Ксении Дрызловой лесной «находилки», которая моментально стала популярной среди мам — читательниц блога. Они тут же подхватили идею и отправились с детьми на поиски!

ОБЪЕКТИВ

Бабочка с карандашиком

Александр Генис. **Уроки чтения. Камасутра книжника.** — М.: Астрель, 2013. — 349 с. — 4000 экз.

От «уроков чтения» веет невинностью и скукой начальной школы. «Камасутра книжника» дерзким вихрем переносит куда-то ко времени института, к ироничным, преждевременно созревшим юнцам, которые взяли себе привычку закладывать тома классиков эротическими открытками. Александр Генис написал книгу о наслаждении чтением. Даже так: об убажании себя — чтением. Оно, как известно, бывает разное: невинное и искusstvenное, мимолётное увлечение и привычная на всю жизнь. Я сейчас говорю почти как Генис. Всё потому, что у него есть стиль. Иногда прочитанные нами книги ещё некоторое время остаются формой, по которой отливаются мысли; такие книги властно держат читателя в плену собственной манеры, поддерживают свой ритм, навязывают авторский синтаксис. Но лишь тогда, когда такая индивидуальность в них есть. Речь идёт именно о форме — содержание же, как правило, гораздо более расплывчато. Его можно опспорить. Его можно даже проигнорировать — иногда это пошло бы книге Гениса на пользу и, несомненно, позволило бы получить от неё большее наслаждение. Но мы не будем. Мы отнесёмся к Генису критически, и пусть нам будет хуже.

Представьте себе пёструю бабочку, которая порхает хаотически и всё же по какой-то явно ведомой ей траектории. Это мысль Гениса. Иногда она раздражает так, что хочется прихлопнуть, иногда — поместить под стекло как характерный для своего вида отличный экземпляр, но чаще — просто поглядывать на неё с долей удовольствия. Пусть себе летает... Главное — не придавать ей столько значения, сколько

выдумал для бабочки Рей Брэдбери в рассказе «И грянул гром». Мысль Гениса эфирна (в том числе потому, что широковещательна). Факты его не заботят. Раненного в ключицу доктора Ватсона он спокойно может назвать хромым, а XVI век — шекспировским (притом что расцвет творчества Барда начался лишь с 1600 года). Да Генис и сам напишет о своей скорбной дуэли с реальностью: «разоблачённый факт не перестаёт соблазнять ненужными знаниями». Даже то измышление, что было с успехом опровергнуто, для него по-прежнему имеет статус «факта». А потому на Гениса если и сыщется — так только очень осмотристо. Полагаться на него небезопасно. А вот медитировать под него можно вполне.

Приливы и отливы, бабочка, мечущаясь бессистемно, но стремящаяся всё же к окну или к лампе, — мысль Гениса при всей наглядной хаотичности вызывает непропорционально много узнаваний, совпадений. Вероятно, дело в том, что она вооружена карандашиком. «Привыкнув пользоваться карандашом с детства, я хотел, чтобы ноготь кончался грифелем», — говорит Генис, и вот тут нет никаких оснований ему не верить. Напротив, читая его книгу, заражаешься его мечтой. Бабочка порхает с цветка на цветок: от Толстого к Беккету и Дюма, Буссенару, Киплинг, Гончаров, Достоевский, спокойно любимым Набоков и нежно любимый Мандельштам появляются ярко и фрагментарно, словно узоры из цветных стёклышек в калейдоскопе. Системы нет только на первый взгляд; на самом деле книга довольно чётко структурирована и движется — предсказуемо, но логично — от начала к концу. И хотя нет в книге Гениса никакого прямолинейного убеждения, после неё так и подмывает заново перечитать многое из когда-либо читанного с карандашом в руках. Это, собственно, и есть главное достоинство «Камасутры книжника». Она побуждает заняться гедонистическим интеллектуальным спортом.

Вся книга Гениса — заметки на полях прочитанных книг, составленные

в более-менее цельное пространное эссе. Ироничные, причудливо скроенные, ладные сшитые, иногда двусмысленные, порой — афористические. Замечания Гениса, одновременно меткие, бескомпромиссные и поверхностные, могут вызвать удовлетворение, если вы с ними согласны, и раздражение — если нет. Ну вот, например, такое: «Иногда мне кажется, что наш вдохновлённый Бродским фетишизм языка — ответ на обмеление содержания». Или такое: «Слова у Толстого так прозрачны, что мы замечаем их лишь тогда, когда Толстой начинает нам объяснять свой роман, как деревенским детям — нарочито простыми речками». А вот о Достоевском: «Герои его навязывают нам тот припадочный ритм, в котором живут сами». Со всеми только что приведёнными высказываниями я согласна, и поэтому они мне нравятся. Как нравятся и признание: «Никто не способен назначить время удачного свидания с книгой». Как и рекомендация читать «Кольбильную Трескового мыса» на Тресковом мысе. Один мой друг изучал Париж по книге Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Художественная география — это серьёзно. Она может привязать вас к месту, которое вы никогда не видели в действительности.

С другой стороны, утверждение, что «в две строки влезает больше пейзажа, чем в страницу из Тургенева», и заявление, что Толстой, написав «Войну и мир», придумал мыльную оперу, умиляют молодёжкам нахальством. Это Генис, он читает с карандашом, пишет, что взбрёт в голову, и его хочется читать с карандашом тоже, откровенная неурезици, много несурзаци, и время от времени ставя на полях восклицательные знаки. Собственно, если вы уже довольно много читали Гениса раньше, новую книгу можно и не смотреть — она мало что прибавляет к его обычному самовыражению. Но если почти не знакомы с ним — попробуйте, это будет интересное знакомство.

Татьяна САМОЙЛЫЧЕВА

КНИЖНЫЙ РЯД

Кэрролл для взрослых

Наконец-то вышел в России «Русский дневник» Кэрролла. Чем же он замечателен? Во-первых, это рассказ от первого лица о единственном заграничном путешествии, которое малоизвестный нам Чарльз Лютвиг Доджсон (он же знаменитый Льюис Кэрролл) предпринял за всю свою жизнь. И сразу в Россию! Во-вторых, хотя русские исследователи присматривались к дневнику давно (ещё Чковский писал о нём), целиком переведён он на русский только сейчас, стараниями Нины Михайловны Демуровой. В-третьих, это действительно любопытное повествование: при всей лаконичности путевых заметок в них нашли своё выражение и наблюдательность Кэрролла, и его суховатый, слегка ироничный юмор, и, что немаловажно, беспристрастность доброжелательного чужеземца.

Россия беспрестанно удивляла Кэрролла. В её заштатных и даже «ужасных» гостиницах неожиданно хорошо кормили, в монастырях и на провинциальных усадьбах, когда путешественники уже чувствовали себя Робинзонами на необитаемом острове, вдруг находились люди, отлично говорившие если не по-английски, так по-французски, и всячески готовые помочь («боюсь, мало кто из англичан мог бы сравниться в подобном внимании к путешественникам»); в нижегородском театре игра актёров превосходила виденную писателем в Лондоне, притом что слов он не понимал (это были ставшие впоследствии знаменитыми Ленский и Сорокина в самом начале своей карьеры); наконец, русское богослужение, часенко тяготившее писателя монотонностью, внезапно привлекало песнопением такой красоты и гармоничности, что он «охотно слушал бы его ещё и ещё». Невский проспект был удивителен — «это, верно, одна из самых прекрасных улиц в мире»; статуя Петра Великого была удивительна — «попирая змея,

Льюис Кэрролл. **Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник:** Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле / Под общ. ред. Н.М. Демуровой. — Челябинск: Энциклопедия, СПб.: Крига, 2014. — 416 с. — 1000 экз.

Пётр на него даже не глядит (в Берлине, по мнению англичанина, он был бы занят непосредственным умерщвлением); весь Петербург был удивителен — «словно идёшь по городу великанов», ну а Петергоф... В дневнике Кэрролл просто честно признался, что не в состоянии описать Петергоф. Очень хороший чёрный хлеб с молоком, которых англичанин отведать в крестьянской избе; усыпанные драгоценными камнями («будто каплями дождя») сокровища Оружейной палаты; ещё не распоряданная внушающая восхищение живописная коллекция Эрмитажа; чистенькие и ухоженные дети Воспитательного дома... но также очень скверные дороги, лукавые извозчики и вот такое замечание: «Русский крестьянин с его мягким, тонким, часто благородным лицом всегда, как мне кажется, более походит на покорное животное, привыкшее молча сносить жестокость и несправедливость, чем на человека, способного себя защитить». На дворе был 1867 год, а Кэрролл был сыном страны, победившей Россию в Крымской войне. Так или иначе, он был впечатлён. И хотя миссия Доджсона и

его спутника Генри Лиддона, видимо, не имела успеха (они приехали прощупать почву касательно возможности воссоединения православной и англиканской церквей и даже встречались по этому поводу с московским митрополитом Филаретом), поездку эту никак нельзя было назвать неудавшейся.

Однако книга, о которой мы здесь рассказываем, интересна не только дневником знаменитого писателя, по объёму не таким уж и большим. Не менее замечательно то, что в ней опубликовано множество эссе, которые дают весьма разностороннее представление о жизни и творчестве Кэрролла. Гилберт Кит Честертон, Вирджиния Вулф и Хорхе Луис Борхес в один голос называют его писателем не детским. Честертон открыто иронизирует по поводу стремления зачислить Кэрролла в обязательные для школьного изучения классики, издавая над возможным вопросом экзаменаторов — «проанализируйте различия между Труляля и Траляля» — но вряд ли всерьёз допуская мысль, что ЕГЭ когда-нибудь сделает подобные вещи реальностью. «Кэрролл и физика», «Кэрролл и логика» и даже «Кэрролл и политкорректность» — все эти ракурсы намечены в статьях, вошедших в представленный сборник. Оказывается, «Алиса умудрилась подвергнуться цензуре в США (не надо глотать галлюциногенные грибы) и в Китае (не надо детям разговаривать с животными).

Много внимания в сборнике уделено знаменитой кэрролловской сказке: истории создания, публикации, иллюстрирования и бытования. Рассматриваются особенности её перевода на русский: Набокова — поверхностно и Демуровой — подробно. Нет никаких сомнений в том, что читатели и почитатели Кэрролла найдут в этой книге немало для себя интересного.

Татьяна ШАБАЕВА

ЛИТПРОЗЕКТОР

Дед Мороз с гоголевским «НОСОМ»

Это очередной, четвёртый том книжной серии «Антология короткого рассказа». Составитель серии, Татьяна Помысова, вдохновенно обращается к читателю: «Дорогой читатель! Ты держишь в руках маленькое печатное чудо...»

«Чудом» на деле оказалось собрание опусов юных по мироощущению авторов, беспомощных каждый на свой лад. Невнятность, подражателность, обилие штампов, отсутствие собственного голоса — вот, пожалуй, общая беда сборника.

Герой рассказа Анны Котовой господин N в прямом смысле слова потерял лицо. То есть не только гоголевский нос, а всё сразу: и щёки, и подбородок, и глаза. К концу повествования, к счастью, нашёл. Оригинально, ничего не скажешь. Героиня Валентины Лунёвой, чистая наивная девушка, проходит сложный путь взросления и рассуждает примерно так: «Вышла я из своего «родного дома» немножко другим человеком. В трудные минуты жизни я всегда обращаюсь... к небу. Не задумываясь, правильно это или нет, я как-то всегда была уверена, что существует Нечто или Некто, видящее меня, читающее в моей душе, любящее меня...» Трогательно, конечно, но пока незрело.

Несколько авторов сборника всё ещё ходят под впечатлением от новогоднего детства и самозабвенно пишут о Деде Морозе. К примеру, Кирилл Рожков: «И вдруг мы увидели, что навстречу идёт Дед Мороз. Да-да! В красной расклешённой шубе, с бородой, которая развевалась по слегканому ветру...» И кстати, почему «по слегканому ветру» вместо от слегканого ветра или на слегканому ветру? Элизабет Кондр (Н. Михайлова) — зачем такой псевдоним-то?! — подпекает Рожкову: «Они ещё долго будут вспоминать тот первый Новый год. Он всё решил для них. Они стали не просто парой, а чуть больше. Любовь решила поселиться в их сердцах надолго». Трудно искать свои слова, образы, сравнения, а штампы всегда наготове: «И дни потекли вереницей. Пока однажды вечером Таша вовремя не пришла домой. Телефон не отвечал. Беспокойство змей заползло в душу родителей. Они прождали до полуночи, но девушка так и не объявилась. Телефон неумолимо молчал».

С маниакальной настойчивостью почему-то развивается в сборнике спичечная тема. Натали Браво (вероятно, тоже псевдоним, являю претензий на аплодисменты) и Ярослав Самовидец (тут что-то княжеско-экстрасенсорное) разнятся стилистически,

однако работают в сходной манере — примитивной притчи. Вот такие откровения от Натали Браво: «А трона наша — через терни к звёздам стелется млечным путём, извиваясь змеиным рисунком... А мы живы, и в доказательство мы смеёмся над трудностью положения. Застряв посреди пути без спичек — это ли не самое тяжёлое испытание. Это. Но есть лишь одна вещь, что искупает грех отступления, — смерть». А вот Ярослав Самовидец: «Человечек, идя по лесной дорожке, невзначай сунул руку в карман своей курточки и обнаружил там пустой спичечный коробок. «Пустой коробок никому не нужен. А бесполезные, ненужные вещи надо выбрасывать», — рассудил человечек... Человечек подумал, что пустой коробок нужен тем, кто хочет зажечь огонь и имеет спички, но не имеет коробка. И он положил коробок на видное место дорожки».

Весьма выразительно о любви пишет Анна Тимацова: «Ты был похож на игральные карты. Чёрное и белое, красное и чёрное, ты смеялся с коньяком... Господи, как давно хочется курить — а ещё лучше выпить и никогда ни о чём не думать и не вспоминать...»

Вот такая смесь пива с коньяком — почти вся «Глаголитерра».

Однако два автора стоят особняком. Это ироничный и умный Дмитрий Фролов-Буканов, пишущий афористично-анекдотично, точно и зорко.

Процитируем для наглядности: «Диалог двух немолодых дам в очереди на приём к врачу: — Да я за 35 лет работы ни разу в отпуск толком не съездила и больничной не брала ни разу!!! — Оно и видно».

Или вот: «Я мимоходом и неизменно зачем сказал давней знакомой М., что она мне приснилась ночью. Пояснил, что не в эротическом аспекте, а так, в бытовой сфере, в разговоре, в эпизоде. На втором плане. Вроде как успокоил. Полушутливый-полусерьёзный ответ невзрачной и скромной М. поверг меня в шок: «Почему это я на втором плане?! И почему не в сексуальной сфере????»

Второй автор, уже упоминавшийся, — Валентина Лунёва. С повестью «Дальневосточная сюита». О студентке, живущей в Москве и с большим трудом собирающей деньги на родину, на Дальний Восток. Когда наконец мечта осуществляется, героиню ждёт разочарование, быть может,

первое серьёзное разочарование в жизни. В повести взят верный тон — доверительный, щемяще-беззащитный. В общем, можно смело сказать, что Валентина Лунёва — автор, подающий надежды. Незрелость мироощущения преодолется с опытом, а вот такую свежую горечь не каждому мастеру под силу передать.

Что же касается составителя сборника, Татьяны Помысовой, то строгих претензий к её вкусу предъявлять, пожалуй, не стоит. Хотя и хотелось бы. Особенно прочитав такое её изречение: «Трим, живиopsis, поэзия — три кита, несущие меня по океану жизни». Если руководствоваться таким девизом, то неудивительно, что в сборнике много слабых текстов. Удивительно, как туда затесались два хороших автора — два крепыша белых в мухоморном лесу?

Будем надеяться, они не затеряются.

Аглая ЗЛАТОВА

Глаголитерра. — СПб.: Издательско-торговый дом «СКИФИЯ», 2013. — 384 с. — («Антология короткого рассказа»). — 500 экз.

ФЕСТИВАЛЬ

Герои и ангелы

Совсем юный кинофестиваль «Человек, познающий мир» отметил свой 5-летний юбилей. В волжский Углич привезли 6 полнометражных и 16 документальных лент, основным критерием в отборе которых является патриотический аспект. Неслучайно закрытие мотера с провозглашением имён победителей прошло в День народного единства.

По всем меркам камерный форум (всего 4 рабочих дня) умеет создать, пожалуй, самое главное — атмосферу, чему, несомненно, способствует и положение старинного Углича в череде городов Золотого кольца. Высокий берег Волги с панорамными видами, монументальной плотиной и далёкими одиночными рыбацкими лодочками, многочисленные, очень разные в архитектурном решении церкви и монастыри с колокольным звоном, уютные домики с ажурными наличниками, мощённые камнем прямолинейные улочки, честно ведущие путника — кого в Ярославль, а кого в Москву... На гербе города — Дмитрий с длинным ножом в правой руке. Угличане несколько лет назад в очередной раз получили от столичной власти отказ в просьбе убрать нож с герба — неужели и четырёхсот лет недостаточно, чтобы перестать укорять невинный Углич в гибели царевича?..

В двух программах фестиваля работали два жюри. Конкурс игрового кино судили писатель, главный редактор «ЛГ» Юрий Поляков, киновед, главный редактор газеты «СК-Новости» Лариса Солоницына, заслуженная артистка России, телеведущая Марина Яковлева. Документальный конкурс — первый магистр интеллектуальной телеигры «Что? Где? Когда?», обладатель «Бриллиантовой совы» легендарного клуба, сценарист, продюсер Александр Друзь, директор студии «А-фильм» в Екатеринбурге, продюсер Валентина Хижнякова, документалист Евгений Голынкин.

Кино для подростковой аудитории у нас сегодня практически не снимается, между тем в сочетании со спортивной тематикой такие фильмы особенно актуальны в связи с близящейся Олимпиадой. В подтверждение этому — фильм дебютанта Павла Дроздова «Лёд». Тренер часто повторяет: «Хоккей — то, чем ты дышишь!», и эта фраза отсылает к известной присказке Анатолия Тарасова: «Веселее, веселее, вы — в хоккее!». Лента о спорте, преодолении самого себя, соперничестве внутри команды, а также воспитании командного духа, собственной силы воли и чувства ответственности. Не приходится говорить о каких-либо художественных достоинствах фильма, но социальный заказ здесь выполнен. А потому «Лёд» резонно получил спецприз жюри «За фильм, открывающий юношеству мир большого спорта».

Несколько затянута экспозиция в фильме «Собачий рай» способна отпугнуть зрителя, но если он всё-таки выдержит и не уйдёт с просмотра, то наградой ему будет умиляющий катарсис. Автор сценария Александр Адабашян вложил в картину историю из собственного детства. Он же в содружестве с Анастасией Каримулиной явился художником-постановщиком и создал пространство московского двора 1953 года. В начальной панораме в кадр попадает потолок съёмочного павильона, увешанный металлическими конструкциями, преданмерно создавая, по словам Александра Артёмовича, необходимый эффект. Это искусственный мир, населённый неискренними людьми, которые до предела заполнены тайнами, недоразумениями, эмоциями, наглухо запертой правдой. Режиссёр Анна Чернакова и оператор Владимир Климов выстраивают «линию дознания» с подглядками, подслушиванием, постепенным выяснением причин и следствий. Члены большой семьи пытаются восстановить связь времён между 1939-м и 1953 годом, когда они были в ссылке, но этот промехоток в их жизни невосполним.

Цитируется Гершен: «Нет такой мысли, которую нельзя было бы выразить просто и ясно». Противоречия писателю, фильм изобилует излишними деталями, пустыми фразами, напыщенными сценами и недостоверными «историческими фактами» — у зрителя провоцируется впечатление напускной суеты, хотя нервность персонажей ему не передаётся. Девочка Таня, став подружкой 11-летнему Мите, оказывается человеком, глазами которого мы видим реальную историю его семьи. И в оторванном от исторической правды сюжете, когда она, отсутствуя даже в фоновом оформлении, используется в качестве «предложенных обстоятельств», зрителю приходится принять павильонную или, лучше сказать, театральную условность. Идеализация этого фальшивого мира входит в конфликт с его внутренним содержанием. Кафе «Мечта» у подножия одной из московских высоток — для детей с собаками: «Там всё, чего захочешь, и всё автоматическое!» Этот фильм о верности, которую лучше всех умеют выражать дети и собаки. Таня, выяснив правду, сбросила её от Мити, чтобы не причинять ему боль, защитить от жестокой реальности. В финале все жиль-

цы дома поют: «Вечер на рейде» — «Прощай, любимый город! Уходим завтра в море...» И эта песня объединяет людей грустью, напоминает о недавней войне, когда все они были на той корме... В номинации «Лучший художественный фильм» «Собачий рай» получил 2-е место.

«Говорят, не стоит бороться с самим собой — силы слишком неравны» — эта фраза становится вызовом главному герою, и он пускается во все тяжкие в картину в кадр попадает потолок съёмочного павильона, увешанный металлическими конструкциями, преданмерно создавая, по словам Александра Артёмовича, необходимый эффект. Это искусственный мир, населённый неискренними людьми, которые до предела заполнены тайнами, недоразумениями, эмоциями, наглухо запертой правдой. Режиссёр Анна Чернакова и оператор Владимир Климов выстраивают «линию дознания» с подглядками, подслушиванием, постепенным выяснением причин и следствий. Члены большой семьи пытаются восстановить связь времён между 1939-м и 1953 годом, когда они были в ссылке, но этот промехоток в их жизни невосполним.

Фильм Ларисы Садилевой «Она» занял в конкурсе призов 3-е место. Он примечателен, пожалуй, лишь злободневной острой темой — нелегальные мигранты находятся в центре повествования. Не новая, но всё же редкая для нашего кинематографа тема. Главная героиня — таджичка, без знания русского языка приезжает в Москву со своим возлюбленным, который уже не один год здесь еле сводит концы с концами без документов и перспектив. Уезжая, он бросает девушку на чужих — русских, показанных в фильме людьми, которых мигранты всячески используют в своих интересах, — ведь наше соперничество неизбежно. А таджичка, как шенок, не понимает, что с ней происходит, что с ней будет, зачем она здесь вообще находится... И как будто всё это её и не касается — кто-нибудь да позаботится. Никакого внут-

ренного движения, взросления, что ли, в ней не наблюдается — «инфузория туфелька». Но она выявляет суть окружающих её людей — их перемены очевидны и конкретны. Она, как тот ангел, которого если встретишь, то надо бы узнать...

Об этом и фильм-победитель конкурса «Совсем не простая история» Фёдора Попова по сценарию Анатолия Шатских, который начинается эпиграфом: «В деревне Бог живёт не по улам, как думают насмешники, а всюду...». Хип (Даниил Спиваковский) — «добрый человек, который решил принять участие в чужой судьбе». Парень (Алексей Иванов) со Средней Волги оказывается в Москве с одной целью — уехать жить в Германию. Он и язык немецкий учит, и верит, что родила его немка, но вынуждена была бросить, а сейчас ищет... Хип помогает Сашке абсолютно всем — бескорыстно, просто, легко, в результате убеждая его остаться на родине. Этакий городской ангел, встретишь которого, и жизнь твоя налаживается. Только сначала надо ему помочь, явить свою доброту, и вернётся она к тебе сторицей. Видно, на монтаже ушли некоторые куски, оттого порвана в отдельных сценах связь событий. Впрочем, даже криминальные элементы, делая сюжет динамичнее, не искажают позитивный посыл картины и его патриотическую направленность.

В номинации «Лучший документальный фильм» также три победителя: 1-е место — «Солист» Тофика Шахвердиева; 2-е место — «Разновесие» Марии Пономарёвой; 3-е место — «Вернулись мы на родину» Людмилы Коршик. Спецприз «За вклад в развитие документального кино» присуждён режиссёру фильма «Вечный странник» Татьяне Скабард. Спецпризом «Лучший дебют» отмечен фильм «Прививка толерантности» Екатерины Соповой. Вручён приз «За общественную значимость фильма» режиссёру Татьяне Соболевой: «Две стороны одной лошади» рассказывает о буднях столичного кавалерийского полка, несущего службу как на предвыборных маршах, так и во время акций оппозиции.

Тематика фильмов этого кинофорума освещает самый широкий спектр — от вопросов экологии, актуальных задач общества до взаимоотношений между людьми — и представляет отечественному зрителю окружающий мир во всём многообразии. В конкурсном отборе оказались малоизвестные широкой аудитории, но по большому счёту достойные её внимания картины. И судя по зрительскому отклику и решению жюри, абсолютно совпавших в предпочтениях (что бывает крайне редко), именно такое кино сейчас наиболее востребовано российской аудиторией.

Арина АБРОСИМОВА,
УГЛИЧ—МОСКВА

СЛОВО О МАТЕРИ

Завещание

Моя мама родила в голодный тридцатый третий год. В отличие от красавицы сестры я была слабая и такая маленькая, что в роддоме маме сказали: «Жить не будет, очень маленький вес». Когда отец пришёл забирать нас с мамой из роддома и взял на руки новорождённую, мама застеснялась и заплакала. И стали они вдвоём выхаживать своего неудачного ребёнка, укладывая его на тёплую греку и с болью в сердце прислушиваясь к его дыханию и плачу. Плач и стон прекратились после того, как меня крестили. Крестили в храме на Сенной площади.

Мама любила рассказывать и о крестинах, и о «чуде» после крестин. «И плакать перестала, и от груди не оторвёшь. Хорошо, что молока-то у меня много было. Я ведь и Ксенино Кольку вскормила. Он — у одной груди, ты — у другой. Всё равно отцеживать приходилось». Всей природой своей, всей крестьянской породой Нюра была создана для того, чтобы рожать, кормить, пестовать. «Я когда через полгода в детскую консультацию тебя принесла, то врач сказал: «Вам, мамаша, премию надо выдать за ребёнка, ведь такой был маленький вес». Ребёнка, за которого кто-то должен выдать премию моей маме, но так никто и не выдал, понесли фотографировать. Мама сама сшила рубашечку с кружевами и лентами вместо лямок, усадила своё чадо, дала в руки грину вместо игрушки и громко сказала: «Теперь фотографируйте!»

Как мучительно и как долго она умирала! Она протягивала мне навстречу свои худенькие руки с тонкими пальцами, держала мою руку и говорила, прощаясь, каждый раз со мной: «Ложись с молитвой и вставай с молитвой». Это было её завещание, то главное, что она вынесла и поняла за свою девяностодухлетнюю жизнь.

Мамочка с моей сестрой-красавицей

Свою маму, её манеру говорить, петь, её открытость, доверчивость и самоотречённость я сыграла в «Трёх тополях на Плющихе». Премьера фильма состоялась в Москве, и шёл фильм сначала в Москве, а потом в Ленинграде. Страдала от неволе, от чужих взглядов, от своей неуместности в кинотеатре «Москва», когда идёт фильм с моим участием, я стояла в фойе рядом с мамой. Вокруг теснились люди, тянули руку с разноцветными билетами, чтобы я поставила на этих билетах автограф, говорили добрые слова. Мама улыбалась всем и говорила: «Большое вам спасибо».

Мама не узнала себя в фильме, она вместе со всеми следила за сюжетом и не искала прототипов в образе своей тёзки.

Татьяна ДОРОНИНА,
народная артистка СССР,
художественный руководитель
МХАТ им. Горького

ПРЕМЬЕРА

Странная миссис Памела

Вряд ли премьер этого сезона — постановка Ольги Гарибовой по пьесе Джона Патрика «Муж для Памелы». Перевод пьесы сделан Р. Козаковой, специально для ЦАТРА.

Российские зрители уже знакомы и с драматургом, и с его героиней: он автор «Странной миссис Сэвидж» и «Дорогой Памелы» (второе название «Как бы нам пришить старушку»).

Много лет спектакль «Странная миссис Сэвидж» украшал сцену Театра Российской армии, в роли миссис Сэвидж была незабвенная Людмила Касаткина; успех и овации сопровождали каждый спектакль.

В другой пьесе главное действующее лицо — та же Памела Кронки, что и в нынешней премьере, очаровательная и трогательная пожилая женщина.

В новой комедии, сиквеле «Дорогой Памелы», сюжет перекликается с обеими вышеупомянутыми пьесами: против старика-миллионера интригует дочь с мужем, им хочется поскорее попасть в завещание, и чтобы завещание было подписано, и чтобы никто не стоял на дороге... Героиня же, чудаковатая одинокая старушка, снова попадает в череду нелепых и даже в чём-то опасных ситуаций, но выбирается из них, сохраняя и любовь к людям, и детскую веру в чудеса.

Жанр — комедия положений — обеспечивает лёгкость, даже отчасти легкомысленность, смех и веселье. Публика в зале с удовольствием откликалась на простые, понятные всем шутки и ситуации, возникающие в ходе действия.

Памела по-прежнему живёт в захламлённом доме, ведь в списке действующих лиц героиня названа

как «собирательница барахла», поэтому её квартира наполнена забавными вещами — например, там есть пальма с вайями из зелёных пластиковых бутылок, инсталляция из светящихся велосипедных колёс, одежда, висающая живописными лохмотьями...

По-прежнему она добра и сердечна, готова пожалеть каждого — и неустроенную подружку Розы, и странного старичка, бывшего капитана.

Вот только её обожаемый кот из предыдущей пьесы уже умер. С первых же минут проникаешься к Памеле Кронки (народная артистка России Алина Покровская) тёплым чувством, и иначе невозможно, настолько она очаровывает улыбчивой негромкой манерой.

Вот она мягкими движениями раскутывает кокон объёмного пальто; вот начинает свой монолог, неторопливо, с улыбкой открывая, показывая зрителю свою внутреннюю, душевную жизнь; вот танцует со светящимися колесом...

На нападки соседки Розы она от-

вечает с любовью и смирением, понимая, что вздорный характер у той сформировался не от хорошей жизни; она сочувствует подружке.

Сцена, в которой впервые встречаются Памела и её будущий супруг Капитан Муни, подкупает трогательными эмоциями, достоверно изображёнными великолепной Алиной Покровской. Она всем хочет помочь — и подружке, и Капитану, — ей немного неловко, что она увидит жениха у Розы, но при этом видит, что может оказать ему реальную помощь, предоставить кров, защиту и заботу.

Капитан Муни (Александр Катин) всё время вызывает смех в зале. Действительно, эта фигура в обтрёпанных обношенных комично благодаря одному своему виду, а уж когда он начинает говорить надтреснутым старческим голосом забавные и парадоксальные вещи, публика от души веселится. Этот персонаж тоже наделён добротой и трогателен в своей непосредственности. Он, конечно, поначалу пытается использовать наивную доверчивую Паме-

лу, но быстро проникается светом её природы и начинает испытывать к ней искренние глубокие чувства.

Капитан — достойный персонаж ситкома, весельчак, не чужд игрового эксперимента: он увлечённо морочит голову своим наследникам, изображая привидение, целуется с Розой и шлёпает её, с удовольствием перевоплощается в бравого молодого моряка, вызывая восхищённые вздохи у своих партнёров и зрительниц.

Ярок и органичен дуэт Вельмы и Отиса Леманов (народная артистка России Ольга Богданова и народный артист России Артём Каминский), соответственно дочери и зятя Капитана Муни; дуэт, в котором ведёт Вельма.

Эта хваткая особа, готовая горы свернуть на пути к достижению цели, способна на всё. Начинает она с показного, нарочитого дружелюбия по отношению к новой избраннице отца, затем задевает тяжёлой артиллерию в виде мистификаций и обмана, позже очень смешно подчиняется нелепым требованиям отца спеть дурацкую детскую песенку. Муж вторит ей, выполняя техническую часть затей супруги.

Неожиданная концовка сводит на нет усилия этой парочки.

В спектакле много музыки. Это и авторские мелодии Ларисы Казаковой, и классические композиции Дж. Гершвина, Дж.Д. Анци, Дж.Д. Вайса. Музыка словно окутала флёром обаяния ту среду, где обитают персонажи пьесы, «маленькие люди», выброшенные на обочину жизни; высветила всепобеждающую доброту Памелы, мудрое отношение к жизни, которое помогает миссис Кронки не терять душевную чистоту и даже некоторой наивности, трогаящих сердца зрителей.

Алёна БАШКИРОВА

РОССИЯ Ж

Концертный зал им. П.И. Чайковского

Международный телевизионный конкурс юных музыкантов

Щелкунчик

при участии Академического симфонического оркестра Московской филармонии

3 декабря 19.00 Торжественное открытие

10 декабря 19.00 Финал и закрытие конкурса

прямая трансляция на телеканале «Россия-Культура»

www.tvkultura.ru и www.nutcracker.tv

спринк и заказ билетов по тел: +7 (495) 232 04 00, 232 53 53, 699 22 62

www.mcloman.ru

ЗВАННЫЙ ГОСТЬ

«Москва даёт надежды»

На открытие выставки «Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды» в Историческом музее приехал министр культуры Республики Болгария г-н Петр Стоянович. Он ответил на вопросы «Литературной газеты».

— Господин Стоянович, впервые Болгария столь масштабно — 317 экспонатов! — показывает за рубежом исторические драгоценности. И, насколько я понимаю, это ваше первое международное событие на новом посту министра. Волнуетесь?

— Позвольте мне в первую очередь поблагодарить за возможность посредством вашей авторитетной и хорошо известной в Болгарии «Литературной газеты» поделиться своим удовлетворением от посещения Москвы, особенно от встречи с моим коллегой, министром культуры Российской Федерации Владимиром Мединским. Конкретные шаги в развитии культурных отношений мы наметили и в разговорах с генеральным директором Государственного академического Большого театра Владимиром Уриным, и с генеральным директором Всероссийского государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино Екатериной Гениевой. Для меня было чудесно открыть вместе с министром Мединским в московском Государственном историческом музее выставку «Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды», организованную Министерством культуры Республики Болгария, Министерством культуры Российской Федерации, Государственным историческим музеем при содействии посольства Болгарии в Москве.

— Вы впервые приехали в Москву?

— Прошлый раз я гостил в Москве лет десять назад, что вовсе не делает

моё восхищение сегодня меньшим. Масштаб культурной политики России может служить примером.

— Как сейчас живёт Болгария? И конечно, в первую очередь интересно состояние культуры — какие успехи и какие трудности?

— Как живёт сегодня Болгария? Различно, особенно если сравнить её с тем государством, которое в 1989 г. претерпело серьёзные демократические изменения. Что мы выиграли тогда? В первую очередь свободу. Свободу говорить, свободу продвижения, свободу предлагать разные решения о своём будущем. Проблема в том, что переход к свободе уничтожил бедняцкую эгалитарность людей при тоталитарном режиме. Оставил их бороться с жизнью в одиночку. Большая часть болгар не была подготовлена к такому повороту, поэтому и сегодня у нас есть люди, которые грустят по спокойствию нищеты. Но так бывает всегда при резких переменах, хотя я убеждён, что переход в 1989 г. был к лучшему. Не могу поверить, что современный человек примирился бы с идеей, чтобы все мы были одинаково бедными. Это не делает лучшим положение болгарских пенсионеров, например, которые всю жизнь работали, а сегодня еле живут на свои смешные пенсии...

В области культуры этот переход тоже почувствовали очень чётко. Почти десять лет, до второй половины 1990-х, искусство и духовная сфера вообще пребывали в шоковом состоянии, в поисках новых дорог, в адаптации к новой среде, в положении выживания и нового утверждения... Между поколениями известных старых имён и новых молодых творцов зияла пропасть. Интеллигенция потеряла свою роль духовного зеркала нации. Слава богу, эта тенденция не только остановилась, но и пошла уже в обратную, положительную сторону. Во всех видах искусства у нас произошла резкая перемена к лучшему, благодаря утверждению в условиях рынка интересных и талантливых людей нового поколения. У нас есть чудесные примеры! Совсем недавно наш фильм был удостоен сразу двух призов на кинофестивале в Венеции. Проблемой остаётся финансирование, которое, конечно, является недостаточным, но, к сожалению, только в таких реалиях — при продолжающемся финансовом кризисе — могут осуществляться наши возможности.

— У России с Болгарией на протяжении веков сложились добрые отношения. Претерпевают ли они изменения?

— Самым важным в моих встречах в Москве была возможность говорить открыто о проблемах, ко-

торые будем вместе решать, чтобы расширить наши культурные связи. Я поделился своим мнением с министром Мединским, что пора поставить отношения наших двух стран на объективную и прагматическую основу. Мы являемся представителями более нового поколения политиков и можем сделать собственное, современное прочтение, продолжив своё сотрудничество в области культуры. Моё посещение России даёт мне надежду, что мы можем развить

На осмотре экспозиции: директор ГИМ А. Левыкин, В. Мединский, П. Стоянович

ещё более успешно наше совместное будущее в области духовной сферы.

— Во времена солагера в болгарских школах дети учили русский язык как иностранный. И выроста, люди свободно говорили и читали по-русски. Сейчас эта традиция сохраняется?

— Сам я — живое подтверждение практики изучения русского языка, и мне чрезвычайно приятно разговаривать свободно с моими русскими коллегами. Культура и язык России имеют прочное и долготелее место в буднях болгар. Вероятно, и для вас будет новостью узнать часто забываемый факт: русский язык изучался в болгарских школах ещё с начала XX века, а не только в советское время!

Сегодня в Болгарии продолжается изучение русского языка, как и любого другого европейского. Просто нет того принуждения, которое существовало раньше. Сейчас русский язык изучают люди, у которых искреннее отношение к этому языку, или они признают его важность в экономике, энергетике, туризме. Должен признаться, что в последние годы замечается снова повышение интереса к его изучению.

Особенно в области черноморского туризма русский язык является первостепенным языком прежде всего из-за большого количества гостей из России и десятка тысяч владельцев недвижимости.

— Кстати, за прошлый год в Болгарии побывало 609 630 туристов из России. Насколько я знаю, из Болгарии к нам приезжает гораздо меньше количество туристов. Есть ли какая-либо программа стимулирования в Болгарии интереса к России?

— Да, этот дисбаланс существует. Вероятно, мы должны стимулировать разговор между соответствующими министерствами туризма! А что касается посещений русскими туристами Болгарии, наше правительство во главе с премьером Орешарским ставит перед собой амбициозную задачу — даже увеличить их число посредством различных программ, особенно в сфере культурного туризма. Работаем и по облегчению визового режима. Уже ввели многократные визы для владельцев недвижимости, а также для русских туристов, которые хотя бы раз приезжали отдыхать в нам. Посольство Болгарии, консульства в России и визовые сервисные центры делают всё возможное, чтобы выдавать визы максимально быстро — за несколько дней. Всё это приводит меня к убеждению, что Болгария останется для русских граждан одной из самых предпочитаемых туристических дестинаций.

— У вас были раньше проведены в 2008–2009 годах акции «Большое чтение», а в 2011-м — «Маленькое большое чтение». В этом рейтинге, в десятке победителей, есть книги

из разных стран мира, но, очевидно, болгарские читатели не интересуются русской литературой, поскольку нет ни одного названия. Как вы думаете, почему?

— Я не совсем согласен. Конечно, того потока русской литературы в переводе, который шёл в рамках солагера, давно нет. Но интерес продолжает жить у более элитарной публики. Свободный рынок, увы, диктует правила слишком популистским образом.

При моём посещении Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино в разговоре с генеральным директором Екатериной Гениевой мы обсудили вопрос о публикации книг болгарских авторов в России и продолжении проекта «Новый болгарский роман». В договорённости о совместном финансировании предусматривается перевод на русский язык болгарских романов современных авторов. После 30-летнего отсутствия на книжном рынке России изданы пять болгарских романов из этой серии — «Матери» Теодоры Димовой, «Естественный роман» Георгия Господинова и трилогия Анжела Вагенштайна «Изгнанники. Двадцатый век». Мы говорили также и о сотрудничестве в области перевода, о создании переводческой школы и организации совместных семинаров. Обсудили и возможность подготовки и реализации двуязычного издания произведений М.Ю. Лермонтова в следующем году, посвящённом 200-летию со дня его рождения.

— Недавно по Первому каналу российского телевидения с успехом прошёл показ сериала «Вангелина» о легендарной Ванге, совместно созданным кинематографистами России и Болгарии. Был ли будет показ по болгарскому ТВ?

— Знаю об этом русском телесериале режиссёра Сергея Борчукова, надеюсь, что болгарское телевидение проявит интерес к этому художественному сериалу. Мне трудно говорить от их имени.

— Есть ли ещё планы по созданию совместных проектов в кино?

— Да, было подписано соглашение о сотрудничестве в области кино. Мы должны общими усилиями обеспечить также и финансирование будущих проектов. Например, уже существующий проект художественного фильма, посвящённого легендарному генералу Освободительной войны Скобелеву, был заморожен по предположению российской стороны. Но я всё-таки надеюсь на его положительное развитие. Болгарский зритель хорошо знает современную российскую теле-

кинопродукцию, так как у нас много людей смотрит русские телеканалы. И когда фильмы сделаны хорошо — они, конечно, пользуются большим успехом и в Болгарии.

— Как обстоят дела с современной драматургией в вашей стране? Насколько внимательно реагирует болгарский театр на сегодняшнюю жизнь?

— В Болгарии есть несколько серьёзных конкурсов современной болгарской драматургии. В репертуары театров всё чаще включаются новые болгарские пьесы — это процесс, который стимулируется и Министерством культуры. Если вы спрашиваете об обязательном проценте болгарских пьес в наших театрах, то у нас нет ведения такой практики, хотя мы с моими коллегами не раз выносили этот вопрос на обсуждение...

К болгарской драматургии есть интерес и в России. Я могу привести пример: в мае этого года в софийском театре сатиры им. Алеко Константинова гастролеровали Липецкий государственный академический театр драмы имени Льва Толстого, в программе которого, помимо прочих, была также пьеса нашего писателя и драматурга Христо Бойчева «Полковник-птица», поставленная режиссёром Сергеем Бобровским.

С Россией связано и одно из лучших имён болгарского и европейского театра — режиссёра Александра Морфова. За его именем стоят одни из самых популярных среди зрительских спектакли, идущие в Народном театре имени Ивана Вазова в Софии. Но он также работал режиссёром и в Театре имени Веры Комиссаржевской в Санкт-Петербурге, и в театрах «Et Cetera» и «Ленком» в Москве. Не буду продолжать длинный список имён, потому что, я уверен, нечаянно пропущу творцов, которым мы обязаны своими настоящими связями в сфере духовного наследия. Но они являются хорошим примером также и для осуществления наших проектов в будущем.

— Как вы предполагаете в дальнейшем развивать культурные отношения между нашими странами, каких ещё интересных событий нам ждать?

— У нас исторические связи, которые мы должны осмыслить и оживить уже сегодня. Моё нынешнее посещение Москвы даёт надежду, что мы справимся с любыми сложностями таким образом, чтобы углубить наши отношения в духовной сфере. Особенно большие мои надежды лежат в области литературы, археологии и сценических искусств.

Беседовала
Арина АБРОСИМОВА

АКТУАЛЬНО

Терроризм: чему мы научились?

В то время как на Западе продолжают обсуждать ущемлённые права российских граждан и прочие «недемократические» тенденции во внутренней политике России, ректор Сент-Эндрюского университета Луиза Ричардсон приехала в МГИМО с лекцией «Терроризм: чему мы научились?», тем самым показав, что современный мир продолжает сталкиваться с проблемами куда более значимыми, чем, скажем, вопрос однополых браков, — проблемами, решить которые государства могут лишь объединив усилия и отбросив враждебную риторику. Луизе Ричардсон присвоено звание «Почётный доктор МГИМО» за «вклад в дело укрепления мира и международной безопасности и продвижение демократических ценностей».

В своём по-настоящему интересном докладе профессор Ричардсон озвучила новый взгляд на два ключевых вопроса терроризма: почему люди становятся террористами и какими методами с ними нужно бороться. Этот новый взгляд, основывающийся на исследовании политики тринадцати государств по борьбе с двадцатью террористическими группировками, серьёзно расходится с устоявшимися представлениями о терроризме как в России, так и на Западе, в особенности в США.

Во-первых, исследование показало, что бедность и профессиональная невостребованность обычно не являются причинами возникновения терроризма: иначе, как справедливо заметила Ричардсон, значительная часть населения планеты занималась бы сейчас террористической деятельностью. Профессор выделила четыре компонента, единовременное сочетание которых способствует появлению на свет террориста: недовольный системой человек; существование группы людей, настроенных аналогичным образом; общество, в большей или меньшей степени согласное с целями этой группы; наконец, специфическая идеология, дающая нашему недовольному человеку «право» на насилие, на террористические методы борьбы.

лишь в тех случаях, когда эти организации зафиксированы вокруг одного или нескольких конкретных лидеров; если же террористическая группировка основана на идеологии, особенно религиозного характера, просто уничтожая её членов, мы вырываем сорняк без корня — на место убитых террористов придут новые.

Наиболее конструктивным методом противодействия таким организациям Ричардсон считает непосредственную кооперацию с сообществами (странами), из которых группировки набирают террористов: гражданам этих стран необходимо дать почувствовать себя вовлечёнными в общемировые процессы, создать для них стимулы политического участия и отхода от террористической деятельности.

Подход, который озвучила Луиза Ричардсон, крайне актуален для современной России, в которой центр террористической активности лежит на Северном Кавказе. Этот центр находится там не потому, что в Чечне или Дагестане плохо живут, и не потому, что ислам — плохая агрессивная религия. Причина в том, что в нашей стране сосуществуют принципиально различные и во многом отрицающие друг друга миры: например, Москва — центр информационного капитализма, индивидуализма и моральных свобод, и Чечня — патриархальная республика с сильными традициями, тейповой (по сути, клановой) структурой и растущей религиозностью. Терроризм в данном случае — крайняя и отчаянная форма неприятия одного мира другим, попытка защитить свой мир через непосредственное уничтожение другого. Важно понимать, что предотвращать

Луиза Ричардсон

Вопрос гостье

Валерий Салыгин

конфликты такого рода возможно, но никак не через принуждение, а через механизмы взаимной адаптации населения (таким механизмом была, например, идентичность «советский человек»).

Ещё один аспект терроризма, на котором профессор Ричардсон сделала акцент, — это три мотива, которые могут стоять за конкретными террористическими актами: жажда мести, известности и реакции. Если мы говорим о группировках, целями почти всегда будут известность и получение реакции, ведь террористические организации малочисленны, им постоянно нужно напоминать о себе и подтверждать свою силу. С этой точки зрения риторика «войны с терроризмом», которую используют США, и раздача таких статусов, как «террорист №1», выглядят контрпродуктивными, ведь террористы получают то, что хотят: подтверждение собственной значимости. Сегодня главное в борьбе, как считает Ричардсон, — «не играть на руку террористам, не мстить им их же методами и не давать им той реакции и известности, к которой они стремятся».

Присвоение Луизе Ричардсон звания «Почётный доктор МГИМО» не только означает признание её достижений, но и становится очередным шагом на пути укрепления партнёрских отношений между МГИМО и Сент-Эндрюским университетом — одним из крупнейших университетов Великобритании, который вносит большой вклад в изучение проблем международной безопаснос-

ти. С 2012 года университет Сент-Эндрюс и Международный институт энергетической политики и дипломатии (МИЭП) МГИМО успешно реализуют совместную магистерскую программу «Устойчивое развитие и стратегическое управление в энергетике», включающую в себя годичное обучение в Великобритании и получение двух дипломов.

В интервью «ЛГ» директор МИЭП МГИМО Валерий Салыгин подчеркнул, что сотрудничество с Сент-Эндрюским университетом имеет большое значение для МГИМО: «Нам приятно, что в Великобритании МГИМО знают как один из ведущих университетов России, ценят наши партнёрские отношения. Профессор Ричардсон — первый ректор вуза Соединённого Королевства, кому присвоили звание «Почётного доктора». Она ведущий учёный в сфере международной безопасности и устойчивого развития, имеет большой опыт преподавания в университетах Европы и США — неудивительно, что с учётом её заслуг учёный совет МГИМО принял решение присвоить ей звание».

Валерий Салыгин отдельно отметил вклад ОАО «НК «Роснефть», активного сторонника политики устойчивого развития, в образовательный процесс МГИМО и МИЭП, особенно по направлению, связанным с энергетической политикой и энергетической безопасностью: «Для нас очень важно это сотрудничество. В 2006 году мы откры-

ли базовую кафедру компании «Роснефть» и уже успели воспитать большое количество специалистов в области энергетики: это отличные специалисты-международники, активно занимающиеся реализацией международных проектов, которые курирует сегодня «Роснефть». Совместно с «Роснефтью» мы также открыли магистерскую программу «Экономические стратегии международных нефтегазовых компаний», она даёт возможность одновременно и получить качественное образование, и найти интересную и перспективную работу, поэтому на неё очень высокий конкурс — принимают только лучших выпускников. Многие из них потом работают в «Роснефти», а некоторые — в Министерстве энергетики».

«Сотрудничество МГИМО и МИЭП с «Роснефтью», — сказал Салыгин, — напоминает двустороннее движение. С одной стороны, мы заинтересованы в том, чтобы студенты проходили практики и стажировки в «Роснефти», чтобы специалисты компании проводили для наших студентов мастер-классы и спецкурсы. С другой стороны, компания за время общения со студентами может выбирать для трудоустройства наиболее успешных и мотивированных людей, которые хотят целенаправленно работать в рамках крупных энергетических проектов. Как видите, у нас тесные связи, и мы благодарны руководству компании «Роснефть».

Егор КОЖЕДУБ

ТЕЛЕПРЕМЬЕРА

Наедине с медийными лицами

На Покров, 14 октября, в эфире Первого канала стартовала одна из премьер сезона — шоу «Наедине со всеми». Его ведущей стала Юлия Миньшова. В 90-х она запомнилась многим по ток-шоу «Я сама» на ТВ-6 и работала очень интересно. Однако после закрытия в 2001 году этого проекта Миньшова непонятно почему не была востребована телевидением — она успешно продолжила актёрскую карьеру, а недавно

веком. Был и есть. Он жив- здоров. Человек, который не может любить. Это единственный его самый такой для меня большой недостаток. Всё остальное можно было бы пережить... Он не говорил мне, что любит. Вот смотришь иногда на родителей, как папы с детьми общаются, и понимаешь, что папы любят. А меня вот не любили», — внезапно голос Чеховой изменился, глаза покраснели и по щекам побежали слёзы.

даже дебютировала как театральная режиссёр. И вот, спустя 12 лет, взрослая, умная, самостоятельная женщина вернулась в телеэфир. За это время он стал таким, что, как говаривал Пушкин, «с эдаким умом и талантом» в нём очень трудно. Это уже не такое содержательное ток-шоу, а, скорее, серия интервью, причём в самое несмотрительное время — 17.00, когда домохозяйки устали смотреть дневные передачи, а вечерние зрительницы ещё не доберлись домой. И вот Юлии Миньшовой приходится беседовать с медийными, даже оидозными персонажами, пытаюсь вызвать их на откровенность...

Миньшова тоже растрогала откровенность Анфисы, и она сама чуть не расплакалась. Но Анфису уже понесло: я, мол, потому и хотела быть знаменитой, чтобы все меня полюбили: «Папа меня полюбил, когда я стала популярной, он очень хочет общаться со мной, но то, что он доносит до меня, общаясь со мной и моей мамой, всё это сводится к одному: «Дай мне»... А это не любовь, на мой взгляд. Это потребительское отношение... Он всегда говорил, что я толстая, неспортивная, что буду, как моя мама, а она у меня — крупная женщина. Нет, нет. Он не считал меня красивой, достойной. Но это его принцип по жизни. Он никогда не считает женственным и красивым. Поэтому успокоилась и пережила это...»

Ну и мы переживём — за Миньшову только обидно. Неужели ей это самой интересно? Наконец — визит Ксении Собчак и Максима Виторгана. Все приписывали Собчак роман с оппозиционером Ильёй Яшиным, а она вдруг взяла, да и вышла замуж за Виторгана, причём без шумихи и постов в Твиттере: «Мы познакомились при очень интересных обстоятельствах — у памятника Абаю, когда там собралось определённое количество людей по определённому поводу. До этого Максим приходил ко мне на программу «Госдеп» в качестве героя. Кстати, со

своей девушкой», — призналась Собчак. Вот как осторожно теперь: «по определённому поводу»... Ну а потом началась подготовка к секретной свадьбе, что было труднее любой оппозиционной фронды: «Мы потратили много сил и даже денег, чтобы сохранить свадьбу в тайне. Это была целая военная операция. Подали заявления в загс. Но информация ушла и попала в одно желтококое издание. В последний момент мы загс поменяли. Чтобы запутать фотографов, наняли две одинаковые машины», — вспоминает Виторган. Просто захватывающе интересно! Тем более в стране, где кто-то и на одну машину наскрести денег не может...

Юлия пыталась подсыпать перца, показывала двусмысленные фотографии. Например, кадр из бани, где Ксюша запечатлена закутанной в одну полотенце рядом с каким-то певцом.

— Я была уверена, что это смешное постановочное фото. И тут звонок грозный... Потом я ходила по Египту и искала, когда появится интернет, чтобы стереть фото. Максим умнее меня. Он сказал: завтра все всерьёз будут это обсуждать. На следующий день прислал мне заголовки. Ну что... Он умнее, как и должно быть в семье. Дура-баба, — кокетничала Собчак.

Примеров подобной пустой трепотни нет больше желания приводить. Хочу лишь возразить по существу Виторгану-младшему. На вопрос, приходилось ли вступаться за честь Ксении, он вдруг пафосно стал говорить: «Отношение мужчины к женщине у нас — предмет особого разговора. В бане у мужчин принято говорить: кто кого и сколько раз. Пытаются возвыситься за счёт женщины... Так и те, кто пишет галоски про Собчак, пытаются самоутвердиться — вот как я вмазал Собчак, а сам сидит, соеиски ест и пиво пьёт, перед женой хвастается: вот как я вмазал...» А что — весьма удобная теория. Ты про пошлость дитя Собчак — «Дом-2», про миллион непонятных евро в сейфе, про материнскую и провокации в эфире, а тебе в ответ: «А самоутвердиться хочешь?» Смешно: мне известно множество людей, которые устно и письменно возмущались вызывающим поведением Собчак, хотя не нуждались в самоутверждении через критику этой особы. И ещё хочу заметить: не с теми мужиками Виторган-младший в баню ходит.

Остаётся пожелать одной из самых талантливых телеведущих Юлии Миньшовой таких гостей, с которыми ей самой было бы интересно.

Александр БОБРОВ

Памятник Гайдару?

Не успел отшуметь в интернете скандал с открытием в Москве на редкость несурзадного памятника Егору Гайдару, как на НТВ показали фильм Алексея Пивоварова «Егор Гайдар. Гибель империи». Название странное, как будто Гайдар её и погубил, хотя в фильме доказывается, что в крахе СССР виноваты советская власть и нефтяная игла. Поразило, что о причинах развала страны говорили только господа, особо

не переживавшие по поводу этой геополитической катастрофы, а напротив, вследствие её возвысившиеся, — бывшие «кавказские-реформаторы» Пётр Авен, Анатолий Чубайс и Андрей Нечаев. Последний назвал Гайдара гением, а первый сказал, что Егор разбирался в экономике лучше, чем вся академия наук! А где результаты работы гения? Тысячи закрытых заводов? Заросшие бурьяном поля? И не связаны ли нынешние перипетии РАН с тем, что многие академики не согласны с экономической политикой, проводимой «гайдаровцами»? Тем более она, как говорят, уже привела к стагнации.

Чубайс, вспоминая про события в Новочеркаске после подорожания хлеба в 1962 году, удивил эмоциональностью: «Танками пришлось давить толпу! Танками — толпу!» — как будто он лично давал приказ «давить толпу». Однако в Новочеркаске вроде никого не задавили, были погибшие от огнестрельного оружия. А «танки» и «давить», уж извините, намертво прилипло к «демократическому» расстрелу российского парламента. И мы помним, кто призывал «раздавить гадину».

И с неизбежностью распада СССР можно было бы поспорить. И с тем, что США не были в нём заинтересованы, как нас убеждали в фильме. Разве не было гонки вооружений, на которую приходилось тратить столько сил и денег, разве не было холодной войны, а у Чубайса потом не работали советниками сотрудники ЦРУ? Но вот с его мыслью, что в руководстве страны царил «катастрофическая безысходная некомпетентность», можно

согласиться, хотя руководитель РОСНАНО вряд ли имел в виду времена Горбачёва и Ельцина.

Пивоваров, покусывая на току лепёшку, вводил в заблуждение зрителей по поводу России, которая «кормила хлебом всю Европу». Да, кормила, экспортировала зерно, а сама стала голодала. Однако в РСФСР зерно выращивали больше, чем в царской России, и выращивается сейчас. Значительная часть его уходила на корм скоту (поэтому и закупали до- полнительно), а сейчас не закупаем, и по головке скота в несколько раз сократилось — мясо и многое другое заво- зим, и где продовольственная безопасность? А в искренности «плача» по рус- ской деревне в исполнении потомков тех, кто её разру- шал, а в 90-е безжалостно до- бивал, не верится никак.

По поводу нефтяной иглы и сравнения с Норвегией вообще было смешно слушать. Почему же Гайдар и Чубайс не использовали при прива- тизации отрасли норвежский опыт? А раздали сырьевые компании будущим олигархам, многих из которых потом пришлось «равноудалить»? Или залоговые аукционы нам приснились и не было «дела писателя»?

В конце фильма Пётр Авен, размышляя о причинах расту- щей в России ностальгии по советским временам, сказал, что это — «реакция на то, что мы видим сегодня: неравен- ство, отсутствие социальных лифтов, страшный произвол и абсолютное сращивание власти и денег». А кто заложил основы всего этого? А уж слу- шать про сращивание власти и денег от бывшего минист- ра в правительстве Гайдара, а ныне миллиардера — совсем странно.

Создатели фильма, а в нём ещё участвовал Олег Басилаш- вили, зачитывавший отрывки из книги Егора Гайдара «Ги- бель империи», попытались в очередной раз обвинить тех, кто строил «империю», и снять ответственность с тех, кто её разрушал. И в этом ви- дится угроза для нынешней России, которая тоже мно- гонациональная «империя», только немного уменьшивша- яся в размерах... Одно радует, что лукавого Алексея Пивова- рова после его перехода на ру- ководящую работу в СТС мы будем видеть реже.

Александр КОНДРАШОВ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Ужасное время

Посмотрел на ОТР (Общественном телевидении) интервью с Даниилом Козловским — и который день хожу под впечатлением. Яркий, успешный актёр — три главные роли в последних, не самых плохих фильмах — это говорит само за себя.

В беседе был момент, заставивший меня, скажем так, взволноваться. А именно, соображения артиста в связи с, казалось бы, обычным вопросом: «Как сам Козловский, молодой ещё человек, воспринимает то время — 60-е годы прошлого века?»

Данила чуть напрягся: нет, мол, конечно, это было время наших побед в космосе, в хоккее (про футбол он, скорее всего, не знает — мы были на четвёртом месте в мире!). «Но, — сказал Козловский, — несмотря на это, время было ужасное! Вот мы ставили пьесу Л. Петрушевской «Московский хор» — там показано, что в стране такое творилось!»

Вот это да! Если образованный, интеллигентный парень судит об истории нашей страны по Петрушевской, то недалеко то время, когда о Великой Отечественной мы будем судить по пресловутому «Сталинграду».

Печально, что и Даниле, и всей молодёжи скоро некому будет рассказать, какие они были, эти 60-е? Что тогда можно было взять пару бутылочек шампанского и в новогоднюю ночь завалиться в любую квартиру, где светилось окно, и сказать: «Мужики! Я один, не с кем встретиться — примите в компанию!»

И принимали, и кормили, и поили, и становились хорошими знакомыми, а то и друзьями.

Как я понял, Козловский нынешнее время счита- ет несравнимо демократичнее. Интересно, он верит, что сейчас возможно встретить Новый год как тогда, в случайной компании?

Может, предложить ТВ провести интерактив- ное шоу? Всего-то и расходов — две шампанского и оплата бюллетеня актёру. Можно даже со ставка- ми народа в прямом эфире: на какой минуте герой попадёт в Склифосовского?

В одном Козловский прав: время было ужасное. Ужасно-счастливые. Но skoro об этом никто знать не будет: во-он уже стоит компания Сванидзе и ква- чи в лёготу окунают. Скоро всё замаяжт. Их время.

Александр СКОРИКОВ,

БАТАЙСК, Ростовская область

А НАМ ПРИСЛАЛИ

«Чайка». Real Chekhov на «Культуре»

Фильм Сидни Люмета 1968 года по пьесе Чехова. Многим нашим режиссёрам поучиться бы, как надо ставить Чехова, — Марку Захарову, Туминасу, Михалкову-Кончаловскому, а то они всякую меру потеряли, безобразят, издеваются, а всё от глухоты — чеховские герои в их спектаклях слишком громко кричат. И ведут себя неприлично.

Люмет хоть и американец, актёры в этом филь- ме в основном английские, кроме Симоны Синьоре — Аркадиной, которая, кстати, великолепно, а ан- глийские актёры хорошо знают и понимают Чехова, лучше наших нынешних. Чехов у них в XX веке стал вторым национальным драматургом после Шек- спира. Я знаю малочаст, я должен был диссертацию по Чехову в английском театре защищать, написал только первую главу, но изучил эту тему подробно и досконально.

По «Чайке» есть хороший фильм Маргариты Те- реховой, но этот, Сидни Люмета, пожалуй, лучше, глубже, тоньше, серьёзнее и снят интереснее, про- фессиональнее. Все актёры превосходны, только, может быть, Ванесса Редгрейв — Нина Заречная — с самого начала чересчур пафосная, что ли... Или как это сказать? В общем, она в первых сценах практи- чески такая же, как в последних. Но и она хороша.

Ну а Треплев Дэвида Уорнера не мог не застре- литься, без вариантов. И потрясающий доктор Дорн — Денхолм Эллиот — лучший исполнитель этой роли из всех, кого я знаю...

В общем, это настоящий Чехов.

Николай ТРОИЦКИЙ

ТЕЛЕЖИЗНЬ

Всероссийская индустриальная...

Нет, не выставка, а премия. Нет, не за достижения в хозяйстве или в промышленности, а телевизионная... Отменённую ТЭФИ (ка- жется, навсегда) заменит новый премиальный бомонд. Настаёт долгожданная эпоха ухода в небитые так называемые академиков телевидения, вруча- вших самим себе до пяти статуэток победного счастья в одни руки. Теперь разве что усталый зритель может поворачать, что не понимает словосочетаний «индустрия кино» или «ин- дустрия ТВ». Бизнес и теле- видение уже давно побратались, рейтинг стал основой экранного прорыва, шко- ла жизни на телепанели превратилась в училище университетов, а искусство бытия — в пародию на граф- фити зачастую с заметным обценным смыслом... Но даже в счастливые праздни- ке различия премиальных те- перь трудно скрыть от под- наторевших зрителей кто, кого и чем награждает.

А что приходит взамен? Объединение 13 телекан-

налов (Первый, Россия 1, Россия 2, Россия 24, Кару- сель, Культура, НТВ, ТНТ, СТС, Домашний, Перец, РЕН ТВ, Пятый), включая Национальную ассоциацию телерадиовещателей, в некое некоммерческое партнёрство под названием «Комитет индустриальных телевизионных премий». Подружившиеся вдруг теле- холдинги вспомнили сле- гка забытое слово «комитет», придававшее ещё в СССР глубокомысленную важность его предстоящим решениям.

Будет ли комитет чем-то другим, отличным от скучившейся ТЭФИ? Гадать не будем, но поразмышлять на эту тему — важно. И о том, что будет ново- го, и о том, что досталось в наследство, да и вообще — почему широкий круг профессионалов-крити- ков из НЕ телевизионной общественности так пока и не обозначен в новом проекте в качестве реально оценивающих или принимающих решения о награждении... Есть же прекрасный опыт — непро-

стое кино в телепередачах у Гордона или Хотиненко обсуждают не те, кто владеет киноконцернами или студиями, и чаще всего не режиссёры или актёры, а представители самых разных профессий, интел- лектуалы, элита в своих сферах жизни и даже студенческая молодёжь... Об этом хотелось бы погово- рить подробнее в одном из следующих выпусков «ЛГ», как раз в связи с «индустриальными» планами уч- редителей новой премии. Ибо премия — это оцен- ка. Странно, когда оценки выставляются самими эк- заменирующимися. Итогом этой «игры в правду» ста- новится и другое заметное явление — сотрудники телеканалов в передачах всё больше показывают в качестве участников только самих себя... А это напо- минает чей-то наркоти- ческий сон, из которого спастись можно лишь с помощью известной кнопки «выкл».

Константин КОВАЛЁВ-СЛУЧЕВСКИЙ

НЕФОРМАТ

Счастливыцы...

В этой рубрике мы рассказываем о тех фильмах, которые должны быть показаны на ТВ, но телепродюсеры от них презрительно отмахиваются: «Неформат».

Уважение к прошлому — вот черта, отличающая образованность от дикости.

Александр Пушкин

Очень подходит пушкинский эпи- граф к этой удивительной истории о любви, которую почти полностью отснял Валентин Лебедев («ЛГ» писала об этом режиссёре и его фильме об освобождении Праги в мае 1945 года).

В декабре 2011 года страна отметила 70-летие битвы за Москву. Главным героем фильма «СЧАСТЛИВЦЫ» — Павел Петрович Андреев, участник тех боёв. Это и о нём написал стихи Семён Липкин, которые он читает в фильме:

*Я мог бы валяться в ложбине степной,
Завяевый прахом, засыпанный солью,
Мертвец, озарённый последнею болью,
Последней улыбкой, последней мечтой.
Но вот — я живу. Я снова с тобой,
Я один из немногих счастливицев.*

В августе 41-го ему было 20, он окончил общеобразовательное училище и лейтенантом прибыл на самую последнюю перед Москвой линию обороны — в районе Павловской слободы. В одном из боёв на подступах к Москве Павел Петрович был тяжело ранен и провёл в госпитале более полугода. Став инвалидом, он не оставил рядов Красной армии. В 43-м познакомился с юной медсестрой Настей. Анастасия Андреевна вспоминает:

— У нас была такая чистая, очень хоро- шая дружба. Потом уже он мне сказал, что

я была первой девочкой, которая ему очень нравилась... Мне тоже он очень нравился. В 43-м мне было уже 19. И я очень хотела выйти за него замуж. Правда, ему я об этом тогда не говорила. А просто мечтала. Как мечтали выйти замуж и мои подружки... Несмотря на войну и всё то, что приходи- лось нам видеть в госпитале...

— Война нас разлучила, — вступает Павел Петрович. — А встретились мы снова через много лет...

Была огромная жизнь врозь. Герой филь- ма — кандидат технических наук (40 автор- ских свидетельств на изобретения), после войны работал над ядерным проектом и всю жизнь отдал науке.

— В 98-м году меня умерла жена. Я оста- лся один. Мне было очень тяжело: тоска уг- нетала. Помогли справиться с отчаянием и унынием люди из Совета ветеранов нашей Таганки. Они вовлекли меня в обществен- ную работу... Эта работа вернула меня к активной жизни — могу с гордостью сказать, что был председателем Совета ветеранов нашей 329-й дивизии. Теперь я — един- ственный из состава совета. И вот развезжал по родным, по знакомым... И, конечно, о Насте вспомнил, и поехал узнать, как она устроила свою жизнь. Разыскал её дерев- ню, и мы встретились. Встретились, и она меня не узнала, и я её не узнал...

Прошло же, страшно сказать, 56 лет. Потом, конечно, они узнали друг друга, всё вспомнили, встретились ещё раз... И эта встреча длится уже 14 лет. И продлевает им жизнь. Сейчас им за 90. В фильме они рас-

сказывают о своей жизни. О любви и дружбе, о военной поре, о послевоенном труде и о том, как живут сейчас. Об эпохе и стране.

Эти простые русские люди — настоящие герои, не чета многим нынешним, которые постоянно мелькают на экране.

Значительная часть фильма уже снята. Остались «мелочи»: немного донести и мон- тажно-тонировочные работы. Остановка в работе — за заказчиком и телеканалом, заинтере- сованном в показе «Счастливыцы». Создатели «Счастливыцы» обращались на московский канал «Доверие», но «вопрос повис в воздухе».

Господа телеруководители, откликне- тесь. Герои, защитники Москвы, живут недалеко, в нашем городе, на улице Обу- ха. Этот фильм нужен не им, он нужен вам и нам.

Автор сценария и режиссёр фильма Ва- лентин Иванович Лебедев тоже достоин те- лерассказа о нём. Ему 78 лет, бывший воен- ный лётчик, после демобилизации в 1960-м работал на ТВ, был военным корреспондентом во Вьетнаме, Анголе, Ливане, Афганиста- не... Член Союза кинематографистов Ва- лентин Лебедев — автор более 10 авторских фильмов.

А. К.

НАШ ЧЕЛОВЕК В КИТАЕ

«Я немного скучаю по глубоким смыслам»

Русская литература в Китае уже не та, что раньше. Изменились обстоятельства — изменилось и прочтение. Однако в Китае по-прежнему есть люди, которые интересуются всем спектром русской литературы — от древности до современности — и стараются сделать её достойным читающей публики. Мы беседуем с профессором Института иностранной литературы Академии общественных наук Китая, ответственным секретарём Ассоциации китайских исследователей русской литературы Лю ВЭНЬФЭЕМ.

— Господин Лю, какие проблемы преподавания русского языка и литературы в Китае вас беспокоят?
— Я не преподаватель русского языка, у меня только аспиранты по русской литературе, и поэтому я мало знаю об этом. Но, конечно, кое-что меня беспокоит. Во-первых, русский язык теперь у нас стал «малым языком», как немецкий, французский и тому подобные, и единственным «большим» иностранным языком является английский. Будет жаль, если такая гегемония английского языка продолжится. Во-вторых, интерес к литературе у студентов факультетов русского языка словно бы падает. Это, конечно, плохо и глупо, потому что литература — это высшая форма языка, более того, русский язык — это литературный язык, это язык Пушкина, это язык, на котором написана одна из самых хороших литератур мира.
— В Китае нередко классическое произведение переводят снова и снова, иногда десятки раз. Хорошо ли это, нужно ли? Качественные ли это переводы?
— Правда, у некоторых русских произведений, например «Евгения Онегина», «Анны Карениной» и «Преступления и наказания», много вариантов перевода. Трудно сказать, хорошо это или нет, потому что они все разные. Если переводов одного и того же произведения много, но каждый из них качественный, это, конечно, неплохо; а если новый перевод по качеству ниже прежнего или является повторением, или даже только плагиатом, это просто ерунда! Нужно ли? Это решают книжный рынок и сами читатели. Мне тоже непонятно, почему оригинал всегда вечный, не допускает никакого изменения, а его перевод постоянно изменяется, и говорят, что каждому поколению читателей обязательно нужен новый перевод. Но так ли это? Я противник того,

чтобы «осовременивать» классику способом перевода. Но я задаю этот вопрос всем участникам Конгресса переводчиков в Москве в прошлом году, и никто мне не ответил.
— Это молчание очень странно, потому что этот вопрос актуален не только в Китае, но и в других странах. Классику своей страны мы воспринимаем в неизменном виде, так ли уж нужно осовременивать переводы классики... Мне приходилось слышать, что новые переводы появляются не потому, что они нужны читателям, а потому, что издателям проще, дешевле заказать новый перевод, чем выплывать роялти за старые хорошие переводы. Это может быть правдой?
— Это может быть только полуправдой, потому что в Китае (конечно, не только в Китае) всё равно плохо платят за перевод, старый или новый, хороший или плохой.
— В России с советских времён принято считать, что хороший перевод — это перевод, который читается так, словно книга была написана по-русски. А что для китайцев значит хороший перевод?
— Что такое хороший перевод и нехороший — ответ зависит от вкуса читателей, моды, стандарта оценки и даже развития переводоведения. В конечном счёте это спор между оломашиванием и острашением (форенизацией). Это как вопрос «быть или не быть» для любого переводчика. Я знаю немного и английский язык и читал некоторые русские произведения по-английски. У меня такое ощущение, что англоязычные переводчики русской литературы более ловко обращаются с оригиналом, чем их китайские коллеги. У нас до сих пор имеет очень большое влияние стандарт перевода, выдвинутый известным китайским переводчиком Янь Фу, который считал, что для идеального перевода необходимо соединение трёх элементов:

верности, доступности и изящества. Возможно, поэтому переводы иностранной литературы в Китае выглядят как произведения с большей форенизацией, то есть не похожими на китайские.
— Сколько денег китайские читатели в среднем тратят на книги? Побеждают ли в Китае электронные книги?
— Я не знаю точную сумму, но знаю, что теперь читателей в Китае вообще очень мало, читателей художественной литературы — в особенности. Мы шутим, что сейчас у нас только школьники покупают книги (по указу учителей и для экзаменов), что художественную литературу читают только те, кто её пишет. Это очень печально для Китая, страны древней цивилизации и страны, очень читающей в былые времена. Единственным утешением можно считать тот факт, что в сегодняшнем мире Китай не составляет исключения в этом вопросе. Думаю, что электронные книги победят, но только после того, как моё поколение читателей совсем покинет этот мир.
— Кого из русских классиков XIX и писателей XX века вы более всего любите переводить? Кто для вас особенно сложен? Какого писателя, по вашему мнению, китайские читатели знают гораздо меньше, чем он того заслуживает?
— Я всех русских писателей люблю переводить! Я перевёл и русских классиков XIX века — Пушкина, Чаадаева, Лермонтова, Достоевского, Льва Толстого, и писателей XX века — Горького, Андрея Белого, Пастернака, Цветаеву, Мандельштама, Надежду Мандельштам, Хармса, Солженицына, Эрдмана, Шаламова, Пришвина, Бродского, Распутина, Виктора Ерофеева, Пелевина... Когда-то мне казалось, что философское содержание, например у Чаадаева и Белого, или модернистский и постмодернистский метод — самое сложное для перевода, а теперь я считаю, что самая сложная задача для художественного перевода — это Пушкин, его «ясность и простота». Что до русских великих писателей, которых китайские читатели читают меньше, чем они того заслуживают, я бы тут упомянул Баратынского, Лескова, Зайцева и Шаламова.
— Недавно в Пекине отметили своё 99-летие старейшая китайская русис-

тка — Елизавета Павловна Кишкина. Встречались ли вы с ней? Кого из своих учителей вы можете особо вспомнить и отметить?
— Я Елизавету Павловну хорошо знаю. Особенно через её дочь, известную русистку, профессора Пекинского университета иностранного языка Ли Иннань. Из своих преподавателей я хотел бы особо отметить профессора Ли Гана (1926—1997), известного китайского переводчика русской литературы. В 1960 году он опубликовал свой перевод повести Айтматова «Джамиля» в журнале «Мировая литература», и эта публикация вызвала сильный резонанс среди китайских читателей и писателей. С тех пор его переводы выходили в свет один за другим, он издал более тридцати книг, общий объём его переводов — свыше семи миллионов китайских иероглифов. Он скончался, когда ему было только семьдесят один год, и его родные и коллеги считают, что он умер из-за слишком напряжённой работы, он всю свою жизнь посвятил переводу русской литературы.
— Знакомство с иностранными литературами как-то сказывается на литературе Китая? Как это происходит на примере взаимодействия с русской литературой? И что меняется сейчас, когда на передний план выходит литература англо-американская?
— Русская литература играла очень большую роль не только в области культуры, но даже в области политики и идеологии Китая. Если не считать СССР, по объёму издания русской художественной литературы и по степени влияния русской литературы на общество Китай занимал первое место во всём мире. В течение столетия мы почти уже перевели всю русскую литературу, в Китае было издано более пяти тысяч наименований произведений русских писателей, общий тираж их составляет миллиард — это одна третья часть всей нашей переводной литературы.
В 50-е годы прошлого столетия русская и советская литература в Китае выступала не как иностранная, а «своя» литература. Но теперь уже очень мало кто среди китайских писателей говорит по-русски, и китайские читатели тоже очень редко читают современную русскую литературу. Можно сказать, что рус-

ская литература в Китае сегодня является только одной из зарубежных литератур. Если в прошлом китайский народ читал «Что делать?» Чернышевского или «Как закалялась сталь» Николая Островского как свой «учебник жизни», то теперь они смотрят на русскую литературу только как на «совсем другие ландшафты». Это словосочетание я взял из романа Виктора Пелевина, который я перевёл с русского на китайский язык. Теперь в Китае многие считают, что русская литература постепенно уходит от китайских читателей и её влияние на китайское общество сильно падает, хотя её всё равно нормально переводят, читают и изучают у нас.
С другой стороны, раньше в китайском изучении русской литературы была тенденция к политизации и социологизации, а теперь такая тенденция значительно менее ошущима: по мере развития социальной демократии, с появлением нового поколения переводчиков и исследователей изучения русской литературы в Китае всё больше сосредоточивается на художественности, на эстетических аспектах литературы, больше внимания уделяется научности и независимости исследования. Словом, русская литература в Китае сегодня как будто ближе к чистому литературному восприятию, и это нам, новому поколению китайских переводчиков и исследователей, любителям «чистой» русской литературы, счастье, а не беда!
— А вы не скучаете по глубоким смыслам? По тому морализаторству, которое было неотъемлемым от русской литературы XIX века и от советской литературы? Современная литература не кажется вам облегчённой, развлекательной?
— Конечно, немного скучаю. Правда, что современная русская литература в некоторой степени теряет «мыслящую силу» традиционной русской литературы, но это — реакция на слишком идеологическую литературную традицию.
— Однажды японская переводчица сказала мне, что европейцы очень многого не понимают в восточных литературах (особенно в стихах), потому что европейцы не пишут иероглифами... Действует ли это в обратную сторону: может ли быть так, что иероглифы вносят в русскую лите-

ратуру, переведённую на китайский язык, какие-то новые смыслы? Во что превращаются Пушкин и Бродский, записанные иероглифами?
— Я думаю, что «непереводимость» в художественных произведениях заключается не в иероглифах. Я не думаю, что китайцы понимают стихи Пушкина и Бродского иначе, чем русские. Но это только в смысле содержания, а в области поэтической формы я думаю, что поэзию совсем нельзя переводить — не только с европейских языков на восточные иероглифы, но и даже с одного европейского языка на другой.
— Но разве в поэзии сама форма не является отчасти и содержанием? По крайней мере значительно больше, чем в прозе. Вы составляли антологию китайской поэзии, переведённую на русский. Много ли сохранилось в переводе — и что потерялось?
— Вы правы в том, что форма поэзии является также и содержанием. Это так называемая содержательность формы. Именно поэтому я считаю, что поэзию нельзя переводить. Но парадоксальным образом везде поэзию переводят, и всегда иностранную поэзию читают. Что касается моей антологии, я только составил её, и почти все переводчики — русские поэты. Трудно сказать, что сохранилось и что потерялось, но в переводе, несомненно, немало их добавлений.
— В 2000 году вы написали книгу «Светлая печаль: вторая встреча с Россией». О чём была тогда ваша печаль? С каким чувством вы сейчас приезжаете в Россию?
— У меня и тогда не было и сейчас нет никакой «печали» о России, и когда я составлял в сборник статьи, которые написал во время моей второй стажировки в России, я просто цитировал отзыв Франка о поэзии Пушкина. Я думаю, что это выражение является точным определением не только поэзии Пушкина, но и общественного положения России до и после распада Союза, и даже типа русской культуры и характера русского народа. Мне всегда приятно видеть Россию, всегда приятно воспринимать русскую литературу и культуру, в том числе её свет и печаль.

Беседовала Татьяна ШАБАЕВА

ОТ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА

Мой друг Лю Вэньфэй

Впервые я приехал в Китай в 1998 году, когда китайская русистика уже оправилась от последствий культурной революции, но ещё не восстановила полностью былых своих достижений. Интерес к русской литературе был огромен: переводилось практически все, что издавалось в СССР, а иногда даже и то, что там не издавалось, но было опубликовано за рубежом. Уже появились учебники по классической русской литературе и первые попытки осмысления тех явлений, которые вошли в литературный процесс после XX съезда КПСС и особенно в перестройку. Весь русистский научный мир Китая знал имена профессоров Жэнь Гуансюаня, Юй Ичжуня и Чжан Цзяньхуа. Жэнь строго придерживался взглядов советских учёных; Юй занимал непримиримую позицию по переоценке тех советских произведений, которые он считал художественно слабыми, относя к ним и известный каждому китайцу роман Николая Островского; Чжан своим академизмом примирял обоих друзей. Именно от этой тройцы я услышал впервые о молодом профессоре Академии общественных наук Китая (аналог нашего ИМЛИ РАН) Лю Вэньфэе.

Он только в 1994 году стал доктором наук, в 1999-м стажировался в Оксфорде и вместе с шанхайским профессором Чжэн Тию, первым в Китае начавшим заниматься нашим Серебряным веком, составлял гордость и надежду китайской русистики.

Молодой по китайским меркам (сорок лет) учёный уже имел три монографии. Первая — ещё в соавторстве с корифеем китайского литературоведения Гэ Баоцюанем «Опыт анализа произведений Пушкина». Две другие («История русской поэзии 20-го века» и загадочное «Письмо в бутылке» с подзаголовком «Бродский и традиция русской поэзии») полностью написаны им.

Пушкин и Бродский будут привлекать учёного на протяжении всей его дальнейшей деятельности. В

2002-м выходит книга «Читай Пушкина», в 2003-м — «Бродский». Обе в крупнейшей издательстве Китая. Когда выходил перевод моей монографии «Литература русского зарубежья», Лю Вэньфэй скромно поинтересовался, не буду ли я возражать, чтобы глава о Бродском для китайского читателя написал он. Эта глава украсила книгу. Правда, жаль, что в неё не вошли материалы, собранные учёным в 2010—2011 годах во время стажировки в Йельском университете (США), где Лю Вэньфэй получил доступ к архиву нобелевского лауреата.

Особый интерес вызывает у китайского исследователя и творчество одного из самых поэтичных русских прозаиков — Михаила Пришвина. Участие в научном проекте Академии общественных наук Китая «Творчество Пришвина» (2006—2009) породило к жизни книгу Лю Вэньфэя «Аспекты Пришвина» (2012).

Первая монография профессора Лю о поэзии к 2004 году переросла в книгу «Русская литература 20-го века». А позднее — в ещё более обширную «Историю русской литературы с иллюстрациями».

С годами китайский учёный всё больше начинает задумываться о связи русской литературы и культуры, о своеобразии русского менталитета. Одна за другой возникают книги «Мысли о России» (2006), «Сад русской литературы» (2007), сборник статей о русской литературе и культуре «Другой ландшафт» (2008).

Неутомимая мысль учёного ведёт его в глубь русской культуры. Так возникает книга «Янус, или Двуглавый орёл: славянофильство и западничество в русской литературе и культуре» (2007). Как свидетельствуют коллеги, она не только впервые знакомит китайских русистов со сложнейшим явлением истории русской культуры, но делает это изысканно доступным языком — свойство, удающееся не всем, кто пишет о сложных философских явлениях. Не

исключая, что уже тогда Лю Вэньфэй был знаком с очаровавшим его объективно-субъективным стилем книги Д. Святополк-Мирского «История русской литературы». Именно так: с предельной объективностью и вместе с тем с ошущим присутствием автора монографии написан «Янус, или Двуглавый орёл».

Сегодня на столе учёного множество книг русских философов (от П. Чаадаева до И. Ильина, Д. Лихачёва, А. Тулыги, Г. Гачева и В. Кожинова), а в компьютере, насколько мне известно, наполовину написанная монография «История русской мысли».

Всё перечисленное и ещё более сотни не перечисленных статей в журналах Китая, России и США мешают Лю Вэньфэю заниматься воистину огромной общественной работой.

Он — президент Ассоциации китайских исследователей русской литературы, объединяющей практически всех русистов-литературоведов Китая. Ассоциация раз в два года проводит международные конференции. В этом году такая конференция прошла с 23 по 27 июля на морском побережье города Вэйхай под девизом «Русская литература: преемственность и новации». В ней участвовало более ста докладчиков из пяти стран. А буквально через несколько недель Лю Вэньфэй можно было увидеть в числе организаторов 4-го Всемирного форума «Творческая индивидуальность поэта и социальность поэзии» на озере Цинхай («ЛГ» писала об этой встрече 28 августа в материале «Стихи под шум Хуанхэ»).

9 ноября этого года в Российском культурном центре в Пекине состоялась награждение победителей Первого конкурса китайских переводчиков русской литературы «Россия — новый век». Среди трёх членов жюри — Лю Вэньфэй. Каждый член жюри прочитал по 19 переводов, среди которых были и целые книги. Меня всегда поражает и восхищает, что Лю-лаоши (лаоши — почётное добавление к имени

учёного в Китае: учитель) не номинально входит в состав редколлегии журналов «Мировая литература», «Лес переводов», «Иностранная литература», «Современная мировая поэзия», «Русская литература и искусство», но и реально читает материалы, заказывает учёным статьи, писателям — стихи, прозу и переводы для этих изданий.

Кстати, о переводах. Лю вместе со своей женой, блестящим педагогом Чэнь Фан, в 2004 году перевёл целиком мою книгу «Литература русского зарубежья». Не знаю, как он ухитряется, но в год переводит и издаёт по несколько книг: в 1997 г. — «300 стихотворений Пушкина»; в 1998 г. — «Шум времени» Мандельштама, «Серебряный голубь» Белого, «Письма 1926 года» Рильке, Пастернака и Цветаевой; в 1999 г. — «Афоризмы» и «Философские письма» П. Чаадаева, «Историю русской культуры» М.Р. Зезиной, Л.В. Кошман, В.С. Шульгина; в 2001 г. — «Generation П» В. Пелевина; в 2002 г. — арцыбашевского «Санина»; в 2003 г. — «Господин Гексенг» А. Проханова; в 2004 г. совместно с Жэнь Гуансюанем — сборник Валентина Распутина... Уже в этом году в переводе Лю Вэньфэя вышли «Воспоминания» Надежды Мандельштам и двухтомная «История русской литературы» Д. Святополк-Мирского.

Размышляя о Лю Вэньфэе, я думаю, что немаловажным источником столь плодотворной и многогранной деятельности является его Муза — жена Чэнь Фан, совмещающая преподавательскую деятельность с нежной заботой о муже и восьмилетнем сыне. Однажды, когда учёный забыл очки, он попросил жену прочитать какой-то текст, сказав: «Она — мои глаза». Полагаю, что и сердце тоже.

Мне радостно, что я могу назвать Лю Вэньфэя своим другом.

Владимир АГЕНОСОВ,
доктор филологических наук,
профессор МПГУ

ЛИЧНЫЙ ВКЛАД

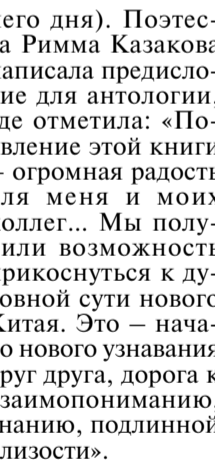

Полное собрание сочинений Пушкина в 10 томах. — Шницзякхан: Хабэйское издательство «Образование», 2000.

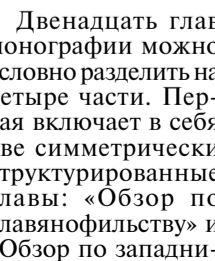
Составитель Лю Вэньфэй перевёл все стихотворения (тт. 1—3) и всю прозу Пушкина (т. 6).

Азиатская медь. Антология современной китайской поэзии/Сост. Лю Вэньфэй. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 256 с. — 1000 экз.

Янус, или Двуглавый орёл — слава и западничество в русской литературе и культуре. — Пекин: Издательство «Китайская общественная наука», 2007.

Письмо в бутылке: Бродский и традиция русской поэзии. — Ханчжоу: Чжэцзянское издательство «Литература и искусство», 1997.

него дня). Поэтесса Римма Казакова написала предисловие для антологии, где отметила: «Появление этой книги — огромная радость для меня и моих коллег... Мы получили возможность прикоснуться к духовной сути нового Китая. Это — начало нового звавания друг друга, дорога к взаимопониманию, знанию, подлинной близости».

Составитель Лю Вэньфэй перевёл все стихотворения (тт. 1—3) и всю прозу Пушкина (т. 6).

Двенадцать глав монографии можно условно разделить на четыре части. Первая включает в себя две симметрически структурированные главы: «Обзор по славянофильству» и «Обзор по западничеству». Вторая часть посвящена предвестию идейного разномыслия, в ней заключены глава третья — «Спор Ивана Грозного с Курбским» и четвёртая — «Житие

протопопа Аввакума». Третья часть — главы с пятой по седьмую — само поле идейной борьбы: возникновение разногласий двух начал, описанных в «Философских письмах», продолжение споров в «Былом и думах», спор Белинского и Гоголя через переписку. Четвёртая часть — отзвуки полемики, главы с восьмой по двенадцатую, которые посвящены размышлениям Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, Д.С. Лихачёва, А.И. Солженицына, В.Н. Войновича.

За эту книгу автор в 2010 году получил премию за выдающуюся научную работу от Академии общественных наук Китая.

Докторская диссертация Лю Вэньфэя, выпущенная в виде книги, с предисловием Томаса Вендлова, друга Иосифа Бродского.

НЕУДОБНАЯ ПРОБЛЕМА

Рука, качающая колыбель

Материнство... Огромный труд и великое счастье. Но почему мы так боимся взвалить на себя заботу о новом человеке?

И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...

(Быт. 1:28)

КОМУ ИГРУШКИ ДОСТАНУТСЯ?

Менялись эпохи и цивилизации, гибли народы, забывая с собой в небытие мораль, взгляды, ценности, собственную историю. Но из какой бы эпохи человек ни был, он всегда знал, без чего невозможно счастье. Знал, что всё его благополучие, вся сила, надежда, жизнь — это его семья. И всегда-всегда к пожеланиям счастья молодым прибавляли и «детшек побольше!»

Всегда... Но не сейчас. Когда девочки перестали говорить: «Вот вырасту, у меня будет много-много детей»? Современные маленькие леди прагматичны — они уже с четырёх лет умеют пользоваться компьютером и точно знают, сколько им надо детей, чтобы всем хватило комнат и игрушек.

Взрослые девочки и мальчики ещё эгоистичнее. Ладно бы дети просто мешали, а то ведь фигуру портят! И когда мы говорим о том, что женщина имеет право решать, рожать ей или нет, — это то же самое, что утверждать «человек имеет право быть эгоистом». Кто спорит? За эгоизм не судят, а в нашем обществе он даже поощряется. Тысячи книг и пособий рассказывают о том, как прийти к успеху и сделать карьеру, как манипулировать другими и всех обхитрить. Вот только ни проклинали бы нас наши дети. За то, что не с кем играть, не с кем драться и не на ком жениться.

Кстати, аргумент «игрушек больше достанется» — один из основных у сторонников абортов. «Зачем плодить нищету?» — по сути дела, то же самое. Как правило, нищета для них — это один компьютер на семью и невозможность иметь няню. Желая сейчас облегчить жизнь ребёнку, — одному больше достанется, если не нужно будет делиться с братьями-сёстрами, — мы готовим его к огромным пенсионным отчислениям в будущем. Вашему чаду, когда он вырастет, придётся кормить не одного пожилого соотечественника, а двух, а то и больше, потому что уже сейчас соотношение работающих людей к пенсионерам стремительно сокращается.

Всё, что называют «планированием семьи», направлено почему-то только в одну сторону — уменьшения количества так называемых незапланированных беременностей. А что такое «запланированный ребёнок» — разве не цинично это звучит: речь ведь не о машине, а о будущем человеке.

БЕЗМОЛВНЫЙ КРИК

Мы боимся говорить о том, что аборт — это страшное, допустимое только в силу особых обстоятельств, зло. Как акушеры-

гинекологи, так и учёные если и говорят о них, то только как о факторе, влияющем на репродуктивные способности. Морально-этическая сторона вопроса не обсуждается. И по статистике, более 80% российских женщин до сих пор считают аборт своим неотъемлемым правом. А ведь убитые собственными матерями дети могли быть нашим будущим.

Некоторое время назад весь интернет облетела заметка о женщине, преждевременно родившей ребёнка на сроке в 22 недели (5 месяцев). Вся больница тогда встала на ноги для спасения недоношенного младенца. Трудились самые опытные врачи, выделены были крупные средства. И ребёнок спасли. И в тот же день, в другой операционной той же самой больницы другая женщина сделала аборт, потому что не захотела иметь ещё одного ребёнка. Что же делает в одной комнате зародыша человеком, а в другой — куском мяса?!

Акушер-гинеколог Бернард Натансон, один из основателей NARAL (National Abortion Rights Action League) и руководитель крупнейшей клиники искусственного прерывания беременности, когда технологии позволили увидеть то, что происходит во время абортов, стал одним из ярых их противников. Вот что говорит он в своём фильме «Безмолвный крик»:

«Ультразвуковая запись показывает, как ребёнок разрываят, расчленяют, четвертуют, размалывают и уничтожают холодные стальные инструменты... Этот маленький 12-недельный человек является полностью сформировавшимся и абсолютно узнаваемым человеческим существом...

В 1983 г. в США было совершено 1,5 млн. абортов стоимостью в 300–400 долларов каждый... Существует абортная индустрия, приносящая ежегодную прибыль в 500–600 млн. долларов, которую можно внести в список Форшера наряду с 500 наиболее доходными отраслями промышленности. 90% денег от абортов попадает в карманы врачей, а остальное — владельцам клиник... Всё больше женщин погибают, остаются бесплодными. Это — результат аборта, о котором они не имеют правдивой информации».

— Очень часто причиной аборта становится простое незнание, — поддерживает коллегу врач из Иваново, член общественной организации «За жизнь» Нина Григорьевна Ефанова. — Незнание того, как выглядит малыш внутри матери на двухнедельном — «разрешённом» сроке. Незнание последствий аборта — как духовных, так и физических. Незнание того, куда податься, если ты забеременела и боишься остаться без работы. Специально для таких женщин патриархия организовала ряд центров, где будущая мать может жить в течение всей беременности и первый год после рождения ребёнка. В этих центрах молодых матерей обеспечивают всей нужной информацией, едой, одеждой, рабо-

ется в детстве, с так называемого сексуального просвещения, а если называть вещи своими именами, то — растления под видом просвещения. Девочкам рассказывают, что такое контрацепция, эрогенные зоны, какие существуют виды половых актов. «Дети же обязательно, — утверждают сторонники «секспросвета», — начнут раннюю половую жизнь!» Говорят как о чём-то бесспорном, существующем от века.

...Да, на все конференциях и круглых столах, посвящённых репродуктивному здоровью, основное внимание уделяется проблеме низкой информированности россиянок о методах контрацепции. Может быть, нам взять тогда пример с Израиля и начать продавать в школах презервативы и противозачаточные таблетки?!

Если всё дело в низкой информированности, то чем тогда объяснить те трудности, с которыми сталкиваются европейские, просвещённые ещё в детстве женщины, когда хотят зачать ребёнка? Хорошо защищённые от венерических заболеваний и незапланированных беременностей, они спокойно занимаются собой и карьерой. А потом оказывается слишком поздно! Женский организм после длительного приёма гормональных противозачаточных средств так просто не восстанавливается. Но об этом не принято говорить. Тем более что врачи сейчас делают чудеса. Можно и к «экстракорпоральному оплодотворению» прибегнуть, и «суррогатную мать» на помощь призвать. Или в Россию на крайний случай поехать — ребёночка усыновить.

Материнство — самое главное предназначение женщины. А мы боимся. Много у нас знакомых, у кого больше двух детей? Если и есть такая семья, то какое к ней отношение? Не просят ли иногда мысль: «И куда им столько?»

Недавно забирала подругу с ребёнком из роддома. Поразил возраст многих мам. Им бы уже о внуке думать, а у них только первенец! Хорошо, конечно, что сейчас и поздно рожают здоровых детей, но жалко, что женщина, которая могла бы иметь уже троих, к своим тридцати пяти — сорока годам только на первого решилась — или смогла — родить.

Пока стояла у «выписной» (отделения, из которого счастливую маму — несчастливую не увидела! — выпускают), наблюдала, как встречают рожениц те, кто к нам с юга и востока приехал. У них — это счастье! А у нас стоит растерянный папаша и не знает, радоваться ему или бояться.

А ведь нет большего счастья на земле, чем появление нового человека. «Женщина, когда рождает, терпит боль, но когда родит, уже не помнит скорби от радости, ибо родился человек в мир».

Мария-Алиса СВЕРДЛОВА

той. Если бы об этом женщины знали, абортов было бы гораздо меньше.

В европейских странах многие женщины решались на стерилизацию, чтобы избежать искусственного прерывания беременности и не возиться с контрацептивами. И это считается нормальным! Хотя мне кажется это настолько диким, противоречащим естественным биологическим инстинктам, что я сомневаюсь в душевном здоровье таких женщин.

Но что ещё страшнее, и мы переняли это. Вот что пишет соотечественница на одном из российских форумов: «Я вот тоже думала о стерилизации. Правда, мне только 23 года и я сейчас ношу второго, но ведь стерилизация это же надёжно и удобно? Хотя я бы всё равно не стала бы этого делать по крайней мере лет до 35. Как-то... уже не женщиной себя ощутила бы...»

БЕРЕГИ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ

Дети умляют нас не потому, что беспомощны. Беспомощным может стать и взрослый по болезни, по возрасту. В детях при-

тывает их чистота, которая и есть залог здоровья — душевного и физического.

Будь человек самым отъявленным циником или Казановой, всё равно одно слово «чистота» поймёт, как и мы с вами. Обзовёт ли «ханжеством», скажет ли, что «это несвоевременно», не важно. Понимать он поймёт точно так же, как мы.

— Рецепт сохранения репродуктивного здоровья во все времена был, есть и будет один — целомудрие, — говорит психолог Ирина Медведева. — Величайший учёный XX века Питирим Сорокин, уехавший из России с первой волной эмиграции, полагал в своей книге «Американская сексуальная революция» ещё лет за пятнадцать до её начала, насколько губительны последствия потери целомудрия как для отдельного человека, так и для семьи, общества, государства. Если говорить об отдельном человеке, о женщине, то она становится бесплодной именно потому, что вела развратный образ жизни, что у неё были связи до брака, аборты, венерические болезни. Угроза репродуктивному здоровью сейчас начина-

СЛОВО О МАТЕРИ

Всё будет хорошо

Моё детство пронизано настоящим на солнце аквамаринном небом Тбилиси и лёгким шумом, доносящимся с соседней улицы — проспекта Руставели. И сколько себя помню, рядом заботливые руки мамы. У неё не было медицинского образования, но она знала больше иного доктора, и если дома случалось ЧП, особенно с детьми, моментально бросалась на помощь и находила единственно верное решение. Она по-прежнему деятельна. И в местных изданиях до сих пор можно увидеть её советы на разные случаи жизни — «От Лиды Арутюновны».

Теперь-то я понимаю: наши родители были чудесными педагогами. Из ярких воспоминаний далёкого детства. Обильный красочный стол. Армянские яства соседствуют с грузинскими и обязательно разнообразная зелень — тархун, кресс-салат, базилик, мята. Мой дед, многозначительно взглянув на маму, поднимает бокал с вином:

— Давайте выпьем за те семьи, где уже сегодня подрастают будущие жёны наших мальчишек!

Нигде больше не слышал подобный мудрый тоист. Ведь в нём звучало уважительное отношение к будущему родству, к тем — пока незнакомым людям, — которые когда-нибудь станут членами нашей семьи.

В нашем доме культ старых фотографий. Они хранятся в толстых альбомах, внимательно смотрят на тебя со стен,

Мои родители. 1959 год.

когда ты возвращаешься с работы домой. Молодые мама и папа, дедушка Армаис, совсем ещё мальчик, бабушка, прапрадед Галуст... И те, что ещё рядом, и те, кого мы уже не застали, продолжают безмолвный разговор с нами, живыми, радуясь нашим достижениям, предупреждая о возможных ошибках.

Мне приходится много летать. И первым, кто должен знать о моей дальнейшей поездке, мама. На протяжении всего полёта, независимо от того — день это или ночь, у неё горит свеча. Мама говорит: «Пока я жива, ничего не бойся! Всё будет хорошо». Я верю ей. Спокоен, когда самолёт трясёт и кажется, что он вот-вот уйдёт в пике. Помогает вера в материнскую силу, в материнскую свечу.

Армаис КАМАЛОВ, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАМН

Разве её заменишь...

Бедная моя мама родилась, в сущности, только для того, чтобы родить меня.

Девятнадцатилетней студенткой географического факультета Ленинградского университета она угодила в блокаду, выжила в ней самую страшную первую зиму. В апреле выбралась, как многие, по льду Ладожского озера — в последний день, когда проскочить было делом жребия: автобусы и машины слева и справа уходили под воду. Отправилась в Малую Вишеру к приёмным родителям (её родных дед с бабушкой расстрелял в 1918 году Урицкий — за неправильное, как было заведено, происхождение). Атам, в доме, где прошло её детство, — на улице Урицкого! — в это время на постое пребывал мой отец, недавний студент-философ, а теперь замполит авиаполка.

Фотография сделана в день их свадьбы. Чуть было не сорванной немецкой зениткой. Дело в том, что накануне торжества отец регулярно летал в расположение застрявшей в болотах и попавшей в окружение Второй ударной армии — сбрасывать голодающим солдатикам мешки с сухарями. При пересечении линии фронта немцы их, конечно, обстреливали и однажды попали. По счастью, «этажерка» с отцом рухнула в стог сена. Ангел-хранитель, таким образом, подставил соломки, спас жизнь отцу — и тем самым мне.

А вот на маму сил у него, видно, не хватило. Она умерла двадцати трёх лет, в скором пятаю.

Запомнилась мне в одном-единственном эпизоде. Я сижу на полу, погруженный в (трофейные?) игрушки. Она, пришед с улицы, в дверях: «Юра, слышишь — свистит паровоз на станции!» Я мгновенно: «Папа приехал?» Ожидание отцов с фронта... А приехал он — из Кёнигсберга — только когда её не стало, чтобы отвезти меня в Болшево к бабушке. Отец, спасибо ему, сделал всё, чтобы её по возможности заменить. Одних потенциальных матчей предоставил с подложными мне на выбор.

Но разве её заменишь?

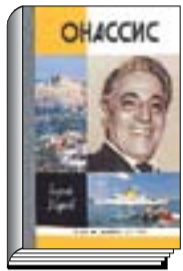
Юрий АРХИПОВ, лауреат премии Дельвида, литературовед, переводчик

КНИЖНЫЙ РЯД

Как стать миллиардером

По одной из многочисленных легенд на смертном одре любвеобильный мультимиллионер Аристотель Сократес Онассис признался, что «если бы не было женщин, все деньги мира ничего бы не значили». То ли он шутил, как бывало не раз, то ли его биографы. Деньги, как и женщины, значили для него очень много, и ради них он готов был на всё.

Первую тысячу долларов сын разорившегося торговца табаком Сократа Онассиса скопил за год, работая по фальшивому диплому в телефонной компании Буэнос-Айреса и получая всего 40 долларов в неделю. Как? Продавал политиканам, бизнесменам, а также ревнивым мужьям и жёнам

Сергей Марков. Онассис. Проклятие богини. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 360 (8) с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: Малая серия; сер. биогр.; вып. 48). — 4000 экз.

информацию, почерпнутую из подслушанных во время дежурств ночных разговоров, и подрабатывал жигало и сутенёром.

К двадцати одному году на банковском счету Аристотеля, занявшегося помимо торговли чужими секретами ещё и поставками табака, лежало уже 100 тысяч долларов (в нынешнем измерении несколько миллионов). Его можно назвать основателем современного маркетинга и пиар-менеджмента. Организовал подпольное производство популярных в Аргентине сигарет и начал продавать их по демпинговому ценам. Когда владельцы легитимной фабрики подали на него в суд, оставил этот «теневой» бизнес и занялся другим. Наняв готовых трудиться за копейки греческих иммигрантов, не имевших вида на жительство и, следовательно, разрешения на работу, наладил выпуск собственных сигарет. В марку Osman-special добавлял опиум, подсаживая на них курильщиков навечно, а в продукцию конкурентов его лихая команда на складах и даже прямо в торговых лавках вприскивала при помощи шприцев раствор, придающий сигаретам отвратительный вкус и запах.

Подлог, фальсификация, шантаж, рэкет, кража, взятки, подделка документов... В борьбе с конкурентами в ход шло всё. В 23 года Онассис стал обладателем первого миллиона. Наверное, его можно назвать бальваном судьбы. Ему не только сходили всё с рук, ему ещё и везло. В годы Великой депрессии повезло скажочно. Купил шесть канадских сухогрузов по цене, как он сам шутил, «роллс-ройсов», в 100 (!) раз меньшей их стоимости. На поставках нефти милитаристской Японии, воюющей с Китаем, Онассис заработал более десяти миллионов долларов, а к концу Второй мировой войны его корабли, исправно снабжая противников — и итальянцев с немцами, и американцев с британцами, — принесли ему ещё несколько десятков миллионов.

Книгу журналиста Сергея Маркова, выпущенную в серии «Биографии», назвать биографией в классическом смысле нельзя. Сместь авантюрного романа с довольно поверхностным экскурсом в историю и инструкцией «Как стать миллиардером» и завоевать любовь самых известных и прекрасных женщин планеты. Но написана очень живо и читается на одном дыхании. Так что, не буду пересказывать, её нужно прочесть самому, и не только тем, кто хочет стать миллиардером, но и тем, кто всё ещё полагает, что только российские капиталы замешаны на взятках, подкупах, цинизме и беспринципности. Ничто не ново под луной.

Увы, автор книги не дождал до сегодняшнего дня, и последняя глава осталась недописанной. Вернее, неточной. Заканчивается книга информацией о том, что наследница судебного магната Афина продала остров Скорпиос, где покоится прах Аристотеля Онассиса, Джорджио Армани. Однако эта сделка, о чём Сергей Марков уже не узнал, не состоялась. Собственность перешла к российскому миллиардеру Дмитрию Рыболовлеву. Но и это ещё не конец истории. В своём завещании Аристотель Онассис указал, что если наследники окажутся не в состоянии поддерживать Скорпиос и Спарти, острова должны быть переданы Греции. Так что, какая акула бизнеса выиграет эту битву, ещё вопрос.

Рыболовлев и Афина Онассис Руссель, дабы обойти запрет Аристотеля, оформили сделку не как куплю-продажу, а как аренду на 99 лет. Но ведь и Аристотель не лыком шит. Подводные камни могут выплести и пост-фактум. В брачном контракте Онассиса с вдовой президента США Жаклин Кеннеди среди 173 параграфов был и такой: если к моменту смерти Онассиса брак ещё не будет расторгнут, Жаклин получит 100 миллионов долларов и ежегодную пенсию. Вскоре после бракосочетания миллиардер улетел в Грецию, и после тайных переговоров там был принят новый закон, по которому жена — если она негреческая гражданка — может рассчитывать только на определённую ей в завещании пенсию. Благодаря этому трюку Онассис, правда, уже не для себя, а для своих наследников, сохранил 100 миллионов «ничего не значивших без женщин» долларов.

Деньги его любил при жизни, благоволят и после. Через 38 лет после смерти купленный им за 12,5 тыс. долларов остров был арендован за... 150 миллионов евро.

Нет, удача, как и женщины, к этому низкорослому и неказистому греку явно была неравнодушна.

Людмила МАЗУРОВА

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Ездить или стоять?

Платные парковки увеличили пропускную способность улиц в центре города

Вышла из подъезда и взглянула на часы. До начала концерта оставалось сорок минут — вполне достаточно, чтобы добраться до консерватории пешком. Не беда, что от метро «Смоленская» до Большой Никитской пока не проложен пешеходный маршрут, зато рядом — целая улица, свободная от автомобилей.

Меховые ушанки в витрине магазина сувениров напомнили о скорой зиме, и я в который раз порадовалась аномально тёплому ноябрю. Начнутся морозы — не очень-то погуляешь, хотя... Думаю, всем москвичам понравится новинка этого сезона — «тёплые домики», которые к новогодним праздникам обещают обустроить в начале и конце каждой пешеходной зоны. В пунктах обогрева в Столешниковом переулке, на Кузнецком Мосту, Рождественке и Никольской улицах предложат не только горячие напитки, но и карту прогулочного маршрута, и календарь ближайших столичных событий.

Обогнув ресторан «Прага», увидела на Новом Арбате указатель с надписью: «Вы въезжаете в зону платной парковки». А в скором времени подобные таблички переедут с Бульварного кольца на Садовое, до которого расширится городская зона паркоматов.

5 декабря 2013 года откроются платные стоянки в Замоскворечье и на Якиманке, ещё через двадцать дней — в остальных районах Центрального округа. Изменится и стоимость парковки: внутри Бульварного кольца она повысится до 80 рублей за час, в остальных зонах составит 60 рублей. Месячный абонемент на право парковки внутри Бульварного кольца обойдётся автовладельцу в 16 тысяч рублей, годовой — в 160 тысяч. В остальных районах абонементы будут стоить соответственно 12 тысяч и 120 тысяч рублей. Мотоциклы, мотороллеры и электромобили смогут по-прежнему парковаться бесплатно, так как, по замечанию Сергея Собянина, не создают проблем: «первые — с заторами на дорогах, вторые — для окружающей среды».

Отвечая на злободневный вопрос: почему парковка стала платной? — власти Москвы напоминают о приоритетах транспортной политики. В

городах, удобных для жизни, в первую очередь заботятся о пешеходе; затем идёт общественный транспорт, наиболее эффективно использующий уличное пространство; на третьем месте — движущийся автомобиль и лишь после этого — припаркованный автомобиль, который простаивает, не совершая никакой работы. Вот и получается, что платная парковка является самым эффективным инструментом регулирования пропускной способности городских улиц.

Наглядное тому подтверждение — Нижний и Малый Кисловские переулки, по которым продолжался мой маршрут. Там, где раньше стояли машины в два-три ряда, нередко заезжая на тротуары, теперь упорядоченная парковка: автомобили выстроились согласно разметке и — о, чудо! — вдоль дороги есть свободные места. По обеим сторонам проезжей части — множество бело-зелёных информационных щитов с правилами пользования, стоимостью, способами оплаты и номером парковки. Сине-серые платёжные терминалы, кстати, тоже оснащены подробной инструкцией по применению.

Новая система оплаты парковки полностью автоматизирована, что исключает риск возвращения лжепарковщиков, неправомерно собирающих деньги. Приятно и то, что каждый водитель может выбрать для себя удобный способ оплаты. Предварительная оплата стоянки через паркомат производится посредством банковских или парковочных карт номиналом 500 или 1000 рублей, которые продаются в киосках Мосгортранса и салонах «Связной»; при этом время парковки устанавливается с точностью до 15 минут. Срок действия непополняемых парковочных карт — 12 месяцев с момента активации в паркомате. Место расположения ближайшего платёжного терминала можно уточнить на карте портала parking.mos.ru или в мобильном приложении «Парковки Москвы».

Чтобы оплатить машино-место с помощью СМС, надо отправить сообщение, указав номер парковки и номер своего авто. В этом случае средства на оплату парковки списываются с мобильного счёта пользователя и резервируются на парковоч-

ном счёте, который автоматически формируется после первой оплаты по СМС. А владельцы смартфонов могут платить за парковку нажатием одной кнопки — через мобильное приложение, работающее в системах iOS, Android и Windows. Скачав бесплатное приложение, необходимо получить PIN-код для входа в личный кабинет на сайте московского паркинга и пополнить личный парковочный

счёт для оплаты начала, продления или завершения парковки. Перевести деньги на этот счёт можно разными способами: со счёта мобильного телефона; в личном кабинете на портале parking.mos.ru; через мобильное приложение; в кассах салонов связи; посредством терминалов Элекснет, а также скретч-картами номиналом 300, 500, 1000, 5000 рублей. Важно знать, что при оплате парковки через

СМС и мобильное приложение тарификация происходит по минутно: тот, кто уезжает со стоянки досрочно, сохраняет деньги за неиспользованное время стоянки на своём парковочном счёте.

...Остаток моей прогулки до консерватории довершил картину позитивного преобразования дорожно-уличного пространства внутри Бульварного кольца. По Большой Никитской мимо меня проехал МКФ — мобильный комплекс фотовидеофиксации, контролирующий в режиме онлайн оплату каждого парковочного места (к слову: 15-минутное промедление влечёт за собой штраф в размере 2500 рублей). Удивило и множество полицейских — тех самых парковочных инспекторов, которые с 1 июня текущего года фиксируют нарушения, не «замеченные» автоматизированной системой МКФ.

Оказывается, мне как пешеходу, живущему в центре города, не так уж много нано: свободно передвигаться по тротуарам, а не лавировать между грязными машинами, боясь испачкать сумку и одежду. Наелось, ушли в прошлое и «экстремальные» прогулки с детьми: порой приходилось вызывать детскую коляску на проезжую часть, чтобы объехать припаркованные на тротуаре автомобили.

Как водитель, не могу не отметить, что в зонах платной парковки движение стало более свободным. Но самое главное — наличие парковочных мест сделало поездки в центр гораздо менее затратными по времени и здоровью. Что касается

кажущегося минуса, связанного с ценой парковки, — неужели его не компенсируют очевидные плюсы? Многие мои знакомые из спальных районов в будние дни ездят в центр на метро, а в выходные, по «зелёным» улицам, — на авто. И они не одиноки: по данным статистики, за прошедший год москвичи стали на 83% реже оставлять машины в платной зоне, а средняя скорость движения транспорта в пределах Бульварного кольца повысилась на 6–8%. При этом количество нарушений Правил дорожного движения здесь сократилось на 65%.

За пять месяцев текущего года 4300 машино-мест платной парковки добавили в городскую казну 125 миллионов рублей. Потраченные максимально эффективно, эти деньги смогут стать ещё одним аргументом в пользу проекта «Московское парковочное пространство». Их обещают вложить в благоустройство центра города: ремонт тротуаров и фасадов зданий, посадку деревьев и уличное освещение. Безусловно, по этому вопросу властям следует посоветоваться с местными жителями. Каждый из нас хочет свободно гулять по городским улицам, пользоваться общественным транспортом, ездить по дорогам без заторов и иметь возможность в любое время припарковать свой автомобиль в удобном месте. Поразительно, но факт: все эти возможности нам дарит платная парковка.

Ирина ЛАЗАРЕВА

За 5 месяцев реализации проекта в зоне Бульварного кольца количество личного транспорта, въезжающего в пределы платной зоны, снизилось на 25% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а средняя скорость перемещения по улично-дорожной сети Бульварного кольца увеличилась на 9%. Согласно данным ВЦИОМ за сентябрь 2013 года, около 45% опрошенных склонны поддерживать платную парковку в центре города. Это является наглядным свидетельством того, что проект работает и люди это видят.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Любой город, выходя на высокий уровень автомобилизации (около 300–400 машин на 1000 жителей), вынужден отказываться от режима free parking — бесплатного использования общественного пространства для парковки личных автомобилей. В крупных городах Америки это случилось ещё в 30-е годы прошлого века, в Западной Европе — в 60-е.

В Лондоне въезд в центр города стоит 12 фунтов (примерно 600 рублей) в день. Жители центра могут купить годовое право парковки рядом с домом за 100 фунтов (5000 рублей), однако машино-место получают лишь 20% от общего числа подавших заявку за месяц, остальные занимают очередь в так называемом листе ожидания. За парковку в других районах лондонцы платят четыре фунта в час (200 рублей), с возможностью занимать место не более четырёх часов подряд.

В Пекине и Шанхае действует непреложное правило: перед покупкой личного автомобиля будущий владелец обязан приобрести или арендовать место для его хранения. Платная парковка в Пекине составляет 2,5 юаня за 15 минут (около 50 рублей в час). Для справки: средняя заработная плата жителя Китая составляет 20 тысяч рублей, т.е. на 40% меньше, чем средняя зарплата в России.

ПУЛЬС БОЛЬШОГО ГОРОДА

Парк «Зарядье» станет символом столицы

Объявлены победители Международного конкурса на разработку архитектурно-ландшафтной концепции парка «Зарядье». Члены жюри из шести команд выбрали проект бюро Diller Scofidio+Renfro. Другие участники конкурса тоже будут привлечены к реализации проекта в качестве экспертов.

Глава Департамента культуры Сергей Капков высказал предположение, что парк «Зарядье» составит конкуренцию Красной площади: «Зарядье» станет новым символом Москвы, пирамидой той политики, которую ведёт столичное правительство в отношении развития парков и общественных пространств. Этот парк может стать как начальной, так и конечной точкой пешеходного маршрута в историческом центре». Все проекты были хорошо проработаны, но победивший оказался максимально интегрированным в исторический ландшафт центра города. Он основан на принципах ландшафтного урбанизма, создающего систему взаимодействия города с природой.

Команда проектировщиков предложила представить в Зарядье растения со всей России. На территории парка планируется воссоздать четыре типа российского пейзажа: лес, степь, тундру и болота. Эти зоны будут террасами спускаться с верхнего уровня парка к его нижней части, пересекаться между собой, наслаиваться друг на друга и заключать в себе основные объекты парка. Историческую часть застройки предлагается соединить с парком пешеходными дорожками.

Новый маршрут для любителей прогулок

В столице открылась ещё одна пешеходная зона протяжённостью около двух километров — от метро «Новокосинская» до Болотной площади, в районе Замоскворечья. Сергей Собянин назвал её «одним из крупнейших проектов Москвы в области создания пешеходного пространства».

В ходе благоустройства зону, свободную от автомобилей, выложили гранитной плиткой, установили более 700 малых архитектурных форм, провели новое освещение, отремонтировали фасады зданий, а также ликвидировали незаконную торговлю.

По словам градоначальника, работа над созданием пешеходных зон в столице на этом не заканчивается. На очереди — Пятницкая улица, которую в следующем году решено частично превратить в пешеходную. Кроме того, власти города планируют соединить пешеходными улицами Замоскворечье с будущим парком в Зарядье через Большой Москворецкий мост. «Мы собираемся сделать пешеходную улицу Варварку, так чтобы в центре появилась целая сеть пешеходных улиц, связанных друг с другом. Надеюсь, москвичам это понравится», — сказал мэр.

День матери в Дарвиновском музее

24 ноября 2013 года в концертном зале музея на улице Вавилова состоится традиционный фестиваль «Горлица». Его название и формат неслучайны: кроткое воркование изысканной птицы символизирует материнскую нежность. Каждый год в День матери на фестиваль приходят семьи, чтобы послушать самые красивые песни в исполнении современных вокальных групп.

Группа «Мейделех», коллектив «Видели! Знаем», грузинский проект Asea Sool, ансамбль My Sister's Band — все исполнители дарят гостям радость.

Кроме концерта, на фестивале пройдут различные мастер-классы. Как всегда, в этот день в Дарвиновском музее откроется фотовыставка, которая в этом году получит название «Мама в инстаграме». А в холле музея развёрнётся тематическая ярмарка хэндмейда «Дар-Базар», где посетители смогут выбрать кукол и украшения ручной работы.

Отдыхая, учиться новому

Начиная с ближайших каникул все смены в детских оздоровительных лагерях для жителей столицы станут тематическими. У баз отдыха появятся индивидуальные досугово-образовательные программы, а вожатые для их эффективной реализации пройдут специальную подготовку.

Эксперимент проведут в действующих лагерях зимой, а летом планируют создать новые лагеря — на Украине, в Болгарии и Греции. Базы отдыха, с которыми станут сотрудничать городские власти, отберут по конкурсу в начале 2014 года.

По информации заместителя главы столичного Департамента культуры Владимира Филиппова, до сих пор базы, где располагались детские оздоровительные лагеря, самостоятельно организовывали программы досуга. «Но мы столкнулись с тем, что среди семи тысяч сотрудников лагерей, где отдыхают московские дети, почти нет вожатых из столицы, — как правило, они из других регионов, из стран ближнего зарубежья, — пояснил чиновник. — Разумеется, законодательство это позволяет, но очевидно, что они выстраивают программу, не включая в неё, например, основ московского воспитания, прививающего любовь к родному городу, как нам бы того хотелось».

В Департаменте культуры считают, что в лагерях школьники должны не только отдыхать, но и учиться новому. «Мы рассматриваем 21 день детского отдыха как возможность неформального образования», — сказал Владимир Филиппов. — Важно, чтобы ребёнок в лагере получал новые знания — именно для этого нужны тематические смены. Выбор может быть обширным: от научно-технического творчества до спорта и театрального искусства».

Очевидно, что для организации и проведения подобных смен нужны подготовленные вожатые. Поэтому на базе Центра детского и семейного отдыха в октябре 2013 года была создана «Школа вожатых». С её помощью планируют решить две проблемы: подготовить достойные кадры для работы с детьми и обеспечить студентам рабочие места на период летних каникул.

А пока на сайте Департамента культуры можно изучить список лагерей, готовых принять юных москвичей в зимние каникулы, и оставить заявку на путёвку.

Встреча с XVII веком

В музее-заповеднике «Коломенское» возвели копию голландского Домика царя Петра I.

Его планировка в точности повторяет историческую планировку Домика в Заандаме, куда Пётр I прибыл в августе 1697 года и где прожил 8 дней, обучаясь кораблестроению на местной верфи. В двух небольших комнатах площадью 42 кв. м посетители увидят восстановленные фрагменты интерьера — камин, облицованный дельфтской керамической плиткой, и спальное место царя. В деревянных голландских домах спальные места обычно устраивались в специальных нишах, которые прикрывались дверцами или занавесями. В такой нише в виде шкафа с дверками человек не мог выгнуться во весь рост и спал полусядая, что в то время считалось полезным для здоровья.

На рабочем столе — чертежи и книги по кораблестроению, карты, макет голландского судна. В экспозиции — портреты Петра I и его жены Екатерины I, произведения графика, точная копия иконы Спаса Нерукотворного, сопровождавшей царя в военных походах.

Мультимедийная часть экспозиции знакомит с историей Великого посольства — дипломатической миссии России в Западную Европу, предприня-

той Петром в 1697–1698 гг. На интерактивной карте можно проследить маршрут Великого посольства, обширный иллюстративный материал позволит увидеть страны и города, в которых побывал Пётр, понять, какие знания он приобрёл в Европе и как использовал их для будущего преобразования России.

Узнать историю появления копии голландского домика на берегу реки Жужи поможет документальный фильм, запечатлевший хронику доставки конструкций домика из Голландии и сборку его в музее-заповеднике.

Экспозиция домика создана специалистами Московского государственного областного музея-заповедника при участии Заанского музея. Автор экспозиции — Ольга Полякова, заслуженный работник культуры РФ, главный хранитель музея-заповедника Коломенское.

Алексей СОНИНОВ

«Отца из колеи выбить было невозможно»

Последнее интервью сына автора «Тихого Дона»

Шолохов Михаил Михайлович – младший сын писателя. В 1960 г. окончил биологический факультет МГУ. Кандидат философских наук. Преподавал философию в РГУ, затем был начальником Ростовского факультета Московского филиала юридического заочного образования Академии МВД СССР. В 1992 г. вышел в отставку в звании полковника МВД, жил в станице Вёшенской, с 1999 года работал главным консультантом Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова.

Первый атаман Союза казаков области войска Донского (1990–1991), член Общественной палаты при Президенте РФ (2006–2008). Отмечен благодарностью министра культуры Российской Федерации (2007), награждён медалью МВД «За боевое содружество». Почётный профессор Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Как автор книги очерков-воспоминаний, философско-публицистических размышлений «Об отце» награждён Международной премией им. М.А. Шолохова (2004).

Человек высокой нравственной силы, он до последних дней жил судьбою своей страны, беспокоился о духовном состоянии общества, тревожился по поводу состояния природы вокруг родного Дона и в дальних уголках России. Умер М.М. Шолохов 21 октября 2013 года, похоронен на Вёшенском станичном кладбище.

— Михаил Михайлович, как рано вы поняли, что ваш отец — писатель?

— Безусловно, рано понял. Тем более что все вокруг говорят, что он — писатель (*улыбается*).

— Делал ли Михаил Александрович Шолохов записи «для памяти», для будущих своих произведений?

— Нет, никогда не видел, чтобы он что-то записывал. У него была феноменальная память не только на события, но и на мельчайшие детали и быта, и внешности людей, сезонных изменений в природе.

— Как он давал знать окружающим, что идёт к письменному столу работать и что беспокоит его какое-то время нельзя?

— Зайдёт в кабинет, затихнет, и эта тишина означает, что нельзя его беспокоить. Все знали, что в такие часы его лучше не трогать. И никогда не трогали и не беспокоили.

— С чего обычно Михаил Александрович начинал новое произведение? С плана? С поездок в архив? С долгого обдумывания или стремительного изложения завязки?

— Не знаю, но только не с планов. Не могу сказать, как он начинал писать, с чего, это как-то незаметно было. Наверное, у него в голове это складывалось, а затем он садился за стол и «выплёскивал» на бумагу. И всё. При мне он и в архивы никакие не ездил. Если было ему нужно, он обращался с просьбой и ему что-то присылали или привозили.

А потом, во время войны, он как-то тесно сдружился с Кириллом Потаповым — это был редактор «Правды» по отделу литературы и искусства, который одно время даже называл себя «адьютантом Шолохова». Через этого Потапова отец завёл тесный контакт с одним бухгалтером, который работал в бухгалтерском магазине на Кузнецком, и с кем-то ещё из библиотеки им. Ленина. Библиотека, Ленинка, некоторые вещи на руки не выдавала, а Кирилл Потапов привозил книги отцу. Их было много, таких книг с библиотечным штампом, они потом возвращались.

А вот архивы, которые были необходимы ему для «Они сражались за Родину», оставались и для него закрытыми. Писать о фактах, о военных операциях, не зная всех перипетий, он не мог и страдал от этого.

— Кажется, Михаил Александрович Шолохов вовремя понял, что учиться ему в московской писательской среде «опасно» — можно стать «как все». Как отзывался он о столичных литераторах, о тех же писателях из литературной группы «Молодая гвардия», об их творчестве и личных качествах?

— Знаете, я сейчас всё больше и больше убеждаюсь, что он если и говорил об этом когда-то, то очень кратко. Он всю эту среду недолюбливал и всегда говорил о них как о конъюнктурщиках, интриганах. Оно и действительно так. Начиная с Горького, а может быть, и раньше, идёт какой-то странный процесс. Вот группируются писатели, «оседают» какую-то идею свою и ради этой идеи могут и ругаться, и драться, и сажать друг друга в тюрьму — вплоть до физического уничтожения. Ему эта московская писательская среда претила, и я её тоже не воспринимаю. Потому что кто бы из них ни приходил к отцу, разговоры сводились к тому,

что, мол, какую сторону вы займёте в этой борьбе. Займите, пожалуйста, нашу. Вот и всё.

Отец это не принимал, никогда не хвалил кого-то и не порицал. Он считал, что наш читатель сам оценит то или другое произведение и его автора.

— Из каких источников (кроме своего окружения) он черпал знания истории, нравов, бытовых отношений, образного языка, послоний, поговорок и песен казаков?

— Если иметь в виду самое широкое окружение вообще, то есть с кем ему приходилось встречаться, то, конечно, черпал в этом окружении. А в основном раньше, я думаю, многое узнал от самих казаков. Они и о тяготах своих с юмором могли всё изложить. Это же хорошая была черта казачья — улыбнуться в любом случае. Да ещё все эти присказки... Как даст, всё к месту и с тактом, хотя в то же время порой почти до развязности доходит! Это, конечно, основной его источник был. Хорошо знал записи казачьих песен Листопадова. А так, и Брокгауз был, и Даль был, словарь пословиц и поговорок — наверное, ещё и оттуда. Но заимствований прямых он не любил очень.

— Обращался ли Михаил Александрович в разговоре к текстам своих книг? Цитировал ли их фрагменты наизусть?

— Это очень редко. Как-то ехали из Миллерова домой, в Вёшки, весна была, остановились, перепела с обеих сторон дороги, стрепета. Асфальта ещё не было. От Каргина на бугры поднимаешься и смотришь, небо в сеточку от гусей — огромные стаи. И, когда уже выезжали на базковский бутор, как сейчас помню, он спросил: «Ну как, шиплет глаза?» Я говорю: «Конечно, шиплет». И потом уже в «Тихом Доне» я прочитал, как Пантелей Прокофьевич спрашивает Григория примерно в такой же ситуации: «Ну как, шиплет глаза?»

А так, чтобы сам себя он пространно цитировал, этого я не помню.

— Михаил Александрович следил за литературной жизнью в стране и за рубежом? Читал современных авторов? Быстро ли он читал?

— Читал очень быстро. Ещё это объясняется тем, что читал, «пробегая» страницы. Но даже когда читал подряд, заинтересованно, всё равно очень быстро читал. Современных ему авторов читал, к примеру, Тvardовского, Симонова... Абрамова, Белова, Астафьева, Распутина — всю эту когорту он с удальством читал, перечитывал, хвалил. Их потом «деревенщиками» стали называть, кое-кто даже с чувством какого-то превосходства, что ли. Да уж...

— Кого из писателей XIX, XX веков он выделял из общего ряда, а кого, наоборот, недолюбливал?

— Вот не знаю, как сказать помягче, но недолюбливал он сатириков. Даже о Гоголе часто отзывался не очень лестно. Салтыкова-Шедрина недолюбливал. Между прочим, понять его можно. Не любил он, как бы это сказать, «чёрноту». А у Гоголя и Салтыкова можно встретить такие места, что в них ничего, кроме чёрного. Темнота и беспросветность. Он часто вспоминал Пушкина: «Нет убедительности в понятиях и нет истины, где нет любви».

А однажды в разговоре на эту тему, поглядывая то на меня, то на присутствовавших мать и брата,

М.А. Шолохов с сыном Михаилом в рабочем кабинете, 1974 год

медленно, как-то задумчиво и, я бы сказал, грустно, тихим голосом прочёл стихотворение (он много стихотворений помнил):

*О, нет, не всякому дано
Святое право обличенья!
Кто не взрастил в себе зерно
Любви живи и отреченья,
И бесполезно и смешно
На мир его ожесточенье.*

Гораздо позже я узнал, что это — Плещеев.

Хотя отец и не очень любил разговоров на эту тему, не раз он мне говорил о «чёрных» писателях и о «светлых». Мне эту проблему тогда было не так-то легко решить. Нас ведь ещё в школе лишили возможности знакомиться со многими трудами русских философов. Отец говорил, что он от одних только «...ских» (Данилевский, Киреевский, Ключевский, Флоренский) столько набрался! Здесь богатство русской мысли, здесь — Россия. И действительно, какие люди! Какие мыслители, боже мой! Лишили нас этого во все, а с ними нам всё яснее было бы. И жизнь в России сейчас, уверен, была бы совсем другой — и более устроенной, более богатой и справедливой и, может быть, даже прекрасной.

— А вообще любил Михаил Александрович пофилософствовать? Кого из философов прошлого цитировал?

— Философствовать он обычно не любил, любил конкретные разговоры на конкретные темы. Абстрактное философствование его мало интересовало. Цитировал настоящих, «суровых» философов, типа Цицерона, Сократа, которых можно назвать просто — мудрецы. Эти люди знали жизнь, а не просто теоретизировали на философские темы.

— Известно, что Шолохов любил стихи Дон-Аминадо (А.П. Шполянский). Как он познакомился с ними? Когда? Читал ли наизусть?

— Когда познакомился с ними, не знаю, но то, что читал наизусть, это да, правда, редко. По-моему, в 1935 году он был за границей и оттуда привёз эту книжку, мы её зачитывались. Примерно в середине этой книги несколько страниц были аккуратно вырезаны. Темы стихов, казалось бы, не великие, но стихи чем-то нравились. Вроде автор и серьёзно писал, но так легко и хорошо их подавал, и часто с юмором... Не знаю, я его тоже очень люблю. Сейчас у меня два или три его сборничка есть.

— Когда Михаил Александрович почувствовал, что со здоровьем становится всё хуже и хуже, о какой части своего архива, своих рукописей он позаботился прежде всего?

— Да ни о чём не позаботился. Жёг — да, много чего. А о какой части своего архива заботился...

Я даже затрудняюсь сказать, был ли в него архив как таковой после войны. Были у него в ящиках стола в большом кабинете разрозненные страницы, подборки страниц по десять-двенадцать, рукопис-

ные чаще всего. А сказать, что у него был архив, что он собирал, складывал что-то — этого не было. Удивительно равнодушно он относился к своим рукописям! Мать вспоминала, что поначалу он всего этого даже стеснялся. Когда она собирала, он даже говорил ей: «Да что ты делаешь! Потом кто-нибудь из ребят узнает, скажет: «Во Шолохов, смотри, как ценит сам себя! Собирает архив!» А когда начали обвинять его во всех смертных грехах, он с матерью согласился. Она сначала переписывала всё от руки, потом перепечатывала, собирала, прятала. И тут уж он не возражал, даже помогал. Жалко, что всё это во время войны пропало. И как пропало! Тоже ведь загадка.

Был сбит большой хороший ящик. Надеялся, что вывезут вместе с архивом НКВД. В ящике была рукопись второй книги «Поднятой целины», рукописи рассказов, части «Тихого Дона», переписка творческая, письма, в том числе письма Сталина. Уезжая в эвакуацию, два ящика — один с домашними вещами, а другой с архивом — закопали в сарае. Когда в июле 1942-го немцы погналы от Ростова, мы приехали в Вёшки, «на разведку» — можно ли уже возвращаться домой. А через несколько дней начались бомбёжки. К дому подъехала грузовая машина с начальником НКВД и работником райкома, сказали, что везут архивы в безопасное место, и предложили отцу отвезти и его архив. Он отдал им этот ящик, не спросив даже расписки — кто взял, куда повезут...

Говорили, что в машину попала бомба. Допускаю. Листы разлетелись, и солдаты пускали их на куреве. Вполне возможно. А библиотеку больше растащили здесь, в Вёшках. Некоторые книги потом находили по хуторам.

Маршрут движения машины можно было восстановить до деталей, потому что оставалось много ещё живых людей, которые знали это досконально. Но никого этого тогда не интересовало. Да и не до того было. Всё пропало, а жаль.

— Рассказывал Михаил Александрович когда-либо о самых напряжённых моментах его жизни: о встречах со Сталиным, о заседании комиссии Политбюро по авторству «Тихого Дона», о трудном кружном пути вместе с бывшим чекистом Погореловым в Москву и других?

— Да, рассказывал. Часто вспоминал различные эпизоды. А вот заседание комиссии по авторству «Тихого Дона» не вспоминал, такого я не помню. Во всяком случае, при мне. О поездке с Погореловым в Москву — очень часто. И вспоминал он об этом не как о самых напряжённых моментах его жизни, а как о чём-то рядовом, для того времени обычном.

— Кто в наибольшей мере отравлял Шолохову-писателю жизнь? Правы те, кто считает, что это — Солженицын?

— Нет, не правы совершенно. Я как сейчас помню, отец хорошо отзывался об «Иване Денисовиче...», о «Матрённом дворе». И вот когда вышел этот бред, изданный в Париже с его предисловием, отец узнал, что вышла книжка такая. Сам он её, конечно, не читал.

Помню, Константин Прийма начал ему рассказывать, что, мол, в Париже вышла такая книжка, а Прийма был не лишён пафоса, рассказывал с возмущением. Отец слушал, слушал, потом у Примы спросил: «И чего этому чуваку надо?» И всё. Вот весь его отзыв о Солженицыне.

— Известны отзывы о «Тихом Доне» казаков-эмигрантов. Как Михаил Александрович относился к ним и к их отзывам?

— Он с уважением относился к Каледину, Краснову, ко многим другим, рядовым того периода. Он лично знаком был с бывшим жителем станицы Клетской Н.А. Келиным, врачом, проживавшим в Чехословакии. Они встречались несколько раз, и видно было, что отцу приятно, что его знают оказавшиеся за рубежом русские люди, казаки. Его волновали письма эмигрантов с высокой оценкой «Тихого Дона». То, что они, очевидцы и участники событий, оценили правдивость написанного, узнавали в героях книги самих себя, свои мысли и чувства (например, письмо из Болгарии П. Кудинова, который называл «Тихий Дон» «казачьей Библией»).

— В интернете и в печатных изданиях часто ошибочно сообщается о том, что Михаил Александрович Шолохов был комсомольцем, пулемётчиком, членом и т.д. Из каких источников берутся такие данные и почему ошибки так часто повторяются?

— Почему? Обогатить человека: если раньше считалось, членовец — это ого-го, герой, то теперь членовец — это противный отрицательный персонаж. Никогда он не был членом, не был комсомольцем, пулемётчиком тем более. А откуда такие «факты» берутся, я считаю, что всё это ради красного слова. Отец когда-то, давая кому-то интервью, сказал, что всякое бывало, мы гонялись за бандами, и банды гонялись за нами. По-моему, вот это и всё, единственный источник. Да ещё одна дань времени: «Шибко я комиссарил». А всё его «комиссарство» заключалось в том, что у людей, у букованцев, снижал налоги, занижал посевную площадь, чтобы им хоть как-то выжить.

В станице Букованской у отца были знакомые — Ходуновы. Они были в те годы не просто «красные», а «очень красные». И вот когда отца арестовали, Валентин Иванович Ходунов от станицы Букованской до Дона, километров пять-шесть, до сыпного пункта и места, где пароходы останавливались, вёл его, арестованного. А сам «конвоир» — карлик, «метр с кепкой». Отец идёт впереди, несёт его винтовку, спрашивает: «Устал, Валентин Иванович?»

И потом всю жизнь они сохраняли дружбу. Валентин Иванович у нас здесь, в Вёшенской, гостил месяцами. И когда отец с близкими ехали охотиться или рыбалить на Хопёр, всегда у него останавливались. Отец, бывало, спросит у Ходунова: «Ну, расскажи, как ты меня на расстрел вёл?»

— Михаил Михайлович, существует выражение «писатель трагической судьбы». Подходит ли это выражение к Шолохову?

— Я бы сказал: полностью. Правда, тут надо определиться — трагическая судьба в жизни, в быту или в литературе? В жизни, наверное, не было такой уж трагической судьбы, хотя пережить многое пришлось в молодые годы. Страшно было. А что касается литературы, то вам это известно. С самого начала как началось, так и катится до сих пор. Почему-то рады были бы его «сожрать с потрохами». Московская писательская среда его недолюбливала, но и он к ним относился так же.

Многие его литературные мытарства объясняются завистью, но как он говорил, слово «зависть» ещё ничего не объясняет. Написал «зависть» и вроде бы всё объяснил. Нет, не всё. Так что выражение «писатель трагической судьбы» — да, к отцу подходит всё это.

— Несколько неурядиц, проблемы могли вывести Михаила Александровича из себя, выбить из колеи?

— Думаю, что выбить из колеи его было просто невозможно. А неурядиц этих, проблем всяких было много, как и у всех. Да, бывало что-то, что его сердило. То дети что-нибудь натворили, то с кем-нибудь поругался. Он уезжал тогда на природу или оставался один в комнате.

Люди обычно хотят услышать о Шолохове что-нибудь необыкновенное, а он был обычным человеком, ничем не отличающийся от других, кроме того, когда он садился за письменный стол...

Расспрашивал и записал Алексей КОЧЕТОВ, ст. ВЁШЕНСКАЯ

За колючей проволокой

Как сказано в аннотации, «эта книга уникальна уже тем, что создавалась за колючей проволокой, в современной зоне строгого режима». И с этим нельзя не согласиться. Если кто не в курсе, то Земцов — бывший зам главного редактора «Независимой газеты», осуждённый в своё время за вымогательство и хранение наркотиков. Ему предстояло провести в зоне строгого режима 8 лет, однако вышел он на свободу через три года. Основу настоящей книги составил тюремный дневник автора, который ему всеми правдами и неправдами удавалось вести в заключении и отрывках между переправлять на волю. Основные темы — интеллигент за решёткой, его мысли, чувства, окружение. Тут нет конкретного сюжета, да он, вероятно, и не нужен.

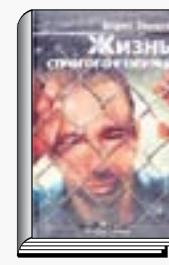
Если провести исследование, то наша литература, скорее всего, займёт первое место в мире по количеству произведений на так называемую лагерную тематику. И тому есть вполне логичное объяснение, однако речь сейчас о другом... Книга Земцова интересна прежде всего тем, что заставляет лишний раз убедиться в актуальности народного изречения: от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Стоит понаблюдать за жизнью в лагере, убедиться в актуальности народного изречения: от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Стоит понаблюдать за жизнью в лагере, убедиться в актуальности народного изречения: от сумы да от тюрьмы не зарекайся.

Оказаться на нарах в почтенном возрасте — это, конечно, испытание для человека, не имевшего преступного прошлого. Можно прочитать сколько угодно книг по теме, но, только увидев всё своими глазами, понимаешь весь ужас российской тюрьмы. Грязь, вонь, антисанитария, скошенные лбы, дикие взгляды, печать вырождения и душевной болезни на лицах — и на фоне этого образованный, тихий человек, пытающийся остаться самим собой. О таких говорят, как в известном фильме: «А ещё очки одел!». Интеллигент несчастный». Автору повезло — ему удалось избежать серьёзных конфликтов с сокамерниками, что, впрочем, не оградило его от произвола администрации, обесчеловечившей заключённых, вкалывающих на вредном производстве, вымогающей взятки и, по сути, немногим отличающейся от экзков.

У Земцова нет ненависти к собратям по несчастью. Он относится к ним, скорее, с сочувствием, анализирует их дела, удивляется глупым судьбам, когда люди просто так ломают себе жизнь, а потом надеются на чудо. Одним из таких мифических чудотворцев предстаёт в тюремном фольклоре Владимир Жиринский. Программа ЛДПР знакома здесь немногим (как и программы других партий), но байки о том, как Жиринский помог деньгами или своими связями кому-то из сидельцев, — довольно популярны на зоне. Эти люди давно не верят в торжество закона, поэтому им приходится верить во что-то другое...

Земцов, относится к так называемым красным, то есть таким, где «блаткомитет» сотрудничает с администрацией. Соответственно и воровской кодексу чести тут не работает или принимает совсем уж странный характер. «Блаткомитет» на пару с администрацией «дойт» рядовых экзков, никакими внутренними вопросами, помимо сборов на «общак», практически не занимается. Стукачество и крысятничество процветают, сами же блатные всё время уговаривают «мужиков» потерпеть и не перечить лагерному начальству, «а то мало ли что»...

Земцов, относится к так называемым красным, то есть таким, где «блаткомитет» сотрудничает с администрацией. Соответственно и воровской кодексу чести тут не работает или принимает совсем уж странный характер. «Блаткомитет» на пару с администрацией «дойт» рядовых экзков, никакими внутренними вопросами, помимо сборов на «общак», практически не занимается. Стукачество и крысятничество процветают, сами же блатные всё время уговаривают «мужиков» потерпеть и не перечить лагерному начальству, «а то мало ли что»...

Борис Земцов. Жизнь строгого режима. Интеллигент на зоне. — М.: Вече, 2013. — 352 с. — 2000 экз.

Земцов, относится к так называемым красным, то есть таким, где «блаткомитет» сотрудничает с администрацией. Соответственно и воровской кодексу чести тут не работает или принимает совсем уж странный характер. «Блаткомитет» на пару с администрацией «дойт» рядовых экзков, никакими внутренними вопросами, помимо сборов на «общак», практически не занимается. Стукачество и крысятничество процветают, сами же блатные всё время уговаривают «мужиков» потерпеть и не перечить лагерному начальству, «а то мало ли что»...

Земцов, относится к так называемым красным, то есть таким, где «блаткомитет» сотрудничает с администрацией. Соответственно и воровской кодексу чести тут не работает или принимает совсем уж странный характер. «Блаткомитет» на пару с администрацией «дойт» рядовых экзков, никакими внутренними вопросами, помимо сборов на «общак», практически не занимается. Стукачество и крысятничество процветают, сами же блатные всё время уговаривают «мужиков» потерпеть и не перечить лагерному начальству, «а то мало ли что»...

Земцов, относится к так называемым красным, то есть таким, где «блаткомитет» сотрудничает с администрацией. Соответственно и воровской кодексу чести тут не работает или принимает совсем уж странный характер. «Блаткомитет» на пару с администрацией «дойт» рядовых экзков, никакими внутренними вопросами, помимо сборов на «общак», практически не занимается. Стукачество и крысятничество процветают, сами же блатные всё время уговаривают «мужиков» потерпеть и не перечить лагерному начальству, «а то мало ли что»...

Игорь ЧЕРНЫШОВ

ВЗАТРАВДУ!

Синий,
аж жуть!

Иду я на днях по Питеру, по улице Жуковского, чувствую, малость проголодался. И тут как раз вывеска «Ресто-бар «Синий Пушкин». Глазом не поверил. Достал айфон глянуть, что там сайты пишут про это чудо природы. Открыл страничку и читаю:

«В последнее время наши гости стали часто спрашивать: «Почему?», «Ну почему синий Пушкин?!», «Пьяный он или от слова «голубой»?» Отвечаем: «Конечно, нет!»

Мать Божья, всё-таки не добрались ещё с голубиной до классика! Отлегло немножко, читаю дальше: «Кто-то, где-то, когда-то рассказывал городскую легенду. Легенду о том, как Александр Сергеевич, гуляя по городу на Неве, зашёл в какой-то кабац, где предложили ему попробовать заморский напиток с вишенкой, косточкой от которой он в итоге подавился, а подавившись — поинел!»

Да, решил я тут же, — эпическая история, достойная великого поэта и весёлого в свои юные годы повесы!

«Поэта благо спасли, — читаю дальше, не меняя для читателя знаки препинания, — но история сохранилась!»

Вот уж и взаправду радость, что такая-то история сохранилась!

«И вот в память об этой легенде и назван наш ресто-бар — «Синий Пушкин», и есть даже коктейль СПушкин, вроде бы соответствующий тому, который фигурирует в истории, за исключением того лишь, что в нашем коктейле, во избежание сложностей, вишенка без косточки»

Вот так))»
Вот, значит, как! Ишь, заботливые ребята! Никто теперь не подавится и не поинелет, зато на гастрономическом уровне приобщится в интерьере ресто-бара к поиневшему солнцу русской поэзии!

Кто ж придумал всю эту красоту, возродил к жизни то, что «кто-то, где-то, когда-то рассказывал»?

На другой закладке сайта нашёл ответ и на этот волнующий вопрос: «Синий Пушкин» — это разухабистая квинтэссенция всего, что только нужно для по-настоящему хорошего отдыха. Этот

уникальный бар создавался при непосредственном участии питерского кутилы Сергея Шнурова и в итоге стал не только прямым отражением истинного петербургского андеграунда, но и удивительным по своей харизме местом, подпитанным талантом и творчеством этого потрясающего человека».

Ай да Шнуров, ай да сынчик!

Хотя, может, это надо отнести на счёт Пушкина?

Новостной художник

Может, я не до конца понял, что подразумевается под «подпитанным талантом и творчеством этого потрясающего человека?»

Но всё равно прикольно! И теперь-то уж точно можно сказать, что Шнуров, сей, как его скромничко представляют, «российский музыкант, актёр, телеведущий, художник, лидер легендарной группы «Ленинград», создавший себе имидж «пышного интеллектуала», с Александром Сергеевичем на одной ноге!

И мало того — даритель вдохновляющих идей. Я так сразу и представил, как, заглянув к «Синему Пушкину», закажу себе на аперитив коктейль «Моцарт и Сальери», выберу закусточку «Дантес в собственном соку», возьму на горячее рыбный суп «Русалка», попрошу свеженькую отбивную из телятины «Пиковая дама», а потом запью всё кофеком с рюмочкой коньяка «Скупой рыцарь». И сами собой вспомнятся пушкинские строчки из стихотворения «Друзьям»:

*Я пил, и думою сердечной
Во дни минувшие летал
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминал.*

*Меня смешила их измена:
И скорбь исчезла предо мной,
Как исчезает в чашах пена
Под закипающею струей.*

Как же хорошо-то! И как же здорово сохраняется на улицах и площадях Отечества память о выдающихся сынах земли русской! И не только в культурной нашей столице! То в названиях ресторанов, то в телероликах, то на рекламных растяжках на заборах видишь, как берётся напрокат ахматовские строчки или что-то из Пастернака да так перекурчиваются, что автор бы сроду себя не узнал.

Вдруг я загрузил. Мне даже расхотелось ступать за порог «Синего Пушкина», хоть голод и одолевал. Лучше пойдём-ка я в «Жопу» — ресторанчик на проспекте Бакунина!

По пути вспомнил, как был на экскурсии в бельгийском Антверпене. Водили нас на Торговую площадь, где красуется огромный фонтан Брабо. Он представляет нам римского солдата Сильвий Брабо, швыряющего отсечённую руку гиганта Антигона в реку.

По этой легенде, гигант Антигон брал дань с капитанов проплывавших мимо кораблей. Если дань не выплачивалась, он отрывал капитану руку. Римский солдат Сильвий Брабо, настоящий смельчак, взял да и оторвал руку у самого Антигона...

Не знаю, чего это вдруг ни с того ни с сего вспомнилась эта легенда. Может, во мне подспудно зреет желание кой-кому оторвать хотя бы руки...

Захар ГУСТОМЫСЛОВ

От администрации «Клуба 12 стульев»: Захар возразил против публикации портрета синего Пушкина, являющегося собственностью одноимённого ресторана. Но администрация решила: пусть страна знает творчество героев современной русской культуры.

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

В находящемся в паре десятков километров от Нижнего Новгорода городе нефтехимиков Кстове состоялся шестой Всероссийский фестиваль иронической поэзии имени Евгения Нефёдова.

Строго говоря, фестиваль с чистой совестью можно называть международным — был один участник из Латвии. Главное же заключается в том, что городу подарен праздник. Любой фестиваль интересен, а если он посвящён редкому жанру, то интересен вдвойне. Вдобавок смотр весёлых поэтов был безупречно организован, что подтвердили и многочисленные зрители, и участники, с некоторыми произведениями которых мы сегодня знакомим читателей. В следующих номерах знакомство будет продолжено.

АВТОЭПИГРАММА

От мамы у меня овал лица,
Цвет глаз и в меру вздёрнутые бровки.
Всё остальное явно от отца,
Включая шрам и две татуировки.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ПОРЫВ

Последствия бурных застолий
Устав выставлял напоказ,
Я обруч достал с антресолей,
Примерил, а он мне как раз.

НАПУГАЛИ

Среди ночи в дверь с размахом
Как ударит кто-то вдруг!
У меня едва от страха
Дрель не выпала из рук...

Игорь АЛЕКСЕЕВ

ЖЕСТОКИЙ ШАНСОН

Ах, месье, вы мазутом заляпали ватник
И к тому ж ненароком вступили в навоз.
И поэтому вас не могу целовать я,
Как бывало, безудержно,

страстно, взасос.

Ах, месье, вы солдарики забрызгали чуни
И к тому ж позабыли портянки сменить.
Потому с сеновала смотреть полнолуние
Вы, похоже, отправитесь нынче один.

Ах, месье, ваша речь перегружена матом,
И к тому же язык заплетается ваш.
Потому остаётся, увы, непонятным
Для меня вашей мысли изящный выраз.

Ах, месье, отложите, пожалуйста, вилы,
Ни к чему так ужасно очами вращать.
Ах, отнюдь, я не вас называла дебилом.
Что имели в виду вы, воскликнувши:

«Щааа...»

Ах, месье, сколько
в вас необузданной страсти!
Но когда вас в узик пытались вихнуть,
Несогласье своё представителем власти
Вам высказывать стоило
мягче чуть-чуть...

Ах, месье, вы теперь от меня так далеке!
Остаюсь безутешен в родимом краю.
Перед вашим портретом

затепляла свечи,

Гематомы лечу и романы пою...

Татьяна КОРМИЛИЦЫНА

ЕСЛИ Б Я БЫЛ ОЛИГАРХОМ

Если б мне — да завод вместе с банком,
да в придачу ещё пароход,
ах, каким бы я был олигархом! —
прослезился б от счастья народ.

Я б по чести — не сдуру, не спяну —
торгашам отписал по ларьку,
мир — народам, и землю — крестьянам,
и рабочим бы дал по станку.

Чтобы всем справедливо и в меру —
незнакомым, друзьям и врагу.
Я бы вилду свою пионерам
на Лазурном отдал Берегу.

ФОТОАТЕЛЬЕ

Александр ЛЫСЕНКО

СПОРТИВНЫЕ СТРАСТИ

ОГНЕННЫЕ ЭТАПЫ

5-й день эстафеты. Москвичи пытаются выгнать эстафету олимпийского огня за четвертое транспортное кольцо, но факелоносцы, несмотря на это, каким-то образом всё равно на следующее утро просачиваются обратно...

18-й день. Факелоносцы возмущаются, зачем шестой день нести факел в чистом поле...

22-й день. На очередном этапе факелоносцы при помощи олимпийского огня отогнали диких зверей, которые вдоль всей трассы голодными глазами глядят из леса...

Вдоль трассы следования олимпийского огня продают сувенирные олимпийские факелы. Они не очень похожи на те, которые несут факелоносцы, но продавцы утверждают, что их факелы настоящие, а эстафетные — китайские. Многие факелоносцы покупают сувенирные факелы, так как они намного дешевле.

35-й день. В населённых пунктах на пути эстафеты факелоносцы зажигают местные олимпийские факелы, даже несмотря на то что местные власти говорят о том, что у них нет лишнего газа для факелов.

41-й день. В деревне Топорищи неизвестными парнями была предпринята попытка отобрать факел, но факелоносцу удалось убежать...

По трассе пробега ветераны-коммунисты приветствуют факелоносцев лозунгами — «Из искры возгорится пламя».

46-й день. Эстафета олимпийского огня потерялась на просторах России, после того как факелоносцы побежали в обход ремонтируемого участка дороги...

51-й день. Эстафета вновь найдена. Местные власти обещали закончить асфальтировать трассу олимпийского огня к зиме, при условии перевода на эти цели дополнительно миллиарда рублей.

57-й день. На трассе эстафету остановил какой-то мужчина и попросил прикурить, прикурив, он отпустил её дальше.

С 63-го по 67-й день участники эстафеты обогрелись у факела...

В полупустых населённых пунктах начали зажигать олимпийские костры... Видимо, газа там ещё нет...

73-й день. Пожарные, помнящие о позорнослугодных пожарах, затушили олимпийский огонь... Дальше эстафета неслась факелом с олимпийским огнём из красной тряпочки.

Учебная олимпийская эстафета закончилась, хотя часть факелоносцев пока и не вернулась домой... Есть запасные... Что-то будет перед настоящей Олимпиадой.

Александр БРЮХАНОВ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ МУЗЫКАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
Фонд Ирины Архиповой
КОНЦЕРТНОЕ ФИЛАРМОНИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ МОСКОНЦЕРТА

АРХИПОВСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН на Большой Никитской

представляют

21 ноября 2013 года, четверг, 19.00
(концерт в двух отделениях)

Э.КОРДЕРО «Антильский концерт»
для гитары и оркестра

А.ПЬЯЦЦОЛЛА Сюита «Вспомниая Нью-Йорк»
для виолончели и оркестра.

ИСПАНИТЕАН:

Народный артист России
Михаил УТКИН (виолончель)

Юрий НУТМАНОВ (гитара)

Камерный оркестр «МОСКОВСКАЯ КАМЕРАТА»
дирижер-Заслуженный артист России Николай СОКОЛОВ

Билеты по цене от 350 до 550 рублей.
Адрес: Брюсов пер. д. 2/14 стр.8,
проезд: м. Охотный ряд, Арбатская, Тверская

ОРФЕЙ 99,2 FM

информация по тел. +7 (495) 692 03 11
+7 (964) 629 60 29

Музыкальный КЛУБ ДАЙК

РУССКИЙ ЛАБИРИНТ.
САМЫЙ ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ
ЕДЕТ В ПАРИЖ!

Условия читательской викторины в авторском блоге ДМИТРИЯ ДАРИНА www.dmdarin.ru

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ —
10 декабря в Доме книги на Арбате (Н. Арбат, 8).

Начало — в 18.00.

Альбом Е.А. Демидовой (выступает заместитель директора ГМИ по научной работе Н.И. Михайлова).
Брошюра А.П. Вельяшева «Описание праздника, данного в Москве 19 мая 1814 года обществом российских людей, по случаю взятия российскими войсками Парижа, и счастливых происшествий, последовавших за занятием сей столицы» (рассказывает заведующая отделом «Дом-музей В.Л. Пушкина» Ф.Ш. Рысина).

Вход для посетителей музея бесплатный.

25–26 ноября (понедельник-вторник) с 11.00 до 17.00 в Доме-музее В.Л. Пушкина (ул. Старая Басманная, 36) будет проходить научная конференция «А.С. Пушкин и книга».

Конференция проводится музеем совместно с Пушкинской комиссией научного совета «История мировой культуры» РАН и Научным советом по проблемам чтения РАО. Вход свободный.

В программе вечера:
Гравюры 1806 года «Утренняя прогулка» и «Вечерняя прогулка» (представляет старший научный сотрудник ГМИ А.П. Капитонов).

Подробности на сайте — www.pushkinmuseum.ru

Скрипач-виртуоз Сергей Догадин выступит на фестивале Владимира Спивакова

Владимир Спиваков 27 ноября в Светлановском зале Дома музыки «убьёт» сразу двух зайцев. Во-первых, он откроет абонемент «Восточный экспресс», исполнив и музыку для весьма искусственного меломана — концерт для оркестра Лютославского, и мегапопулярную симфонию Дворжак «Из Нового Света». Во-вторых, триумфально продолжит свой именной фестиваль «Владимир Спиваков приглашает...», ангажировав на этот концерт молодое дарование из Северной столицы скрипача Сергея Догадина. Вместе с Национальным филармоническим оркестром России они исполнят наисложнейший концерт № 1 Прокофьева для скрипки с оркестром, который продемонстрирует все уникальные виртуозные качества дирижера, скрипача и лучшего оркестра России.

ПОЭЗИЯ АНГЛИИ

Как проехать в столицу?

Олег БОРУШКО

Родился в 1958 году в Харькове. Автор восьми книг прозы и стихов. Учился в МГИМО, окончил Литинститут им. Горького (семинар А. Рекемчука). В 1994–1998 гг. жил на Мальте, с 1998-го проживает в Лондоне. Инициатор и президент Международного фестиваля русской поэзии «ПУШКИН в БРИТАНИИ» (ежегодно с 2003) – ныне крупнейшего форума поэзии русского зарубежья. Центральное событие – Турнир поэтов русского зарубежья в Ковент-Гарден. Первые три фестиваля (2003–2006) провёл исключительно за собственный счёт. Инициатор и президент Всеукраинского фестиваля русской поэзии «ПУШКИН в ОДЕССЕ» (с 2008). Награждён золотой медалью «За вклад в отечественную культуру» (2007).

В заграничье нет столицы – извините за случайный рифмоид. Вокруг автора здесь мало серьёзных знатоков поэзии, доброжелательных и спокойных: воздух разрежен. В разреженном воздухе быстро наступает асфиксия – под натиском группы нетрезвых поклонников, косноязычных корифеев повсюду возникших союзов писателей, полуграмотных редакторов русскоязычных журнальцев и альманашков, бойких предпринимателей, греющих руки на авторском тшеславии: 50 евро за участие в конкурсе поэтов плюс 30 за публикацию в братской могиле. Асфиксия легко прочитывается в десятках стихов, которые я вот уже одиннадцать лет получаю на Турнир поэтов русского зарубежья «ПУШКИН в БРИТАНИИ». В условиях нехватки крупных молекул озона невозможно обрести внутреннюю свободу. Её можно только декадентски симулировать: чем сильнее не хватает рыбе воздуха, тем шире она открывает рот.

В мировой литературе нет примеров долгосрочного успеха авторов, не прошедших через столицу. Не потому, что в столице – литературное начальство. А потому, что проспекты широкие. Только на широком проспекте может ав-

тор верно сориентироваться на местности, привыкнуть к встречному ветру и разглядеть на другой стороне проспекта ещё десяток гениев, ожидающих зелёного света, чтобы кинуться через дорогу. Только в столице в общении с мастерами, в атмосфере мастеров выработается чувство меры, достоинства и вкуса в ямбах, что мы пишем.

Таких перекрёстков не существует за пределами России, как не существует русскоговорящих столиц, кроме Питера и Москвы. Я слышу возражения зарубежных авторов, которым биография не предоставляла столицу вовремя, они связаны по рукам и ногам – кто семьёй, кто работой, я их слышал тысячу раз. Они никак не могут всё бросить и уехать из страны проживания в Москву или Питер за атмосферой. Без атмосферы – не научиться писать величавые стихи. И я тысячу раз убеждался, что сказанное вначале о столице – обидная, но правда: примите мои соболезнования. Жалости я, однако, к таким авторам не испытываю и скидок не делаю: если тебе не сорвало с места и не понесло в нужное время в нужное место – значит, такова мера твоей убеждённости в собственном призвании. Убедите меня в обратном, я очень хочу.

В хоре других голосов

Лена ЗИНСКИ

Поэт, художник, эссеист. Родилась и выросла в Минске. Училась в двух университетах – на заочном отделении в Минске и дневном в Лондоне по специальности Public Relations (PR). Живёт в Лондоне.

Мне нравятся скатерти, вязанные крючком,
Из белых ниток
со сладким названием «Ирис»,
Нарциссы в вазе с продолговатым дном
И поцелуй под огромным зонтом,
За шторкой из капель, бойко летящих вниз.
Мне нравится мёд, сотовый, с лапками пчёл,
Балконные цепи и домики в ряд у моря...
Обмен мировидений, откровенный, ночной,
За рюмкой текилы – чтоб резко и горячо,
И нежность, которая праней любого спора.
Мне нравится жить, не наблюдая часов,
Вдохнуть старину в музей
и жизненность – в галерею.
Видеть твой отражение
в защитных стёклах холстов,
Слышать твой голос в хоре других голосов,
Мне нравится быть с тобой – во веки веков.
Мне очень нравится быть – твоёю.

МОЛОДОСТЬ

У кинотеатра на набережной
есть арт-кафе «Улитка»,
богемно-земное, со столиками стальными
в стиле екатеринского рококо, такими,
будто выросли из тротуарной плитки.
Здесь в платье сиреневом сорок второго размера
сидела душистая Молодость, плечи укрыв платком,
и по ветру русые ветви волос легко
клонились туда и обратно подобно качелям.
Мускатно-ореховых глаз опьяняющий взгляд,
румяные щёки, рахат-лукумная кожа,
в меру божественна, и, говорят,
свет в ней увидит последний безбожник сможет.
И в предвкушении всех грядущих путей
сидела Молодость, будущим открытая;
Завязь цветочная, яркая, неопылённая,
Ещё не вкусишая горестей и потерь.

Дома яблоки вкусней

Наталья МАКСИМОВА

В Англию приехала на учёбу, окончила с отличием Оксфорд, нашла работу в офисе архитектурного бюро. Печаталась в журналах «Москва», «Бельские просторы» и др. В 2009 году стала «Королевой поэтов русского зарубежья», победив в международном турнире поэзии «ПУШКИН в БРИТАНИИ». Живёт в Манчестере.

Синим пламенем, красным знаменем,
да гори оно всё со званием
то ли дела, то ли бездельца.
Жизнь не сложится вдруг у девицы...

Ну и что теперь – землю ржавую
есть за ужином? За державу
быть в обиде? Иль в ополчении,
сдав в химчистку на почечение
и пальто в горах, и пиджак широк?
Страх за будущее – порок...

ПРЕМЬЕРА

Сегодня премьера – играют тушу
и водкой поят коней,
столпотворение мёртвых душ
в театре живых теней.
Игра по лекалу, своё – своим,

спасение – сотый дубль –
как стенография эха – и
вставленный в рамку рубль.
Пора именительных надежд,
столица двуглавых дней,
одна голова говорит – уже!
другая – смеётся над ней.
Толпа ликует, толпа спешит
отрезать земли кусок,
и внутренний номер к душе пришит,
и сажеей клеймён висок,
и сердце каменное в праще,
и лошади мчатся – ах,
и памятник в грустном своём плаще
на ватных стоит ногах.
Он слышал оркестры в иных мирах,
в премьерных бывал не раз
и змея выдал о трёх головах,
но страшно ему сейчас.

Я не знаю, что волнует финнов
и какой в Америке кредит.
На уфимской кухне дроздофила
на подгнившем яблоке сидит.

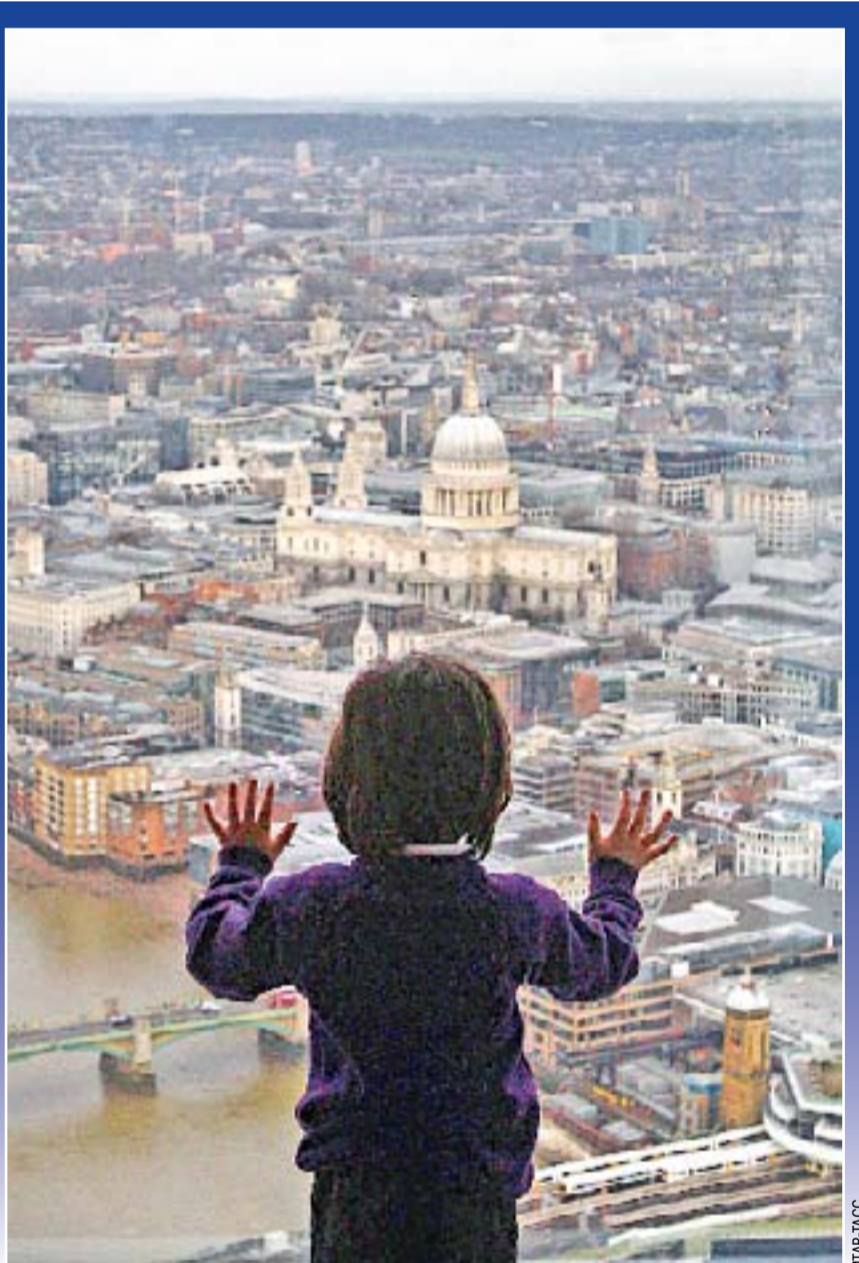
Мы живём зажатые тисками
внутренних испорченных часов,
подпираем небо кулаками
там, где с неба сыплется песок.

Наступил на колбу исполнитель,
заиграл безудержный баян –
время только прошлому целитель,
ну а если в будущем изъян?

Где мне знать, откуда власть и сила
в сетке непрочерченных орбит?
На далёкой кухне дроздофила
засидела яблоки в кредит.

Так и не окончен суд Париса,
но для всех, смотревших
«Спортлото»,
покупаем полкило ирисок
или делим яблоко на сто.

И Уфа в конце концов условно,
как столица мира – иже с ней,
Всех яблоко на свете позову,
просто дома яблоки вкусней.

Смотровая площадка лондонского небоскрёба

Чудеса и даром не нужны

Георг ЧЁРНЫЙ

Поэт и критик, около 20 лет проживающий в Соединённом Королевстве. Преподавал и занимался научными исследованиями в области химии, охраны окружающей среды и медицины в ряде университетов Европы. Создатель теории психоделической поэзии, основатель международного литобъединения «Творческая Мастерская ЕЖИ» и литературного сообщества «Психоделика» в интернете. Имеет публикации в журналах «Топос», «Сетевая словесность», «День и Ночь», «Новая Литература» и др. Лауреат премии «Нонконформизм-2012». Живёт в Ливерпуле.

Как будто вертикальная река
уходит вверх от берегов косых...

В лосинах и в короткой юбке –
Не ревновать? – к мужчинам,
к прошлому...

И сладко разжмается рука,
нащупав земляничные усы.
И зверобоя цвет в твоих глазах...
И волосы касаются щеки...
И можно что-то шёпотом сказать –
и влажным поцелуем зацелить.
Среди полей заросший пижмой холм
и светлые разводы тишины...

Она была моей ошибкой,
Плохая – но всегда хорошая.

Я не мечтал её исправить,
Свои поступки не оправдывал.
Мы просто вместе или по краю
Воображаемого кратера
И обрывались, пусть нечасто, –
Рабы пустых моральных принципов...
Из всех, с кем я бы мог быть счастливым,
Она всегда была единственной.
Как странно – нить воспоминаний
Унизывать долгами прошлыми:

И жить так удивительно легко,
что чудеса и даром не нужны.

Невозвращаемое снами,
Плохое – но всегда хорошее...

...она меня не вспоминает,
Поскольку помнишь, в общем, нечего:
Прогулки по проспектам в мае,
Поспешный секс однажды вечером...
Почём ей знать, как неотступно,
Годами, сны мои тревожила?..

Так целомудренно распутна,
Плохая – но всегда хорошая.

Я, видимо, остался прежним:
Мне спрятать хочется, под пальмами,
свою разнузданную нежность
В её не-марианской впадине...
Наверное, иная смелость
Есть в тех, кто смеет быть порочными;
Мы продолжаем жить в пределах
Своих олимпийских заболоченных.
Но временами – в мой, обширный,
Доносится вопрос из прошлого:

Её запястий и ладоней
Пьянящий холод – безошибочно
Я и сегодня сразу вспомню.
Её зубной эмали сливочной
Волшебный привкус, поцелуи,
В подъезде запах мокрой псины и
Слова «конечно, не ревную!»
Но в красных туфлях парусиновых,

Не я ли был её ошибкой, –
Плохой, но, в сущности...

КОГДА МАГИЯ ТЕРЯЕТ СИЛУ

Сосновых веток тени на песке,
терпеново-грибничный аромат.
Я сжал твою ладонь в своей руке...
Июнь на коже, а под сердцем – март.

Душистым чабрецом зарос овраг.
Бессмертника с шалфеем диалог...
Осталось только ноты подобрать –
и плавать, как беспечный рарипоп,
в потоках, наблюдая: вдоль стволов
прозрачная и мутная смола
сочится – в неба близкий потолок,
и загорать, раздевшись догола.

ТАЙНЫ БРЮХОНОГИХ МОЛЛЮСКОВ

Морская ракушка – ракушкой становится после
Того, как моллюска, живущего в центре, убили.
Вот так в языке без костей – появляются кости.
Вот так появилась рапана у Лёльки в Сибири.

Давно утекло мохнолапое куцее лето.
Седящих дней полином становится короче.
А бабочки всё вылетали из рёберной клетки,
И горькие волны жгли щёки, особенно ночью.

Курортный роман почему-то считают банальным,
Как будто есть разница – где познакомились люди.
Ведь каждый счастливый сюжет продолжается в спальне,
И каждый герой понимает: финала не будет.

Зима заметала следы и утожила память.
Зачитанных писем гербарий казался унылым...
Синицы в руках оставались на редкость упрямы,
Им нравились молотый кофе, верёвка и мыло.

...Взглянув на неё из заснеженных окон вагона,
Я сразу подумал: такие бывают лишь в сказках.
А после, уснув под колёсные ступи на сгонах,
Увидел во сне новостройку её Мухоморанска,

А там – небольшую квартиру с рогатой рапаной
И тонкое Лёлькино ухо, прижатое плотно –
В попытке услышать далёкий прибой океана
И голос, зовущий всегда оставаться свободной...

...Если бы мне захотелось в него войти, –
В дом, а за домом сад, а за садом лес, –
То ни болезни, ни тысячи миль пути
Не удержали б...

Усталый, обросший вей,
Я бы валился: небритостью, надеждаком
Голоса – вмиг распував язычки огня
В печке, с флажками висящих над ней носков... –
В дом, где пятнадцать лет как не ждут меня.

Иная оптика

Хайид ИЗМАЙЛОВ:
«С возрастом становишься разборчивей в своих пристрастиях и чаще предпочитаешь перечитывать, чем читать наново...»

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Родился в 1954 г. в г. Токмак Киргизской ССР. Автор более тридцати книг поэзии, прозы, переводов. Пишет на нескольких языках. Живя последние восемнадцать лет в Лондоне, больше известен в англо- и франкоязычном литературном мире, нежели в России. Роман «Железная дорога» завоевал несколько премий в Британии и США. Является почётным писателем Всемирной службы Би-би-си.

— Вы были собственным корреспондентом «ЛГ» по Средней Азии. Какими судьбами оказались в Лондоне?

— Частично именно потому, что я был корреспондентом «Литературной газеты». То был 1992 год — довольно смутное время, самый пик развала (если можно совместить эти несомненно совместимые слова) Советского Союза. Каждый мой критический материал воспринимался местными властями как саботаж (при мягком раскладе) или шпионаж в пользу России (при жёстком). Меня непрерывно вызывали то в Министерство юстиции, то в Министерство внутренних дел, то в прокуратуру, и даже открыли дело. А когда журналистов стали просто-напросто избивать, когда мой водитель стал замечать, что за нашей машиной постоянно следует «хвост», я с женой уехал в Москву, где мы прятались по квартирам друзей, а дочь осталась со своей бабушкой и присылала нам письма, чтобы мы не приезжали за ней, поскольку, как она писала, прокуратура каждый день приходит, спрашивая обо мне.

— В России массовая литература активно работает на понижение культурного уровня основной части населения. А как в Англии? Нужно ли, в них открываются целые отдели русской книги, так что с этим добром недостатка нет. Странное всё же ощущение: в советское время, когда стоявшие книги были дефицитом, было больше того, что хотелось во что бы то ни стало прочесть. Сейчас же: «бери — не хочу», а как буд-то бы и нечего читать... Может быть, с возрастом становишься разборчивей в своих пристрастиях и чаще предпочитаешь перечитывать, чем читать наново...

— В России массовая литература активно работает на понижение культурного уровня основной части населения. А как в Англии? Нужно ли, в них открываются целые отдели русской книги, так что с этим добром недостатка нет. Странное всё же ощущение: в советское время, когда стоявшие книги были дефицитом, было больше того, что хотелось во что бы то ни стало прочесть. Сейчас же: «бери — не хочу», а как буд-то бы и нечего читать... Может быть, с возрастом становишься разборчивей в своих пристрастиях и чаще предпочитаешь перечитывать, чем читать наново...

— Как живётся в Англии русскому писателю? Выходят ли книги? Переводятся ли? Есть ли читатели?

— Меня очень трогает, что вы называете меня русским писателем. Особенно сейчас, когда принадлежность к русскому этносу, культуре или литературе всё больше и больше определяется по внешности и цвету волос. Да, действительно огромная часть моей жизни — душа, так работы приходится на русский язык, на русскую литературу. Хотя в той же мере я считаю себя и узбекским писателем, а теперь уже немного и британским. Русские свои книги я публикую в России — в толстых и нетолстых журналах, узбекскую литературу размещаю в интернете. А то, что переводится или пишется по-английски, — печатается здесь. Надо сказать, что британцы, в отличие от многих других, — народ медленной, но прочной и долгой любви. Скажем, когда я жил во Франции, в первый же год я стал публиковаться и в «Галлимаре», и в «Харматане», и многих других издательствах. Но для того чтобы опубликоваться в моём первом британском издательстве — «Рэндом-Хаусе», мне понадобилось уже дюжина лет. Зато в читателя это даёт тебе уже чуть ли не полмира.

— Как вам кажется, жизнь в эмиграции даёт писателю дополнительные опыт или в чём-то обкрадывает?

— «Лицом к лицу — лица не увидать, большое видится на расстоянии». Мне кажется, что всякий опыт, который вышибает человека из рутинных, из нажитых предрассудков, — полезен. Особенно для писателя. Жизнь в разных странах показала мне не только новых людей, иные отношения, но и позволила взглянуть на свой прежний опыт совершенно по-иному. Мне кажется, что стереоскопическое писательское зрение, которым обладали и Бунин, и Набоков, и Газданов, и Поплавский, не так уж и вредно. По-прежнему иная оптика, иная перспектива.

— Книжки каких русскоязычных авторов можно купить в Лондоне?

— После того как сеть книжных магазинов Waterstones попала в русские руки, в них открываются целые отдели русской книги, так что с этим добром недостатка нет. Странное всё же ощущение: в советское время, когда стоявшие книги были дефицитом, было больше того, что хотелось во что бы то ни стало прочесть. Сейчас же: «бери — не хочу», а как буд-то бы и нечего читать... Может быть, с возрастом становишься разборчивей в своих пристрастиях и чаще предпочитаешь перечитывать, чем читать наново...

— После того как сеть книжных магазинов Waterstones попала в русские руки, в них открываются целые отдели русской книги, так что с этим добром недостатка нет. Странное всё же ощущение: в советское время, когда стоявшие книги были дефицитом, было больше того, что хотелось во что бы то ни стало прочесть. Сейчас же: «бери — не хочу», а как буд-то бы и нечего читать... Может быть, с возрастом становишься разборчивей в своих пристрастиях и чаще предпочитаешь перечитывать, чем читать наново...

Сологуба. До него смаковал бунинскую «Жизнь Арсеньева» и тургеневский «Дым». Это из русской литературы. Кроме того, у меня всегда на столе тройка-пятерка узбекских книг, пара-другая английских. Иногда за-тёсываются книги и на других языках. Совсем недавно решил сравнить «Слова» Сартра по-французски и по-русски.

— Феномен русской культуры в её всемирности. Для эмигранта, как мне кажется, современный литпроцесс видится дискретным и неполным в силу отрыва от культуры метрополии. Как восполняют пробелы?

— Феномен русской культуры в её всемирности. Для эмигранта, как мне кажется, современный литпроцесс видится дискретным и неполным в силу отрыва от культуры метрополии. Как восполняют пробелы?

Лондон

на ваш взгляд, вводить нечто вроде интеллектуальной прививки от масскульта или воспринимать это как стихийное бедствие, которое рано или поздно само схлынет?

— Есть процессы в мире, которые мало зависят от нас, один из них — постепенная смена религиозной парадигмы с элитистской, элитарной, «вертикальной» и иерархичной системой культуры, в которой поминки данного Богом таланта важны и труд, и заслуга, на атеистическую, эгалитарную (массовую), плоскостную — с культурой «селебрити», где каждый изо всех может выиграть лотерейный билет проекта «Дом» или ещё чего подобного.

— Что сами читаете из современной отечественной литературы?

— Я читаю наверняка то же, что и вы в Москве, или какой-нибудь интеллигент в Омске, Ташкенте или Тель-Авиве. Пробегая глазами по всему, что публикуется в «Журнальном Зале». Это что касается формально современной литературы. С другой стороны, ведь наиболее современной может оказаться и книга, написанная сто лет назад. Мой друг — переводчик русской и турецкой литературы Ричард Маккейн — в силу семейных обстоятельств должен был расстаться со своей библиотекой, которую собирал всю жизнь, и часть этой библиотеки перекочевала ко мне. Только что перечитал двухтомник Введенского. Прежде него перечитывал «Собаке сердце». До него — неизданного

Увы, первая часть в-шего тезиса стала забывать-ся русской литературой. Потому, наверное, современная русская литература почти совсем не известна на Западе. Всё заканчивается на эпохе Солженицына... Я готов поспорить и со второй частью вашего тезиса. Мне недавно рассказали историю о том, как в конце 50-х годов в Ташкенте встретились среди прочих граф Юренин и графиня Заславская — один после сталинских лагерей, вторая после многолетней французской эмиграции; и, вспоминая петербургский бал, где они когда-то плясали вместе мазурку, стали рассказывать друг другу о том, что с ними происходило с тех пор, чтобы слушавший их человек воскликнул посередине: «Как в плохих авантюрных романах!»

— Предлагаете ли вы свою сегодняшнюю жизнь в России? Никогда не хотелось вернуться?

— На этот вопрос трудно ответить, потому что я никогда сознательно не планировал жить здесь или там, так уж вело меня по жизни. Что касается Москвы, я прожил в ней восемь полных горько-счастливых лет и всю свою безответную любовь описал в романе «Мбобо». Я иногда тешу себя мыслью, что лет эдак через 100–150 эту книгу будут читать как Гиляровского, чтобы узнать, какими были Москва и москвичи в конце XX века.

— Как вы относитесь к эмиграции?

— Эмиграция — это не место, это состояние души. Я всегда чувствую себя в изгнании, потому что я никогда сознательно не планировал жить здесь или там, так уж вело меня по жизни. Что касается Москвы, я прожил в ней восемь полных горько-счастливых лет и всю свою безответную любовь описал в романе «Мбобо». Я иногда тешу себя мыслью, что лет эдак через 100–150 эту книгу будут читать как Гиляровского, чтобы узнать, какими были Москва и москвичи в конце XX века.

Беседу вела Анастасия ЕРМАКОВА

Зиновий ЗИНИК

Родился в 1945 году в Москве. Эмигрировал в Израиль в 1975 году. С 1976-го живёт в Лондоне. С конца 80-х годов публикуется и в России. Автор восьми романов. Из недавних книг сборник коротких историй «У себя за границей» («Три Квадрата», Москва, 2008), сборник эссе «Эмиграция как литературный приём» («НЛО», Москва, 2011), сборник прозы об эпохе семидесятых годов «Третий Иерусалим» («НЛО», Москва, 2013) и автобиографическое повествование на английском языке History Thieves [По-хитители истории] (Segaul Books, London, 2011).

Бактын!

В знак солидарности с запуганным мусульманским меньшинством Великобритании я отправился в марокканский бар в подвале ресторана по соседству. Сам этот ресторан я никогда не посетовал: тут расчёт был на богомемо-фешенебельные увлечения лондонской публики восточной экзотикой — со стульями из витого железа (сидеть невозможно), с разноцветными фигурными свечами и разными другими финтифлюшками и вполне приличной, но крайне дорогой едой, вроде марокканского кускуса из бараньей лопатки, ног и других частей животных. Но посетители бара в подвале при этом ресторане тянуло сюда полюбоваться и опробовать ноги или бедра отнюдь не из бараньего кускуса.

Бар этот был открыт до часу ночи официально, а по сути, чуть ли не до у-

ра, и меня давно тянула сюда несколько диковатая музыка: смесь мелодики муэдзина с женским контрольтю в вариациях с ритмами рока. Исламский рок-н-ролл, короче. Когда я спустился по ступенькам в бар, солидарность с мусульманским меньшинством была в самом разгаре. В углу среди диванов и подушек исполняла танец живота девушка-панк в рваных джинсах, и ей аккомпанировала хлопьянем в ладоши компания пёстрого этнического состава. Я наблюдал за этим у стойки бара, заказав свой регулярный дринок: водка со льдом, куда я выжимаю и бросаю пару долек лайма (горького зелёного южно-американского лимона). Этим моим напитком заинтересовался гражданин ближневосточной внешности по соседству. Заказал ради любопытства то же самое. Понравилось. Заказали ещё.

Разговорились. Он, оказалось, экспатриант из Ирака. Выглядел он как мелкий лавочник из этого региона: огромный живот, толстый нос, вечная небритость. Но на редкость правильно пил водку, несмотря на, казалось бы, мусульманские запреты. Он сострил, что Магомет запрещал пить вино, а водка в Коране не упоминается. Не запрещено, значит, можно. Как раз перед визитом в марокканский бар я смотрел по телевизору документальный фильм о Багдаде и об иракской интеллигенции в эпоху Саддама Хусейна. Ожидаешь увидеть нечто вроде Саудовской Аравии, где за мелкое воровство отрубает руку, а за рюмку водки стегают прилюдно плетью на площади. А тут видишь Багдад, похожий на брежневскую Москву с десятками ка-

фе среди крупноблочных домов, огромные прокуренные квартиры, где интеллигенты-диссиденты во время шумного застолья разглядывают альбомы Пикассо и Босха и обмениваются книгами Сартра и Камю. Я был в восторге от этих ностальгических параллелей в географии и эпохах разных стран и народов. Мне нравилось, что я смог найти общий язык с простым иракцем, и как тонко я полюбил в разговоре с этим представителем отсталого мусульманского мира то ощущение амбивалентности, свойственное всякому, кто знаком с диктаторскими режимами, с дилеммами о внутренней свободе и тоской по Европе — ощущение столь общее и для саддам-хусейновского Багдада и для брежневской Москвы. Мой собеседник с энтузиазмом подхватывал мою мысль:

«Yes, yes!» — восклицал он и повторял: «baktyñ!» Слово «бактын», с ударением на «а», означало, наверное, по-багдадски что-то утвердительное, вроде «улыбнулся!» или, скажем, «совершенно точно!» — «бактын!» Продолжая мою мысль, он сказал, что именно эта самая зеркальная амбивалентность Востока в российском Западе и Западе в иракском Востоке и объясняет, почему «бактын» в переводе так популярен среди иракской интеллигенции.

«Кто-кто?» — переспросил я.

«Бактын», — повторил мой собеседник. — «Михаил Бактын».

Я стал медленно, но неуклонно краснеть. До меня дошло, что тот, кого я принимал за иракского лавочника, имеет в виду Михаила Бахтина, легендарного российского филолога 30-х годов, создавшего философию карнавальности мира и амбивалентности верха и низа в плодотворном искусстве. Оказалось, что я говорю с самым крупным специалистом по русской философии и главным переводчиком Михаила Бахтина в Ираке. Как многим иракским интеллигентам, ему удалось перебраться в 60-е годы в Москву, а оттуда, уже в семидесятые годы — на Запад, в Лондон, куда попал в те же годы и я. Он прошёл ту же, что и я, школу российской интеллигентской трепотни под водку.

На прощанье он сказал мне, что исламский рок-н-ролл в баре вовсе не исламский: это рок-вариации мелодий алжирских евреев. Этим лондонским заведением владела, оказываются, израильтяне марокканского происхождения. Недавно ресторан закрылся.

Юлия ПИЛЯВСКАЯ

Родилась в Павлодаре, Казахстан. С трёх лет жила в Обухове Киевской области. С 1999-го — в Лондоне. Училась в Ноттингемском университете (специальность — «Мастер сравнительной литературы»). Недавно закончила роман «Приключения большой девочки в плоском городе», отрывок из которого и предлагаем вниманию читателей.

Баба Маша

Кроме намерения учиться и не пропускать ни одной пары (чтобы из меня вышли, по словам мамы, «хоть какие-то люди»), ещё имею намерение снять комнату в Киеве. Всё равно какую. Лишь бы дальше от родителей. Лишь бы ближе к Остапу.

Читаю объявление, там: пять минут ходьбы от университета, на Большой Васильковской, пятнадцать гривен в месяц. Пятнадцать гривен в месяц! Это полтора доллара. Наверняка не очень, но, блин, за пятнадцать гривен в месяц в Киеве, в пяти минутах от универа, можно и в чужах пожить. Наверняка уже занято. Хотя объявление размещено сегодня — маленькая, но надежда.

Шагаю по залитой солнцем Большой Васильковской и улыбаюсь ожидающей меня свободе. Теперь я учусь в Киеве. Это не сон. Я видела преподавателей и одноклассников своими глазами. Блондинка Сашка в очках и брюнетка Маринка с плотно сжатыми губами, обе с короткими растрёпанными стрижками, после линейки, возле лифта, спросили, сколько мне лет. Уже в лифте я узнала, что Сашке двадцать пять, и она покакала домой, потому что у её семилетней дочке сегодня тоже первое сентября. Маринке же будет в ноябре восемнадцать, и она хочет зайти в библиотеку, пока учебники все не паразбировали. А я приближаюсь к адресу.

Вхожу в подъезд. Прохладный запах куриного бульона с горохом и кислый аромат мусорки напомнил раннее детство. Когда мне было три года, мы жили в Киеве за зоопарком. У нас в подъезде тоже так пахло. Жить в Киеве захотелось ещё больше.

Квартира номер один. Первый этаж, разумеется. Высокие, под потолок, деревянные двери, выкрашенные во времена Хрущёва голубой краской. Звонок. Не работает. Стучу. Долго стучу. Очень хочется жить в Киеве в пяти минутах от института за пятнадцать гривен в месяц. Из квартиры напротив вышла соседка в платье в цветочек и с авоськой. Посоветовала поискать бабу Машу в парке. Так и мою казахскую бабушку зовут! Точно, судьба. Найду бабу Машу. Нэчке сторбленной старушки в платке и фуфайке на дальней лавочке. И впрямь похожа на мою бабушку. Только лет на сто тридцать старше. В городах старухи сохраняются неважно, но долго. Моя бабушка у

себя там, в казахской деревне, гасает с лопатой по огороду за спелыми арбузами и дынями, да одновременно выгребает картошку из-под спелого крыжовника. Вот и выглядит на сто тридцать пять лет моложе этой. А эта любитесь студентами в парке, с утра до вечера небось, мотая неодобрительно головой.

Сажусь рядом с бабушкой на скамейку. Она поворачивает голову в мою сторону. — Здравствуйте, баба Маша! — говорю. Если это не баба Маша, то — ошиблась, ишу жильё, может, случайно знаете, кто сдаёт? — Га?! — крикнула старушка. — Вы объявление написали про жильё! — говорю я, взвев тон повыше. — Звидки ты знаешь, шо я баба Маша? — Я ишу жильё, — показываю на себя пальцем, — вы объявление писали? — У мене не дуже хороше жильё, — заключает бабушка.

— Ну и что! Зато очень близко к институту, — говорю потише, парк же полон конкурентов.

— А ще в мене кот. Вин сэръ, — бабушка мотает головой. Не одобряет, что сэръ. — У меня тоже кот есть. Они любят это дело, — отвечаю я. Не отговоришь, старушка. Попапалась.

— Ну, якщо хочеш так сильно, поди-виши, но тоби не понравится. Ты чепуренька, — бабушка стала подниматься, опираясь на палочку.

— Та ничего, понравится, — говорю я и подставляю руку для опоры. — Подожди, а як ты мене знайшла? — А соседи сказали, что вы в парке, — я лучезарно улыбнулась.

— А-а, соседи... — она оперлась о мою руку, и мы пошли к выходу.

Конечно, за недолгую семнадцатилетнюю жизнь я бывала в местах, откуда мне срочно хотелось сбегать. Например, из дома соседней-кочевников в казахской деревне. У бабы Маши обстановка была получше.

Сначала старушка минут пятнадцать разбиралась с ключами. У неё было пять (!) замков и пять ржавых ключей, которые плохо проворачивались. Наконец заветные двери распахнулись, и мы очутились сразу на кухне.

Едкий запах кошачьих испражнений. На кухонном столе, в полутёмной комнате, сидел и сам кот. Рыжий и очень некрасивый. Он сидел рядом с ним же наваленной кучей. — Це Рыжик, — сказала баба Маша. — Да, я догадалась, — отвечаю. — Як ты знаешь, шо вин Рыжик? — настаивается старушка. — Ну, потому что рыжий, — улыбаюсь я. Открываю синюю дверь из кухни туда, где, по моим соображениям, должна находиться ванная. — Там туалет, — говорит она. Я разглядываю бывшую ванную комнату, заваленную пыльными банками всяческих размеров. Ещё одна дверь, и она уже точно должна вести в туалет. Я толкнула дверь. Темно. Включила свет. Ну, по сравнению с кухней неплохо. Есть унитаз, и он смывается. Но где она сама смывается? Моется, в смысле? — Якщо хочеш мытись, оно в кастрюлі нагрівай воду та мийся... Я возвращаюсь в кухню. На засаленной, будто залитой нефтью, плите стоит высокая голубая кастрюля. У самого дна — дырка. Надо сказать Катюше, что буду ездить мыться к ней в обшту. А есть я вообще не собираюсь. Деньги лучше на билеты в театр тратить и на водку. Закусывать буду, но и это не у бабушки, уж точно. — Ще в мене дуже багато тараканів, — говорит баба Маша. Я открыла дверцу обшарпанного комода, и действительно эти самые гурьбы пронеслись по моей руке, до локтя, упали и рассыпались кто куда. Я захлопнула дверцу и пообещала себе больше никогда туда не заглядывать. Мы прошли в зал. — Ось твоє ліжко. Ось мій. А це мій чоловік. Вин погіб на війні. Я с опаской огляделась — не лежит ли, а то и не сидит ли где труп человека. Небольшая кровать затянута серым покрывалом с давно затёртым рисунком, на стене — фотографии. Над кроватью — светильник! Уже вечером перед сном под ярким светильником я склонилась над «Двенадцатью стульями» и — ни храпящей старухи, ни засаленных стёкол, ни шума проезжающих машин, ни падающих на странички тараканов... Захотелось в туалет. Сунула ноги в тапочки. Толпы козынь ринулись по ногам, я... Но! Можно визжать, прыгать и топтать ногами среди ночи! Ночью можно здесь делать всё, что угодно! Старушка — не услышит.

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Русскоязычные неизлечимо

Шесть лет издаётся в Финляндии альманах мировой русскоязычной диаспоры «Под небом единым», охватывая словом пишущих по-русски поэтов и прозаиков из 80 стран мира.

География впрямь богата: от Австралии через весь мир — Бельгия, Болгария, Великобритания, Германия, Голландия, Греция, Грузия, Дания, Израиль, Иордания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Кипр, Молдавия, Новая Зеландия, США, Таиланд, Финляндия, Франция, Чехия, Швеция, Эстония...

С каждым новым номером журнала список стран увеличивается.

Изначально это был альманах, потом к нему добавились приложения в виде отдельных тематических изданий (авторских сборников или, например, недавно вышел сборник «Поэзия Женщин Мира»). Так альманах превратился в журнал.

Осенью 2013 года в Хельсинки состоялось торжественное вручение премии имени Владимира Набокова (Сиринна) при поддержке культурных организаций России и Финляндии. Наш автор, поэт и прозаик Лариса Васильева была среди почётных гостей этого мероприятия.

ПОЧЕМУ НАБОКОВ? ПОТОМУ...

Писательница-эмигрантка Нина Берберова уверенно говорила, что в эмиграции среди русских поэтов и прозаиков ярче и сильнее других состоялся Владимир Набоков, а если так, то состоялась и вся русская литература в изгнании.

Однажды, в середине 80-х, замечательный писатель Владимир Солоухин сказал мне:

— Ты была в Лондоне корреспондентом «Литературки». Поди, есть у тебя «Лолита» Набокова. Леонид Максимович хочет почитать. Дай ему, он вернёт.

Я отвезла Леонову «Лолиту». Спустила некоторое время, он позвонил и пригласил к себе. Говорил, смущаясь, что не мог поверить разговорам, будто бы «Лолита» — порнографическое сочинение, и оказался прав. Какая же порнография, если в конце книги герой встречает выросшую, некрсивую, беременную от простого рабочего Лолиту и чувствует, что любовь его не только не прошла, но стала ещё сильнее. Леонид Максимович, сам великий стилист, сказал, что божественный стиль Набокова не изменяет ему, о чём бы ни писал. Поблагодарил меня за возможность прочитать книгу и улыбнулся:

— Теперь мне легче будет его защищать. Это единственные леоновские слова, которые я могу процитировать точно.

В Хельсинки съехались русскоязычные авторы из разных мест. Интересной была петербургская группа: прозаики Георгий Попов и Сергей Арно, а также от Музея Набокова в Питере молодой научный сотрудник Данила Сергеев. Это он напомнил ответ Веры Набоковой, жены писателя, на вопрос, что она считает главным в его творчестве. Жена якобы ответила нечто, по-моему, неопределённое, расплывчатое. Думаю, её неверно поняли. Или же она не захотела открывать тайну, и без того открытую всем: главным двигателем творчества Набокова был ностальгический синдром — тоска по России. Он и жил-то в гостиницах, понимая, что на чужбине у него не может быть своего дома.

Особенно сила тоски по Родине выражается в его романе «Возвращение». И в стихах.

*Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывёт кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать...*

*Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горячий циферблат.*

*Закрыв руками грудь и шею —
вот-вот сейчас нальнёт в меня! —
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.*

*Оцепенелого сознания
коснётся ткань часов,
благополучного изнания
я снова чувствую покров.*

*Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звёзды, ночь расстрела,
и весь в чермёту овраг.*

(«Расстрел»)

Все эти нежнейшие, не изученные патристические чувства в первой четверти XXI века с его технологическим прогрессом, способным изучать их, сошлись нынешней осенью в Хельсинки на вручении премии имени великого эмигранта Набокова.

Кто же стоит за этим действием, кроме официальных организаций Финляндии и России, отчасти помогавших его проведению? Ищите женщину! Елена Лапина-Балк. Русская. Поэт и прозаик. Создательница и главный редактор журнала «Под небом единым».

Сегодня в разных странах русскоязычные и по-русски пишущие люди сбиваются в творческие стаи для встреч-общений, для публикаций своих произведений. Разрозненные группы людей, объединённых русским языком, явно нуждаются в мягкой, ненавязчивой централизации. Они уже начали ссориться между собой, по образу советских размежеваний в литературном процессе, исключительно потому, что мало и поверхностно знают друг о друге.

Журнал «Под небом единым», с его уникальным и многогранным опытом, мог бы стать таким центром, при неслучайном отсутствии сегодняшней политики и её конъюнктуры. А их в журнале и не наблюдается.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РЕКУ

Нынешняя эмиграция не та, что прежде. Трагически невозвратные пути были перед людьми литературы и искусства прошлой эпохи. Максим Горький и Алексей Толстой — положительные исключения, подтверждающие отрицательное правило — трагедия невозвращения в СССР. Оба вернулись.

Анна Ахматова осталась на Родине, но путь её был сопряжён с многолетним кошмаром незадолго до насильственного забвения при жизни. Марина Цветаева вернулась на Родину и в итоге выбрала петлю вместо тяжкой жизни в СССР. Это громкие имена, а тихие, но тоже талантливые имели каждый свою судьбу с непреходящей трагедией.

Нынешняя эмиграция другая. Да и эмиграция ли она, если всегда можно приехать туда, откуда уехал? Поэтессы, живущие в замужестве повсюду на Земле, разве эмигрантки? Поэт, живущий в Хельсинки, свои стихи книгами издающий в московском издательстве «Круг», разве эмигрант? Ещё не придумано для них определение. Этих людей, может, и не следует определять одним словом. Они — люди мира, пишущие по-русски. Об одном из них хочу рассказать подробнее.

РОБЕРТ ВИНОНЕН

1964 год. В комсомольской школе в Вишняках издательство «Молодая гвардия» устроило семинар молодых поэтов, чтобы с помощью мэтров советской поэзии отсеять неталантливые рукописи.

Я оказалась в семинаре Сергея Наровчатова. Быть оценённой им считалось равносильным попаданию в лютку к тигру. Разорвёт? А может, милостиво одобрит? На семинаре было четверо. Каждому Сергей Сергеевич посвятил по несколько часов и по четверти пухлой общей тетради с замечаниями.

Один из нас, Роберт Винонен, был родом из-под Ленинграда. Окончил Литературный институт и его аспирантуру. Позднее переехал в Хельсинки, наверное, почувствовав себя финном. Помню, тогда, в Вишняках, его зримо звучащие строчки «и как семья Лаокоона, увитый трубами оркестр» восхитили Наровчатова, предсказавшего Роберту

прочный, серьёзный литературный успех, если он пройдёт испытание городом. Каждый из четырёх запомнил эти слова, но вряд ли мы их поняли. Главное то, что их не просто понял, а увидел Винонен. Вместе с женой, грузинкой Лианой Элиава, он ныне живёт на три страны. Не имея в душе невозвратности эмигранта, Роберт свободен быть самим собой, насмешником и философом.

Отчего же время от времени он направляет свой несомненный поэтический дар на тему, казалось бы, не должную волновать его?

*Звенели вешние ручьи,
Когда в селе у горизонта
Фини уродился на Руси
И обрусел бесповоротно.*

*Оттуда всех смела, как сор,
Судьба и даже за бугор
Того забросила чужою.*

*Забот не зная за бугром,
Он и во племени родном
Чужезычным остаётся,*

*И никаких красот и лгоет
Нет у него дорожки речи.
Не гроб ли этакого от
Русскоязычия излечит?*

Как это близко к ощущениям Набокова, хотя невозможно сравнить их возможности быть собою в не своём мире, в атмосфере окружающего языка, которого не впитал с молоком матери.

Нечасто бывая в Финляндии, я всегда встречаюсь с Робертом. Кажется, он ничуть не изменился с 1964 года, хотя вижу и седину, и морщины. Мы мало говорим. Молчание наше наполнено воспоминаниями о тех днях, когда мы оба по-разному, но понимали одно: предчувствие поэзии во всём, чем была окружающая нас жизнь, несмотря на многие её несоответствия, неистребимо.

ЛИСТАЯ ЖУРНАЛ

Шестой номер журнала «Под небом единым» 2013 года. Шесть лет активной жизни. Есть смысл если не подвести итог, то хотя бы обобщить реально существующий опыт издания. Сойдясь вместе на страницах, живущие в разных странах и на разных континентах авторы разных национальностей, объединённые общим языком и в большинстве своём имеющие опыт жизни в России, мыслят и чувствуют похоже, хотя словно патина на драгоценном металле проступает у каждого другая жизнь, и ей явно чего-то не хватает. Чего? Родины в ежесекундных ощущениях, словно кальция в костях. Это состояние отлично выразил в том же шестом номере журнала «Под небом единым» прозаик Валерий Попов, председатель Союза писателей Санкт-Петербурга.

Похоже, во все времена председатели чего бы то ни было зарабатывают себе способности к обобщениям:

«Язык имеет свойство постоянно изменяться: уходит слова, бывшие в обиходе десять-пятнадцать лет назад, на смену им появляются новые — язык живой организм. Находясь в России, мы не всегда замечаем эти изменения, но, читая произведения соотечественников, живущих за рубежом достаточно продолжительное время, часто удивляемся тому, что они сохранили уже забытые нами словосочетания, интонации языка и соединили их с чисто эмигрантским новоязом. Эффект порой получается самый удивительный. Судьбы наших зарубежных соотечественников сложились по-разному, но в душе каждого из них сохраняется внутренняя связь со своей страной, и быть прочитанными на Родине для них очень важно».

Последняя мысль о важности очень верна. Ещё вернее то, что не менее важна сегодня слиянность на плацдарме одного журнала писателей, живущих Там, с писателями, живущими Тут. Зачем? Чтобы единое небо над ними стало той обетованной Землёй, чья Небесная твердь всем необходима.

Назрела необходимость укрепления журнала, издающегося в Финляндии, то есть превращения его в полноценное издание, где наряду с поэзией и прозой были бы материалы о современных тенденциях общей русской литературы, о развитых тем и жанров. Литературная критика, в современных условиях жизни почти потерявшая способности к объективному мышлению, входя в обновлённый мир журнала, получила бы новые повороты своей ныне печальной судьбы.

Как это сделать? Думаю, это знают и понимают люди из государственных структур, действующих в культурном пространстве России, Финляндии, и не только. Готова, и не я одна, поделиться с ними своими соображениями на эту актуальнейшую тему.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Центром семинара, посвящённого русскому европейцу Владимиру Набокову, стала церемония награждения набоковской премией Игоря Белкина, поэта, живущего в Эстонии. Из резюме Белкина известно, что он ещё пишет и сказки для детей. В условиях нынешнего дня, когда дети, едва ли не с детства, погружены в просторы интернета, писать для детей сказки, чтобы они ещё захотели их читать, — смелый поступок. Белкин, однако, пишет их, и читатели находятся.

Особенность его творчества в том, что, глядя на мир отнюдь не сквозь розовые очки, он умеет находить забавное во всех проявлениях жизни. Названия его поэтических книжек красноречивы: «Как странен мир, в котором мы живём» (2011), «Пишу письмом длиною в жизнь» (2013).

Полюбив стихи Белкина странно любовью-волнением, сродни чувству, какое бывает, если ощущаешь родную душу, хочу привести здесь одно, особенно взволновавшее меня.

*Спросить бы кого, кто находится
ближе к Пророку:
слушай, Незримое или Незрячее око
полно равнодушия к судьбам
шести миллиардов,
жующих, живущих
до лопнувших струн миокарда?*

*Акто мне ответит,
все веруют пощю и дневно —
кто в разум космический,
кто в колокольную гневность,
в Аллаха и Будду, и в магию чёрного слова,
и в слёзы икон
с аскетическим ликом Христовым.*

*Искусственный слог на иверте,
славянском, санскрите
уходит в эпоху
со множеством узких калиток,
широких ворот к единению
Пророк не построил:
в Эдем, человеке, ты сам прорубайся героем!*

*А я не герой!..
Колупаю куличик пасхальный,
пророк сам себе и духовная исповедальня,
и ближнего глажу рукою,
политой слезами, —
он ближе, чем тот,
кто физически неосязаем.*

Это стихотворение подобно биноклю, в который смотришь, то увеличивая, то уменьшая нечто, о чём хочет поведать миру поэт, способный так видеть.

Мне хочется, чтобы стихи Игоря Белкина, победившие на семинаре памяти Владимира Набокова, стали известны более широкому российскому читателю. Белкин несёт людям свободу исповедального слова, а без неё нет поэта.

ИТАК — ИТОГ

Хотелось бы увидеть в журнале «Под небом единым» новые мемориальные материалы о людях и временах незабвенных.

Хотелось бы найти на его страницах никогда не публиковавшиеся стихи великих поэтов с достойными комментариями. Серебряный век — легенда, которую хочется прочитать по-новому, и это возможно сделать, если задаться целью усилить журнал, как я уже предлагала выше.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

ПОЭЗИЯ ФИНЛЯНДИИ

Елена ЛАПИНА-БАЛК

Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила ЛИТМО (Ленинградский институт точной механики и оптики), одновременно отделение журналистики (ФОП) ЛГУ. Автор пяти поэтических сборников, а также сборника короткой прозы и стихов «Тропы судьбы» (2011).

Живёт в Хельсинки с 1983 года.

*А счастье
Мыши
растали по углам,
оставив на полу
следы от серпантина...
И только еле слышно
тут и там,
биенье пульса
проклятой надежды,
одетой в серое презренье.
Да тени слёз
намокшей паутинкой
скользят из прошлого
и тянутся
неслышимым мгновеньем
чего-то бывшего*

*и светлого...
хорошего.*

Будь рядом ты: июль и лето
из невесомых, тёплых радуг —
и нигде бегать не надо
от взглядов-стуж и безответов...*

*Будь рядом ты — осенем зовом,
потоком золотого света
изнежила бы ясным словом,
оскружила страстным танцем
веток.*

*Будь рядом ты — минувя зиму,
перелетала бы в весну я,
морозы так невыносимы,
в них замерзают поцелуи.*

*Будь рядом ты... Но ты не рядом...
Нас разделяют сотни взглядов,
чужих объятий, крики ветра...
И я не знаю — где ты!
где ты!*

Мечты — одуванчики.
Ветер подул —
разлетелись.
Светлому дню
впроке.*

В сердце гул непрестанный.

*Воспоминанья (как валидол)
под язык —
может, поможет...
Ночью разбудит
крик:
«Всё это ложь,
никто, поверь,*

*не должен
жить только в мечтах!»*

*Выглянула в окно:
«Вот безобразия?!
раскричались...»*

*А там — никого...
Только качели качались,
вздыхали:
ах...*

Надежда ЖАНДР

Родилась в Ленинграде, в Финляндии с 2000 года. Образование филологическое (немецкий язык и литература). Автор пяти поэтических сборников, печатается во многих периодических изданиях. Шеф-редактор антологии переводов «Небо без границ».

Живёт в г. Вааса.

ДНЕВНИК

*Не дай по датам памяти босой,
как по стеклу хрустящему
кружиться.*

*Морозный гелий, пудра и корица,
пыльца ли, прах, да с неба снег и соль,
где воздух индевет, бога ради, —
лёд пальцев липнет*

*к шёлковой груди, —
не дай увидеть то, что впереди,
не дай прочесть себя*

*в пустой тетради.
То глянцево блещут зеркала,
а не листы у дневника пустого,
ловушка, прутья строк,*

*и нет живого,
и мел скрипит: пока не умерла...
Нет, это — молоко, его разводы
в горенье синем верно узнаю,
зрачками ос впитывают, боль мою
лелеет медленный огонь природы,
и от себя не можно убежать,
и каторжник цепями лёгкий почерк
всё тянет сны пуховой*

*зимней ночи
на острей бумажного ножа.*

Ракушек скорлупу перетираю —
хруст,*

*порез об острый край —
загадка хиромантам.
Мой домик меловой и полый
чист и пуст:*

*картавым голубым
надёжная приманка.*

*От белизны сужается зрачок,
куруный ультразвук в движенье
вёртких крыльев.*

*Вдыхает аллергично звездочёт
труху от первого?
Взвесь алмазной пыли?*

*И, запертая, мечется душа,
и заплетаются морщинистые
лапки,
и вечность теплится и тает*

*не спеша,
и на ладони капает украдкой.*

Людмила КИРПУ

Родилась в Ленинграде. Образование гуманитарное. Автор поэтического сборника «Недоигранная гамма» (Санкт-Петербург, 2007). Печатается в периодических изданиях Хельсинки — поэзия, переводы с финского. Участник коллективных поэтических сборников. Победитель конкурса «Мюнхен-2007».

Живёт в Хельсинки с 1991 года.

На въезд и на выезд
закрыта граница...
Без визы на счастье
не надо мне сидеть.
Не надо, мой бывший,
твой паспорт просрочен!..*

*Но чувства топлятся
в «преобаннике ночи»...*

*— Впустите, нам тесно!..
Нам тесно и больно!
Но разум, таможенник,
с криком — Довольно! —
им объясняет,
что кто-то и где-то...
вписал эти чувства
в реестр запрета,
что издан приказ:
«В течение лета
границы держать
на замке... до рассвета».*

Ты возьми меня за руку, мама,
посиди или рядом постой.
Помнишь, раньше кричала упрямо:
«Никого не возьму на постой!»*

*А теперь, когда нет уже сада,
вместо дома лишь тень на плетень,
я, безумная, с недругом рада
разделить усадебный день.*

*Ты возьми меня за руку, мама.
Посиди или рядом постой.
У старшей дочери драма —
нет желающих на постой.*

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Моя Родина – русская культура

Сара СМИТ:
«Родители сегодняшних студентов задают вопрос: что вы будете делать дальше с русским языком? Мои родители говорили то же самое 40 лет назад...»

В 2010 году за заслуги в области популяризации русской культуры за рубежом Сару Смит, профессора кафедры русского языка и славистики Дублинского университета Тринити, почетного доктора Литературного института имени Горького, наградили в Кремле медалью Пушкина.

— Сара, как получилось, что вы, ирландка, жившая во многих странах, знающая несколько языков, посвятили большую часть своей профессиональной деятельности русскому языку? Каковы мотивы вашего выбора?

— Это очень сложный вопрос. В детстве я совершенно не хотела читать, и мои родители очень волновались из-за этого. Я даже запретила дарить мне книги на Рождество и день рождения. И однажды, когда мне было лет одиннадцать, мы с родителями посмотрели советский фильм по автобиографии Горького. Сейчас я смотрю этот фильм совсем другими глазами, а тогда я воспринимала его наивно, и мне захотелось прочитать «Детство» Горького. Книга неожиданно понравилась. С этого момента я прочла ее с чтением. А потом стала читать Тургенева, Толстого, позже Достоевского...

— Однажды вы произнесли фразу, которую я запомнила и люблю цитировать от вашего лица: «Когда человек много переезжает из страны в страну, он не утрачивает Родину, а приобретает новые, и у человека может быть много родин». Вошла ли Россия в ваш список?

— Да. Должна сказать, что у меня даже несколько русскоязычных родин, как ни странно. Первая – виртуальная Россия. Я по-настоящему стала заниматься русским языком, когда поступила в университет на кафедру русского языка и погрузилась в русскую культурную духовную атмосферу. Читала только русскую литературу, смотрела только русские фильмы, но не с кем было разговаривать. Я не говорила по-русски, даже когда окончила университет. Такой возможности не было. Но мы, выпускники, читали довольно бегло, писали более или менее грамотно.

Второй мой русскоязычный мир, вторая родина – та, которую я встретила, когда поступила в аспирантуру. Я училась во Франции в Сорбонне, но жила в Мёдоне – маленьком пригороде на полпути от Парижа в Версаль, где с начала XX века традиционно селились русские. В Мёдоне существовал Центр изучения русской культуры, при котором жили эмигранты из СССР. И там же – студенты и аспиранты, желавшие находиться в русскоязычной среде. Это было удивительное место, в котором я познакомилась с диссидентами Гинзбургом и Синявским. Так мой русскоязычный и виртуальный мир стал в Мёдоне почти настоящим.

С начала 80-х я стала летать в СССР на летние курсы по повышению квалификации. Училась в МГУ.

Именно с этого начались настоящие отношения с не виртуальной страной.

— Может быть, это странно прозвучит, но я считаю русскую культуру своей родиной больше, чем страну.

— Как менялось лицо студента на кафедре? Ну, скажем, со временем перестройки до настоящего момента?

— Да практически никак. Русскоговорящих студентов поступает примерно 3–4 человека на 30 новых студентов. Большинство студентов у нас ирландцы. Это очень интересные люди, потому что они чаще всего к нам поступают если не против воли своих родителей, то абсолютно без поддержки. Наша кафедра считается не очень престижной. Родители сегодняшних студентов задают вопрос: что вы будете делать дальше с русским языком? Мои родители говорили то же самое 40 лет назад. Никто тогда не мог представить что я буду работать в качестве профессионала-русиста. Это и мне тогда не приходило в голову.

— Не иссяк ли интерес к русскому языку и культуре за последние 20 лет?

— Во время перестройки, когда к нам поступало много студентов. Но это был единственный момент, когда в нашей прессе говорили о России положительно. Ни до этого, ни потом никогда ничего доброго-желательного не писали. Так что студенты приходят к нам, несмотря на то, что у них в головах сложился негативный образ России, что влывнее удивительно.

— На вашей кафедре изучают и русский язык, и русскую литературу?

— Да. На английском языке название звучит как «русская кафедра». Подразумеваются и литература, и язык. И история, страноведение, лингвистика.

— Как вы выбираете произведения для изучения? Есть ли определенная программа? Или вы собираетесь все вместе на кафедре и решаете этот вопрос?

— И то, и другое. Студенты обязаны на втором курсе пройти программу по культуре XIX века, на третьем курсе – по культуре XX века. Преподаватели этих курсов каждый год обсуждают тексты, над которыми будут работать со студентами.

— Изучают ли студенты современную литературу?

— Практически нет.

— А вы сами отдаёте предпочтение каким-то современным российским авторам?

— Я очень люблю Улицкую. Хотелось бы, конечно, больше читать и больше быть в курсе современной русской литературы. Только что была в Москве и привезла 10–12 книг. Я специалист по литературе XIX века, а мой коллега Джастин Догерти – специалист по литературе XX века. Нас всего двое на кафедре, кто преподаёт литературу, и мы не можем охватить всё. Это просто нереально.

— Вы встречаетесь с эмигрантами и записываете истории их адаптации в Ирландии...

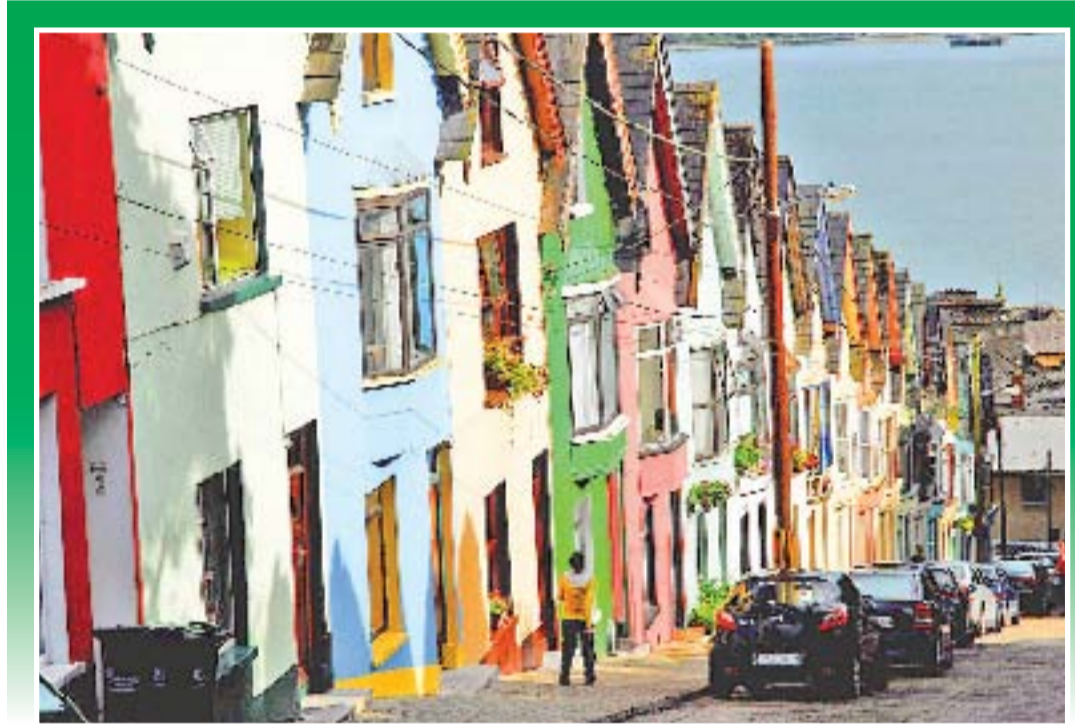
— Да, я уже пять лет записываю эти истории. Они очень разнообразны. Есть истории, которые радуют, есть, которые огорчают. Но это относится, скорее, к жизненному пути, а не к тому, как люди владеют своим языком. Мне важно не сохранение уровня языка, а сохранение языка для того, чтобы ребёнок мог общаться с родителями, бабушкой и дедушкой. Человеческий контакт важнее, чем уровень языка.

— В 2012 году в университете Тринити родился Центр художественного перевода. Вы директор Центра. Какие цели ставит перед собой эта организация?

— Когда я была деканом, вместе с моими коллегами создала этот центр с целью повысить статус художественного перевода в ирландском культурном

пространстве. В Ирландии в этом отношении две проблемы. Среди моих коллег, например, есть те, кто считает, что нельзя читать в переводе, потому что потери при чтении будут слишком ощутимыми, и надо читать только в оригинале. Но тогда мы сможем читать лишь на языках, которые знаем. То есть, по сути, мы отрицаем всю мировую культуру. И есть вторая тенденция, связанная с первой: перевод – это произведение невысокого уровня, не заслуживающее внимания. И поэтому в газетах не пишут рецензии на переводы, поэтому мы платим гроши нашим переводчикам, поэтому наши издательские дома не издадут переводы. В результате они не становятся частью культурной жизни, и люди недооценивают ремесло переводчика. Я хотела создать Центр с целью поставить литературный художественный перевод на видное место в нашей культуре.

— Расскажите, пожалуйста, про недавнюю изданную книгу с переводами на русский язык.

г. Кобх

— Это сборник современной и не очень современной литературы, стихов и прозы в переводе на русский.

— Английской литературы?

— Не только. Там есть ирландскоязычные стихи, а проза вся английская.

— Кто был инициатором создания сборника?

— Это была моя идея, и я поделилась ею с коллегой Джоном Мюрреем, который стал редактором этого издания.

— В этом проекте были задействованы переводчики...

— Да, из Литературного института им. А.М. Горького. Когда эта идея возникла, но ещё не была осуществлена, мы с Ирландской литературной биржей решили, что хорошо было бы предпринять совместное путешествие и приглашать каждый год одного иностранного специалиста по художественному переводу в Ирландию на четыре месяца. Первым специалистом, приехавшим в рамках этого проекта, был Владимир Бабков из Литинститута. Мы решили, что было бы хорошо, если бы человек, поработав над книгой здесь, на кафедре, вернувшись в Россию, выбрал бы там переводчиков для продолжения работы. Владимир Бабков стал практически заместителем редактора издания, работая вместе с Джоном Мюрреем. Судьба книги решилась во время посещения Москвы в рамках официального визита тогдашнего президента Ирландии Мери Макалис.

— Делегация университета Тринити тогда посетила филологический факультет МГУ и заключила договор о сотрудничестве?

— Мы с МГУ заключили договор в конце 70-х. Это университетский договор. Существует практика обмена студентами. Договор продлевается каждые три года. Но раньше в МГУ существовало только маленькое факультативное отделение ирландского языка, а с 2010 года студенты могут выбирать ирландский язык как основную специальность.

— В Ирландии школьникам разрешается сдавать русский язык как родной на выпускных экзаменах в школе...

— Любый гражданин любой страны Евросоюза имеет право сдавать экзамен по родному языку – польскому, литовскому, греческому и т.д. Здесь нет ничего нового. Этот вопрос был решён за нас в Брюсселе.

Ситуация с русским языком отличается, потому что перечисленные языки непрограммные. Русский язык считается с 2002 года программным наряду с французским, немецким, арабским, итальянским, испанским. Они все входят в школьную программу, но проблема в том, что русский язык не преподаётся в ирландских школах. Наша школьная система очень консервативна, и её структура не позволяет директорам нанимать учителей русского языка по финансовым соображениям. Это большой вопрос...

— И тем не менее в Ирландии существуют бесплатные курсы по подготовке к сдаче выпускного экзамена по русскому языку для всех желающих.

— Комиссия по вопросам языков при Министерстве образования Ирландии, членом которой я являюсь, выдвинула предложение таких курсов, и министерство поддержало нашу инициативу.

Беседу вела Наталья ЧИРКОВА

Жилет из ноябрьских ветров

Наталья ЧИРКОВА

Родилась в Ульяновске. География переездов: Москва, Бад-Наугейм (Германия), Чарлстон (США), Дублин (Ирландия). Окончила в Москве Химико-технологический институт им. Менделеева. Писала для газет «Культура», «Век», «Вечерняя Москва», журнал «Вокруг света», эмигрантских изданий. Переводила стихи с английского, немецкого и армянского на русский язык.

Публиковалась в ряде сборников. Имеет четверых детей. Живёт в Дублине.

В МОЁМ РАЮ

В моём раю с рассвета до темна
Бужит ангел – сторож мой,
Мой спиногрыз, божественный
хранитель,
мучитель.

Я пленена.

В моём Эдеме только сыр – эдам.
В моём раю не по-эдемски сыро.
Мне ангел дан на срок, пока не вырос –
Не совсем.

От ангела я отдохнуть не прочь.
Свои-то крылья затеки от скуки.
Но тянутся обнять не крылья – руки
Буянку дочь.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ОСЕНИ

Вскинула руки,
Заслоняясь в испуге,
И не успела –
С неба на голову мне
Камнем упал жёлтый лист.

УХОДИЛА

Уходила. Неровным стаккато
Был по телу промозглый озноб.
Если я и была виновата –
Только в том, что любила взахлёб.
Это осень с глазами подруги
Нащептала неправедных слов.
Сто платков у подруги к услугам
И жилет из ноябрьских ветров.
Не дождал. Не простил. На развилке
Обернулась: была не была...
В мутных сумерках осень с ухмылкой
Сто платков по дороге мела.

НИКОМУ НЕ СКАЖУ

В комнате тихо. На улице падает снег,
Кутая ласково крыши домов и деревья.
Город углы закружил в молодом оперенье –
Зимней работы лебяжий большой оберег.

Кубики окон струят акварель через край,
Цвет занавесок вверх наложив на белля.
Лампу внутри, чтобы видеть метель,
погасила.

Сделав снаружи незримой сардин киноварь.

В комнате тихо. На улице падает снег.
С куклой любимой сидим под столом
косолоным.

Кто ты, придумавший мир и меня,
где ты спрятан –
Царь ли, волшебник, факир, великан, человек?

Чьё-то присутствие лёгким касанием манит
Равно пугает – не снег ли провалился
сквозь стёкла?
Дом – зеркальце с партером глубоким
и блёклым,
Сцена метели – желанный могучий магнит.

Вываться в детство,
над городом белым летать,
Стать совершенной
подобно ажурной снежинке,
Страшно и весело с ангелом мчаться
в обнимку
И за собою с изнанки окна наблюдать.

А налетавшись, обратно к игрушкам
присесть,
Взяв из метели то Слово, что было в начале,
И прошептать под обыденный сполох
трамвая:

Господи, я никому не скажу, что ты есть.

Иноземная доля

Алексей
ИВАНОВ-ЦАРЁВОКОКШАЙСКИЙ

Родился в Йошкар-Оле (до 1919 года Царёвококшайск). Автор книг «Геомэтр» и «Аллергия на Магические Грибы». Победитель поэтического турнира «ПУШКИН В БРИТАНИИ» в 2004 г. С 2000 года живёт в г. Кингскорт.

Так просто:
Сделать вид, что всё забыла,
И в жизни ничего не изменилось,
Как будто на минутку выходил,
А расставание,
как странный сон, приснилось.

Так просто:
Всё вернуть и не хитрить,
Друзья, родня, соседи, сослуживцы.
Давишной дружбы книгу
приоткрыть,
И обнаружить в ней,
что вырваны страницы...

О ДОМЕ И ЧУЖБИНЕ

Гордись своей великою страной,
Не будь приманкой бездны упоён.
Пусть за морем веселье, но чужое,
А дома, хоть и горе, но своё.

В иное племя едешь новосёлом?
Запомни, где б ты доли не искал,
С чужими и веселье не весело,
С родными и беда не так горька.

ДОЛЯ

Сколько лет, сколько зим,
сколько вёсен
От родимого дома бегу.
Кольбель свою сдору забросил,
Вновь родиться уж не смогу.

В гуще леса кукушка кукует,
От того что гнездо не свила,
Мне судьбу предрекает лихую –
Ты чужбина к рукам приобла.

Душит чужбиною воздух свободы,
Давит лёгкостью прелесть житья,
Прожигает на сердце пустоты
Иноземная доля моя.

Прохладный туман

Анна РЫЖОВА

Родилась в Магадане. С 1987 г. проживала в Литве, последние 13 лет – в Ирландии.

Пишет стихи и прозу. Публиковалась в русскоязычных газетах и журналах за рубежом. Обладательница специального приза «Литературной газеты» (турнир «ПУШКИН В БРИТАНИИ», 2006). Живёт в Дублине.

Я СНОВА УЛЕТАЮ

Я снова улетаю. В добрый путь!
Аэропорт встречает хлебом-солью.
Мамам в пальто, сурово битом мяломю,
Спешит принять до вылета «на грудь».

Шестой размер, а не хухры-мухры.
Такому даму опять не накладио!
Мужик на формы смотрит плотоядно,
Ерошит по-мальчишечьи вихры.

Я снова улетаю. Высоты!
Гарсон, салфетку! Челазж, подите!
Я связываю мир единой нитью
Через его воздушные порты.

Гормоном бьёт кровь странника
под дых:
В душе кочевник – зов далёких предков.
Не тех, далёких, скачущих по веткам,
А более, так скажем, молодых.

Разбиты посохи о камни в пух и прах.
Нас много. Всё куда-то улетаем.

Бежим, но куда не прибегаем,
Застывшие в эпохах и годах.

Давно оставлена, но не забыта мать:
Мелюсь по миру,
а в душе моей – Россия.

Июль. Жара. Аэропорт. София.

Допью «Шуменско» –
скоро снова улетаю.

О ПОЛЬЗЕ МОНАРШЕЙ ЛЫСИНЫ

Быть принцем – невеста забота,
Коль от природы зело волосат.
И, если ты дойдёшь до эшафота,
То лысого уж точно не казнят!

Представьте: вот палач
(мужик нехрупкий)

От лысины в истерике... «Опять!»
Ну ладно – отрублю, но после рубки –

За что мне вашу голову поднять?!

И принцы эшафотов не боятся!
Монарших лысин чьют
сакральные блеск.
Долей сексизм нескромных эпилепсий!
Дайшь нам равнинный гротеск!

...Вечерний час. Из уголков планеты –
Нажобанный скрип... Причина не глупа:
То в вождельные царственного света
Мужчины полируют череп...

ИРЛАНДСКОЕ ЛЕТО

Хмурое небо. Грачи улетели.
Впрочем... а разве здесь были они?
Вот ветра... хоть не вот метели!
Тянутся мокрые серые дни.

Я у камина. Пытаюсь согреться.
Пледы и шуба... разже чай да коньяк.
Дрожь пробирает до самого сердца –
Холодно! Правда, и это – пустыяк.

Выйдешь на улицу. Вот где серьёзно!
Бельем туманом – да пар изо рта.
Женские лица
с оттенком навозным –
Автозагар – ещё та красота!

Быстро домой. Там играют гитары.
С ними не зябко. Движение спасёт.
Крутится глобус: Багамы, Канары...
Самовнушенье – и валь повезёт.

Ладно. Не страшно.
Не то что там где-то!
Всё же не снег, а прохладный туман.
Здравствуй, ирландское

«тёплое» лето!
Востоим! Сдюжим мы! No pasaran!